САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Касахара Кота

Советско-японский пограничный конфликт на озере Хасан 1938 г. в архивных материалах Японии: факты и оценки

Специальность:

07.00.03 – Всеобщая история (Новейшая история (XX-XX вв.))

Диссертация на соискание учёной степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:

кандидат исторических наук,

доцент Османов Е. М.

Санкт-Петербург

2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....3

Глава 1. Япония и СССР в преддверии конфликта у оз. Хасан 1938 г. … 23

1.1. Политическая ситуация в мире в 1930-е годы…….....23

1.2. Характеристика местности конфликта у оз. Хасан…….....28

1.3. Позиции СССР и Японии по поводу советско-маньчжурской государственной границы…….....29

1.4. Положение на границе СССР и Маньчжоу-го до 29 июля 1938 года ……37

Глава 2. События конфликта у оз. Хасан в архивах Японии.....47

2.1. Инцидент у высоты Безымянная 29 июля 1938 г.: начало военных действий.....47

2.2. Разгар военных действий конфликта у оз. Хасан.....57

2.3. Действия сторон после заключения перемирия 10 августа.....69

2.4. Дипломатия Японии в поисках выхода из конфликта…….....79

2.5. Потери сторон по советским и японским документам.....86

Глава 3. Социальные последствия и уроки конфликта на оз. Хасан для стран-участниц… ……...…...92

3.1. Восприятие конфликта населением советского Дальнего Востока.....92

3.2. Отношение к конфликту на подконтрольных Японии территориях …….....97

3.3. Уроки конфликта для советской стороны.....105

3.4. Уроки конфликта для японской стороны.....107

Заключение.....119

Список источников и использованной литературы.....124

Приложение 142

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

В число важнейших приоритетов внешнеполитической деятельности современной Российской Федерации входит установление стабильных партнерских отношений с окружающими государствами. Особую значимость поэтому приобретают российско-японские взаимоотношения, от качества построения которых во многом зависит безопасность границ соседних государств. Кроме того, поскольку Япония является важным стратегическим и экономическим партнером России, становится необходимым минимизировать факторы, осложняющие продуктивное сотрудничество.

Как известно, налаживанию долгосрочных взаимовыгодных связей между двумя государствами препятствуют некоторые межгосударственные проблемы, являющиеся наследием XX века. Можно полагать, что для эффективного поиска путей решения данных проблем необходимо выявление их истоков. Следовательно, изучение различных аспектов формирования проблем во взаимоотношениях России и Японии представляется достаточно важным и актуальным в современных реалиях.

Одним из значимых вооруженных конфликтов между двумя странами являются боевые действия у оз. Хасан, восьмидесятилетняя годовщина с начала которых пришлась на 2018 год. По сути, этот конфликт явился первым масштабным военным советско-японским столкновением с момента подписания договора между Японией и СССР об установлении дипломатических отношениях, определившим проблематичный характер дальнейших межгосударственных взаимоотношений. Кроме того, данный вооруженный конфликт между Советским Союзом и Японией стал составной частью прелюдии ко Второй мировой войны. Изучение этого этапа способствует более четкому пониманию характера дальнейших советско-японских отношений в ходе самой кровопролитной войны в человеческой истории.

Следует отметить, что в настоящее время среди представителей российской и японской исторической науки наличествуют полярные подходы к оценке причин и характера данного вооруженного конфликта. Историки, как правило, занимают апологетическую позицию в отношении действий своей страны в этих событиях. Можно констатировать, что ситуация, сложившаяся в исторической науке, является отражением настороженных и противоречивых отношений между странами. В связи с этим можно предположить, что научные исследования, свободные от идеологических и пропагандистских штампов, а также нацеленные на достижение объективной истины, имеют большое значение для преодоления подобной взаимной настороженности. Особую значимость имеют исследования, ориентированные на попытки научного постижения основных мотивов и ориентаций, определяющих логику поведения японской стороны в представленном конфликте. Для решения данной задачи требуется непредвзятое изучение архивных материалов Японии.

Таким образом, актуальность темы исследования обусловлена следующими факторами: во-первых, ее чрезмерной идеологизированностью и политической ангажированностью, обуславливающих дефицит объективных научных изысканий; во-вторых, узостью источниковедческой базы, используемой российскими исследователями (в частности, недостаточностью исследования японских документов в России); в-третьих, отсутствием комплексных исследований данного конфликта со стороны японских историков; в-четвертых, наличием укоренившихся спорных положений, муссирующихся в исторических работах и препятствующих получению достоверного знания (в частности, представлений о преднамеренности агрессии с японской стороны во время конфликта у оз. Хасан). Однако стоит отметить, что невозможно одной работой «расставить все точки над і», поэтому работа будет и дальше продолжена. В представленном же исследовании диссертант рассчитывает внести свой посильный вклад в заполнение этой лакуны, вводя в научный оборот

российского востоковедения недоступный ранее по разным причинам материал японских архивов.

Степень разработанности проблемы

Ряд событий истории требует долговременного и поступательного продолжения научных исследований общими силами ведущих научных учреждений обеих стран. Немалый вклад был сделан и продолжает вноситься силами таких учреждений СССР/России как Институт Тихоокеанских исследований, Институт Дальнего Востока, Институт Востоковедения, Институт научной информации по общественным наукам и др. В советско-российской и зарубежной историографии наличествует достаточно большое количество научных работ, которые в той или иной степени затрагивают события вооружённого столкновения у оз. Хасан. Вместе с тем, можно отметить почти полное отсутствие комплексных монографических исследований, посвященных данной проблеме, опирающихся на советские и японские источники. Соответствующие изыскания представлены преимущественно научными статьями.

Следует отметить, что исследования, посвященные изучению приграничного конфликта на оз. Хасан, осуществлялись представителями советско-российской и японской историографии в рамках определенной научной традиции. При этом можно констатировать преимущественно поверхностное отношение каждой из сторон к документальным материалам страны-противницы, которые рассматривались недостаточно глубоко и не являлись объектом серьезного анализа. Представляется целесообразным осуществить обзор степени разработанности проблемы исследования отдельно в рамках японской и советско-российской исторической науки.

Первым японским трудом, посвященным конфликту на оз. Хасан, явилась книга журналиста и историка Накамура Сатоси [1] «История конфликтов Маньчжоу-Го и СССР» (Мансо коккё:фунсо:-си), вышедшая в 1939 г. В работе отражена первоначальная оценка основных этапов пограничного конфликта, сделанная их участниками, очевидцами или современниками с японской стороны. Большую значимость данной работе придает факт того, что она была выпущена всего через год после описываемых событий, поэтому она предоставляет достаточно достоверную информацию об отношении японцев — современников события — к хасанскому конфликту и его последствиям. Однако поскольку книга была выпущена «по горячим следам», в ней отсутствовал тщательный и всесторонний научный анализ, особенно в отношении действий советской стороны.

Следующей работой, которую необходимо отметить, является книга Акайсидзава Кунихико [2] «Высота Заозёрная» (Тё:кохо:), которая вышла в Японии в 1941 г. Ее научная ценность определяется наличием в содержании мемуаров непосредственного участника рассматриваемых событий. Кроме того, данная работа также является единственным источником, из которого можно почерпнуть мнение и видение проблемы этого конфликта командиром 19-ой дивизии Суэтака Камэдзо[3], который сотрудничал с основным автором Акайсидзава в процессе написания книги.

В числе первых аналитических исследований, осуществленных в японской историографии, следует назвать работу Цудзи Масанобу[4] «Халхин-Гол» (Номонхан). Автор книги, являвшийся офицером штаба Квантунской

---

[1] Накамура Сатоси (中村敏) (1908–1981) — японский журналист, историк.

[2] Акайсидзава Кунихико (赤石澤邦彦) (годы жизни неизвестны) — младший унтер-офицер 76-ого полка 19-ой дивизии.

[3] Суэтака Камэдзо (尾高亀蔵) (1884–1953) — во время боёв на оз. Хасан генерал-лейтенант, командир 19-ой дивизии японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове.

[4] Цудзи Масанобу (辻政信) (1902–1968) — во время боёв у оз. Хасан майор, член штаба Квантунской армии.

армии во время боевого столкновения на оз. Хасан, попытался провести глубокий анализ стратегии японской армии и планов её операций во время конфликта. Вместе с тем, данному исследованию присущ недостаток, который отмечался и в отношении предшествующих работ по данной тематике: наблюдается нехватка сведений и анализа действий советской стороны. Здесь следует обратить внимание на то, что в японской исторической традиции события у оз. Хасан и на р. Халхин-Гол чаще всего рассматриваются неразрывно. Поэтому в работах, посвященных конфликту на р. Халхин-Гол, обычно анализируется и предшествующий конфликт.

В 1952 г. вышла книга «Потрясения в период Сёва. Т. 1» (Сё:ва но до:ран дзё:) Сигэмицу Мамору[5], бывшего во время конфликта послом Японии в Москве. Работа является воспоминаниями дипломата, проводившего во время хасанского конфликта переговоры со стороны Японии, отчего содержание переговоров описано достаточно подробно.

Значимой вехой в процессе исследования вооружённого столкновения у оз. Хасан явилось издание книги «Военная историческая серия, 27 том: Квантунская армия (1): Подготовка к бою против СССР – Бои на Халхин-Голе» (Сэнсисо:сё 27 канто:гун (1) тайсо сэмби номонхан дзикэн), осуществленное в 1969 г. бюро военной истории исследовательского института обороны Управление обороны Японии. Данная работа интересна тем, что включает в себя материалы японского государственного военного архива. Таким образом, в ней представлена официальная позиция японского военного ведомства по поводу рассматриваемых событий. По этой причине современные исследователи, занимающиеся изучением этой темы, используют данное издание в своих научных изысканиях. Вместе с тем, эта работа не претендует на всестороннее рассмотрение приграничного

[5] Сигэмицу Мамору (重光葵) (1887–1957) — во время боёв у оз. Хасан посол Японии в СССР.

конфликта у оз. Хасан, поскольку авторы не использовали советские архивные материалы, которые на момент написания книги были засекречены.

В 1998 г. в Японии вышел перевод книги Алвина Д. Кукса[6] «Ещё один Халхин-Гол. Хасанские бои: Рассмотрение японо-советского конфликта 1938 г.» (Мо: хитоцу но номонхан. Тё:кохо:дзикэн. 1938 нэн но ниссо фунсо: но ко:сацу) (оригинал вышел в США в 1977 г.). В этой книге много данных японских архивов, но она не включает в себя никаких архивных данных со стороны СССР. Автор для своей книги взял множество интервью участников событий со стороны Японии: офицеров и дипломатов. По причине того, что участников тех событий уже нет в живых, эта книга для современных историков имеет особую ценность.

В 2014 г. самый авторитетный японский историк современности Хата Икухико[7] издал свою работу «Светлая и тёмная история боёв на Халхин-Голе» (Мэй то ан но номонхан сэнси). Несмотря на то, что непосредственным объектом данного исследования являются бои на реке Халхин-Гол, в ней даётся очень хорошее общее представление и о событиях у озера Хасан. Поэтому она является одной из крупнейших и наиболее заметных работ, посвященных рассматриваемой теме в современной японской исторической науке.

Наконец, необходимо особо отметить его же монографическое исследование «История японо-советского конфликта у оз. Хасан» (Ниссо тё:кохо:дзикэн-си), изданное в 2015 г. Данная работа претендует на комплексный характер, поскольку аккумулирует в себе материалы предыдущих исследований японских историков и военных экспертов. Кроме того, в рассматриваемом издании были использованы архивные данные как

---

[6] Кукс Алвин Д. (Alvin D. Coox) (1924–1999) — видный историк США. Автор книги о боях у озера Хасан «The anatomy of a small war» («Анатомия малой войны»).

[7] Хата Икухико (秦郁彦) (1932 г.р.) — один из именитых историков Японии. Профессор университета Нихон на пенсии.

Японии, так и России, что позволило автору осуществить их сравнительный анализ.

В рамках советско-российской исторической науки исследование пограничного конфликта у оз. Хасан осуществлялось на нескольких этапах. В довоенный и послевоенный период рассмотрение данного конфликта производилось преимущественно в работах военных специалистов, которые издавались в учебных целях. Следовательно, задача осуществления глубокого и всестороннего анализа этих событий перед авторами не ставилась. Положительным качеством данных работ явилось достаточно полное и качественное описание боевых действий, в том числе посредством использования воспоминаний их участников.

Так, одна из первых книг, посвященных хасанскому конфликту, была издана в 1938 г. под идеологизированным названием «Как мы били японских самураев». Сборник включает в себя исторические статьи, воспоминания, письма, переводы личных записей японцев-участников боёв и политические карикатуры. Книга даёт многоплановый обзор событий на оз. Хасан, представляя историческую справку о предпосылках данного конфликта, его основных участниках и движущих силах, роли артиллерии и танков в итоговом результате. Вместе с тем, следует отметить пропагандистский характер издания, которое содержит многочисленные восхваления правящей партии и лично И. В. Сталина. По отношению к японской стороне конфликта использован исключительно уничижительный тон. Впрочем, данные характеристики были свойственны большинству работ описываемого периода.

В 1939 г. в СССР политическим управлением РККА было выпущено несколько изданий для служебного пользования. Самыми яркими из них являются «Бои у Хасана: Партийно-политическая работа в боевой обстановке» и «Документы советского патриотизма (в дни боёв у озера Хасан)». Оба этих издания являются пропагандистскими, направленными на поддержание высокого боевого духа красноармейцев и иллюстрирующими

правильность и верность партии большевиков. Следствием этого является довольно высокая эмоциональная тональность данных работ, в которых используются формулировки, отражающие пристрастность авторов (например, «подлые японские бандиты посягнули на наши границы»). Историческую значимость этим изданиям придает использование воспоминаний участников, копий писем на фронт со словами поддержки, листовок и стенгазет. Подобное содержание позволяет использовать их в качестве источника информации о состоянии советской стороны конфликта.

Следует отметить, что общей тенденцией исследований, осуществляемых советскими историками в доперестроечный период, являлась ориентация на постулирование особой роли руководства страны и коммунистической партии в успешном исходе столкновения у оз. Хасан. Главным недостатком работ являлась узость источниковедческой базы, которая не включала не только документы японской стороны, но и засекреченные советские архивные материалы. Некоторые материалы для служебного пользования появляются в последнее время на распродажах книг.

Одной из наиболее интересных работ послесталинского периода явилась монография Л. Н. Кутакова [8] «История советско-японских дипломатических отношений», которая знакомит с видением дипломатических переговоров со стороны СССР. Приведенные автором выводы, в целом, соответствовали устоявшемуся в советской историографии подходу к оценке конфликта у оз. Хасан, возводя его предпосылки к агрессивной и империалистической политике милитаристской Японии. Примечательно, что автор подверг анализу некоторые японские материалы. В частности, он осуществил критику работы Сигэмицу Мамору «Потрясения в период Сёва. Т. 1». Таким образом, круг используемых в исследовании материалов расширился.

---

[8] Кутаков Леонид Николаевич (1919–2000) — советский историк и дипломат. Доктор исторических наук. Советник посольства СССР в Японии (1958–1960 гг.).

Официальная позиция советской исторической науки по поводу конфликта у оз. Хасан отражена в соответствующей статье Советской военной энциклопедии, выпущенной Министерством обороны СССР в 1976 г. Статья изобилует пропагандистско-бравурными формулировками: «боевые действия подтвердили высокие морально-политические качества, боевую выучку советских войной, надёжность отечественной военной техники»[9] и т. д. Наряду с этим, в ней не содержится негативная для советской стороны конфликта информация (о проблеме со снабжением, больших потерях Красной армии и т. п.). Действия СССР значительно превозносятся, а Япония представлена безоговорочно проигравшим агрессором, для которого поражение в данном конфликте стало «серьёзным ударом по их захватническим планам на Дальнем Востоке, направленным против СССР».

Тональность исследований, посвященных пограничному конфликту у оз. Хасан, меняется в постсоветской историографии. В этот период некоторыми авторами подвергаются ревизии устоявшиеся положения и оценки советских историков в отношении данного конфликта. При этом в отдельных работах наблюдается впадение авторов в другую крайность, при которой отказ от следования «советским мифам» приводит их к апологетике действий японской стороны конфликта.

Наиболее ярко указанная тенденция проявляется в трудах В. Э. Молодякова,[10] который декларирует отказ от подхода, возлагавшего всю ответственность за вооруженное столкновение исключительно на проигравшую сторону и оправдывающего действия победившей стороны.

В 2003 г. вышел сборник статей «Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий». Этот сборник, выпущенный по результатам московской конференции, включает в себя статьи авторства

---

[9] Советская военная энциклопедия. Т. 8. Гречко А. А. [и др.] – М.: Военное изд-во Министерства обороны СССР, 1980. – С. 367.

[10] Молодяков Василий Элинархович (1968 г. р.) — российский и японский историк, политолог.

более, чем 20 историков, среди которых: А. А. Кошкин[11], К. Е. Черевко[12], А. А. Кольтюков[13] и др. Данное издание позволяет получить информацию о современных российских исследованиях конфликта у оз. Хасан. Кроме того, необходимо отметить исследование Г. Ф. Кривошеева[14] «Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь», изданное в 2010 г. В нем автор проводит обстоятельный анализ общего числа и характера потерь, понесенных советской стороной в боях у озера Хасан.

В 2013 г. вышла иллюстрированная книга А. П. Яковца[15] «Подвиг на границе. 75 лет военному конфликту у озера Хасан 1938–2013». Достоинством работы является привлечение региональных архивных документов Приморского края, что позволило осуществить более глубокий анализ сущности этого военного конфликта. В процессе подготовки настоящего диссертационного исследования было проведено интервьюирование А. П. Яковца для прояснения некоторых спорных вопросов.

В 2013 г. вышла книга Стюарта Д. Голдмана[16] «Номонхан 1939: победа Красной армии, которая сформировала Вторую мировую войну». Новаторский характер несет идея автора о том, что стартом Второй мировой войны были бои на Халхин-Голе, а хасанский конфликт имеет с ними непосредственную связь.

---

[11] Кошкин Анатолий Аркадьевич (1946 г. р.) — с 1993 г. профессор Восточного университета.

[12] Черевко Кирилл Евгеньевич (1933 г. р.) — главный научный сотрудник Института международных проблем Дипломатической академии МИД РФ.

[13] Кольтюков Александр Аркадьевич (1952–2013) — в 2002–2010 начальник Института военной истории МО РФ.

[14] Кривошеев Григорий Федотович (1929 г. р.) советский и российский военный деятель. Генерал-полковник в отставке. Профессор Академии военных наук (1995). Кандидат военных наук.

[15] Яковец Александр Пименович (1954 г. р.) — ответственный автор-составитель книги «Подвиг на границе. 75 лет военному конфликту у озера Хасан. 1938–2013». Директор издательства «Русский Остров».

[16] Стюарт Д. Голдман (Stuart D. Goldman) (1949 г. р.) — американский историк и писатель. Специалист по российским и евразийским политическим и военным делам в Исследовательской службе Конгресса Библиотеки Конгресса. С 2009 является резидентом Национального совета по евразийским и восточноевропейским исследованиям.

В целом, можно отметить недостаточное количество комплексных и глубоких исследований предпосылок, процесса протекания и последствий конфликта у оз. Хасан как в японской, так и советско-российской историографии. Имеющиеся работы характеризуются определенной настороженностью в отношении другой стороны конфликта. Многие исследователи не смогли отказаться от политической ангажированности и устоявшихся идеологических штампов. Другим существенным недостатком имеющихся научных работ является узость использованной источниковедческой базы, вызванной как объективными (отсутствием доступа к архивным материалам другой стороны), так и субъективными (нежеланием конкретных историков привлекать архивные документы противной стороны) факторами. Таким образом, представляется необходимым проведение научных изысканий, содержащих комплексный анализ событий приграничного конфликта у оз. Хасан, с использованием более широкой базы исторических источников обеих сторон конфликта.

Цель и задачи диссертации

Цель диссертационного исследования — в контексте привлеченных и введённых диссертантом в широкий научный оборот российского японоведения новых архивных материалов Японии предоставить возможность более чёткого понимания и интерпретации основных событий и фактов пограничного конфликта у оз. Хасан в свете научных достижений современной науки и создать условия для дальнейших комплексных фундаментальных научных исследований.

Как представляется, для достижения цели, определённой для данного исследования, требуется решение двух взаимосвязанных групп задач. Первая из них связана с анализом преломления и понимания пограничного конфликта у оз. Хасан в советских материалах, трудах советской исторической науки, что позволит выявить базовую позицию советской стороны. Вторая определяется углублённым исследованием архивных

материалов Японии, чтобы проследить основные мотивы и ценностные ориентации, определявшие логику поведения японской стороны в рассматриваемом конфликте. Посредством решения этих двух групп задач становится возможным приблизиться к пониманию сущностных предпосылок и движущих сил инцидента у оз. Хасан (с учётом политических и иных интересов обеих стран в сложный, в разных отношениях, для СССР и Японии данный исторический период).

В числе задач, требующих решения в работе, следует назвать следующие:

1. На фоне изучения общеполитического контекста**,** географических особенностей местности — определить логику поведения сторон в конфликте, особо осветив интерпретацию и понимание происходящих событий японской стороной; обобщить и сформулировать положительные и отрицательные выводы, сделанные сторонами конфликта;

2. Выявить роль субъективного фактора (случаи самоуправства в японской армии) в контексте официальной позиции Токио;

3. Дать анализ военных позиций обеих стран на момент окончания конфликта, поскольку и эти нюансы обусловили объективные трудности в переговорах по перемирию;

4. Заново дать оценку потерям сторон, исходя из анализа уровня боеготовности воинского контингента стран-участниц, обратившись к сравнительному анализу и соотнеся результаты с традиционными оценками в историографии обеих стран; выявить масштабы вовлечённости гражданского населения и его реакцию на события.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования является советско-японский пограничный конфликт у оз. Хасан 1938 г. В качестве предмета исследования рассматриваются данные архивов Японии, подходы и оценки исследователей

Японии, непосредственных участников и современников конфликта в отношении данного события.

Хронологические рамки охватывают период с 29 июля по 11 августа 1938 г., в течение которого происходили боевые действия между советской и японской армиями.

Территориальные границы диссертационного исследования определяются территориями, непосредственно прилегающими к озеру Хасан. В частности, они включают в себя высоту Заозёрная, которая прилегает к озеру Хасан с восточной стороны, а также реку Туманную, которая протекает с его западной стороны, на границе с Северной Кореей.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нем предложен и осуществлен широкий подход к рассмотрению приграничного конфликта у оз. Хасан сквозь призму неизвестных или малоизученных в России японских источников с использованием советских данных, в то время как большинство советских и российских научных работ в данном направлении опираются на материалы лишь своей стороны конфликта.

Кроме того, можно указать следующие факторы, определяющие научную новизну настоящего исследования:

– в российской историографии недостаточно изучены события, происходившие внутри японской армии во время боёв у оз. Хасан. В данном контексте новаторский характер имеют следующие тезисы, представленные в работе: вывод о непреднамеренности нападения Японии на СССР в июле 1938 г., базирующийся на приказах Токио о ненападении на высоту Заозёрная 14 июля 1938 г. и ряде других, идущих вразрез с оценкой действий Японии советско-российских историков; вывод о разном понимании в СССР и Японии буквы Хуньчуньского протокола 1886 г. — договора, фиксирующего границу между Российской империей, а позже СССР, и Маньчжурией, как основной причине начала боевых действий у оз. Хасан;

– впервые в российской историографии выявлена роль субъективного фактора в механизме возникновения вооруженного конфликта. В работе особое внимание уделяется такому историческому факту как самоуправство командира 19-ой дивизии японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, Суэтака Камэдзо. Приказ этого офицера о нападении на советские позиции на высоте Заозёрная с целью получения позиций на высоте Безымянная, игнорирующий приказ Токио о запрете самостоятельных действий на месте без приказа из центра, привёл к началу вооружённого конфликта между СССР и Японией;

– в научный оборот введены оригинальные источники и материалы японских архивов по тематике диссертации.

Теоретическое значение исследования заключается в том, что оно включает в себя результаты научного анализа архивных материалов Японии, которые в недостаточной степени использовались в предыдущих научных изысканиях по данной проблеме. В работе воссоздана общая картина формирования, возникновения и протекания приграничного конфликта у оз. Хасан. Исследованы объективные и субъективные предпосылки возникновения конфликтного противостояния, проведен количественный и качественный анализ потерь сторон конфликта в ходе его протекания. Кроме того, в исследовании был выявлен масштаб вовлеченности гражданского населения в ходе вооруженного конфликта и в данном контексте произведен анализ уровня подготовленности и боевого состояния обеих армий. На основе проведенного исследования можно утверждать, что настоящая работа является вкладом в изучение советско-японских пограничных конфликтов.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его материалы могут быть использованы в процессе написания научных и научно-популярных работ, посвященных изучению приграничного конфликта у оз. Хасан, а также китайско-японской войны, боевых действий на р. Халхин-Гол и Второй мировой войны, в целом.

Кроме того, данную работу можно использовать при разработке учебных курсов по истории стран-участниц конфликта, а также по всемирной истории. Она может быть полезна для востоковедов и специалистов-историков.

Методологическая основа диссертационного исследования определяется уровнем развития на современном этапе социально-гуманитарных наук в целом и исторической науки, в частности. В основе методологии настоящего исследования лежит принцип историзма, предполагающий изучение явления в контексте его становления, развития и взаимосвязи с сопутствующими феноменами общественной жизни. Другим методологическим основанием диссертационного исследования является диалектический принцип, в соответствии с которым изучаемое явление рассматривается в процессе его постоянного и противоречивого развития.

В ходе исследования автором применялись различные методы, обусловленные теми задачами, которые решались в ходе работы. Историко-системный метод позволил выявить причинно-следственные связи между рассматриваемыми событиями и, в конечном счете, получить целостную картину приграничного конфликта у оз. Хасан как единого цельного исторического явления. Сравнительно-исторический метод позволил провести сравнительный анализ японских и советских архивных материалов и на этом основании выявить некоторые особенности событий, потери сторон, отношений к конфликту и последствий для каждой из сторон.

В процессе изучения исторических источников использовался нарративный и биографический метод. Кроме того, в работе применялись общенаучные методы: методы анализа и синтеза, восхождения от частного к общему.

Источниковая база исследования подразделяется на две крупные группы, в соответствии со сторонами конфликта, каждую из которых, в свою очередь, можно подразделить еще на подгруппы.

Первую и самую значительную привлекаемую к исследованию группу составляют японские источники. Они касаются введённых диссертантом в широкий научный оборот российского японоведения новых архивных материалов Японии, которые ранее не были доступны российским исследователям. В ней выделяются три подгруппы.

Первая подгруппа представляет собой официальные документы архивов. В архиве исследовательского центра военной истории исследовательского института обороны Министерства обороны Японии, дипломатическом архиве Министерства иностранных дел Японии, библиотеке научно-исследовательского института социальных наук Токийского университета были найдены приказы Генерального штаба, рапорты 19-ой дивизии, речь императора, данные о погибших и раненых с японской стороны, карты.

Вторая подгруппа включает в себя опубликованные дипломатические документы обеих стран-участниц конфликта, мемуары участников боёв, которые используются при анализе разных сведений, а также интервью с участниками и очевидцами данных событий.

Третья подгруппа источников представлена материалами периодической печати. В первую очередь, исследовательский интерес представляют издания, которые были выпущены во время боёв — это газета «То:кё: Асахи симбун».

Российская источниковая база широко представлена в многочисленных работах советских и российских востоковедов, посвященных рассматриваемому периоду. Говоря о ней, можно отметить, что, в основном, она была привлечена для подтверждения или опровержения тех или иных выводов по ходу исследования, и гораздо меньше, чем японская. К первой подгруппе можно отнести материалы Архива Приморского Края, откуда, например, были взяты списки представленных к наградам невоенных граждан СССР и данные о состоянии тыла, а также документы РГВА, описывающие ход событий с советской стороны. Во вторую так же, как и с

японской стороны, входят мемуары, интервью с участниками, очевидцами. Третья подгруппа включает в себя материалы периодической печати — это газета «Правда» и «Известия» периода событий (1938 г.).

Список литературы включает в себя литературу различной направленности, которая была издана в разных странах после 1938 г. до настоящего времени и касается событий у оз. Хасан. Сюда входят сборники статей, монографии, справочная литература, включающая в себя разного рода энциклопедии.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Основной предпосылкой к началу вооружённого столкновения у оз. Хасан явилась разница в понимании прохождения линии границы между СССР и Маньчжоу-го. Несмотря на то, что обе стороны опирались на один и тот же документ — Хуньчуньский протокол, Япония признавала прохождение границы по западному берегу оз. Хасан, а СССР считал, что граница проходит рядом с высотой Заозёрная через вершины находящихся рядом высот. Разногласия в толковании договора относительно прохождения линии границы, привели к перетеканию противостояния между государствами в военную плоскость. Поэтому, с точки зрения Японии, все действия во время этого конфликта являлись действиями по обороне в рамках союзнического договора с Маньчжоу-го.

2. Официальный Токио не планировал воевать на два фронта, поскольку ощущал недостаточную подготовленность к глобальному столкновению с СССР. Наличествует субъективный фактор возникновения вооруженного конфликта в форме самовольного решения командира 19 дивизии японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, не согласованного с Генеральным штабом, которое, в свою очередь, было ответом на пересечение советскими пограничниками границы Маньчжурии в ее японском понимании. Это побудило японскую армию, дислоцированную

на Корейском полуострове, возвращавшуюся по приказу на базу, к действиям вопреки приказу из Токио.

3. Представляется, что, вероятно, отсутствует жёсткая необходимость в сугубо однозначном выводе о победе советской стороны в боях у оз. Хасан. При численном превосходстве Красной армии над японской более, чем в 3 раза, стоит учитывать и троекратные потери советских войск. Эти потери обусловила определённая неподготовленность к такому крупному военному столкновению. Японская же сторона, оценив потери от ударов советской авиации в цифрах — положилась на скороспелые мнения о собственном превосходстве, что сыграло злую шутку с японской армией впоследствии, в боях на Халхин-Голе.

4. Невозможно категорически утверждать, что на момент заключения договора о мире на вершине высоты Заозёрная была та или иная армия, так как гребень переходил от одной воюющей стороны к другой.

5. Следует отметить разный уровень вовлеченности гражданского населения в вооруженный конфликт на оз. Хасан, а именно: многосторонняя помощь Красной армии от гражданского населения СССР и отстранённость гражданских в Японии и Маньчжурии от поддержки японских военных. Важным фактором, от которого во многом зависела вовлечённость гражданского населения стран-соперниц в события пограничного конфликта, является географическое положение места конфликта относительно СССР и Японии. Для СССР конфликт происходил непосредственно на его границе, и если бы Советский Союз проиграл, то нависла бы угроза дальнейших притязаний со стороны Японии на саму территорию советского государства. Это повышало сознательность гражданского населения и его готовность помочь и встать на защиту Родины.

6. Каждая из противоборствующих сторон конфликта извлекла из него определенные выводы и уроки. При этом следует отметить, что советское руководство с большей серьезностью отнеслось к результатам боевых столкновений. В частности, были выявлены проблемы как в подготовке

армии, так и Дальневосточного региона, в целом. Все эти проблемы вкупе явились одной из причин репрессирования В. К. Блюхера и разделения слишком крупного административного образования в виде Дальневосточного края, на более мелкие и проще управляемые Хабаровский и Приморский края. В свою очередь, Квантунская армия, в целом, проигнорировала итоговые документы боёв у озера Хасан, не был проведён и анализ результатов военных действий. Поэтому, несмотря на то, что у Японии появился первый опыт ведения современных боёв с участием современной (на тот момент) военной техники, своевременные выводы не были сделаны японским руководством, что во многом предопределило его неудачный характер последующих военных кампаний.

Апробация работы

Основные результаты исследования и отдельные положения работы освещены в докладах на научных конференциях:

1) Сорэнгун сирё оёби росиа дэно кэнкю:сэйка кара мита Тё:кохо: дзикэн но дзицудзо: (Реальность боёв у оз. Хасан, рассмотренных со стороны результатов исследований в России и советских документов) ソ連軍史料およびロシアでの研究成果からみた張鼓峯事件の実像. Гундзисигаккай нэндзи тайкай (Ежегодная конференция общества военной истории) 軍事史学会年次大会, 02.06.2012, Япония, Сидзуока.

2) Сорэн гайко:бунсё кара ёмитоку Тё:кохо:дзикэн – Гайко:ко:сё:0 тю:син ни (Бои у оз. Хасан, рассмотренные с точки зрения дипломатических документов СССР: Дипломатические переговоры) ソ連外交文書から読み解く張鼓峯事件－外交交渉を中心に－. Гундзисигаккай нэндзи тайкай (Ежегодная конференция общества военной истории) 軍事史学会年次大会, 01.06.2013, Япония, Токио.

3) Сорэн дзю:мин но сиэнкацудо: карамита Тё:кохо:дзикэн (Бои у оз. Хасан, рассмотренные со стороны поддержки гражданского населения) ソ連住民の支援活動からみた張鼓峯事件. Росиа-то:о: гаккай JSSEES го:до: кэнкю:тайкай. (Объединённая конференция общества России и Восточной Европы с JSSEES) ロシア・東欧学会 JSSEES 合同研究大会, 05.10.2014, Япония, Окаяма.

4) Со:рёкусэн но ко:си тоситэно Тё:кохо:дзикэн (Бои у оз. Хасан как самое начало тотальной войны) 総力戦の嚆矢としての張鼓峯事件. Гундзисигаккай нэндзи тайкай (Ежегодная конференция общества военной истории) 軍事史学会年次大会, 01. 08. 2015, Япония, Токио.

5) Совершила ли Япония агрессию во время Хасанских боёв / «Наше дело правое»: Страны и лидеры антигитлеровской коалиции в социокультурном и философско-историческом измерениях. РХГА, 16.10.2015, Россия, Санкт-Петербург.

6) Бои на озере Хасан: обзор основных публикаций Японии и России // Япония: мир – традиция – перемены: к 110-летию со дня рождения А. А. Холодовича (1906–1977). СПбГУ, 23.04.2016. Россия, Санкт-Петербург.

7) Свидетельство агрессивной политики Японии в 30-е гг. «Меморандум Танака» — фальшивка // Бог. Человек. Мир. РХГА, 25.12.2017, Россия, Санкт-Петербург.

Структура работы определяется поставленными задачами и состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованных источников, литературы и приложений, куда помещены таблицы, карты, иллюстрации и фотографии.

ГЛАВА 1. ЯПОНИЯ И СССР В ПРЕДДВЕРИИ КОНФЛИКТА У ОЗ. ХАСАН 1938 г.

1.1. Политическая ситуация в мире в 1930-е годы

С 1918 г., со времени гражданской войны на территории России, у большевистского правительства и Японии были напряженные отношения. Войска Японии в составе войск Антанты участвовали в интервенции на территории бывшей Российской Империи и до начала 1920-х гг. оставались на Дальнем Востоке. После вывода японских войск из Приморья в 1922 г., 20 января 1925 г. между двумя странами в соответствии с «Пекинским договором» наконец были установлены дипломатические отношения.

Следующее десятилетие не дало передышки в отношениях СССР и Японии, хотя 1930-е гг. были бурными и полными событий не только для Японии и Советского Союза, но и для всего международного сообщества. СССР в декабре 1932 г. смог восстановить дипломатические отношения с Китаем. В 1933 г. по инициативе президента США Ф. Д. Рузвельта[17] были установлены дипломатические отношения США с Советским государством. В 1934 г. СССР, признанный крупнейшими мировыми государствами, был принят в Лигу Наций.

В 1935 г. фашистская Италия стала вести агрессивную внешнюю политику, начав с захвата Абиссинии (Эфиопии); а в 1936 г. произошло сразу несколько знаменательных исторических событий. В июле 1936 г. началась гражданская война в Испании между профашистски настроенными военными под руководством генерала Ф. Франко [18] и республиканским правительством, растянувшаяся на 3 года. СССР выступил на стороне республиканского правительства, «направив для оказания содействия

---

[17] Рузвельт Франклин Делано (Franklin Delano Roosevelt) (1882–1945) — 32-ой президент США (1933–1945 гг.).

[18] Франсиско Паулино Эрменехильдо Теодуло Франко Баамонде (Francisco Paulino Hermenegildo Teódulo Franco Bahamonde) (1892–1975) — испанский военный и государственный деятель, каудильо Испании (1939–1975 гг.).

правительству Народного фронта Испании более 5 тыс. военных специалистов, а также продав республиканцам более 1 тыс. орудий, свыше 400 танков и бронеавтомобилей, более 600 боевых самолетов».[19] В том же году было подписано соглашение о создании «Оси Берлин – Рим», Германия и Япония заключили «Антикоминтерновский пакт», к которому через год присоединилась Италия. Германия, стремясь к пересмотру Версальско-Вашингтонской системы, в марте 1938 г. провела аншлюс Австрии, в результате которого Австрия «воссоединилась» с Германией. В 1936 г. произошло разделение Чехословакии, часть которой, Судетская область, была передана Германии, а Тешинская область — Польше.

Если в Европе Германия, оправившись от проигрыша в Первой мировой войне, вставала на ноги, то на востоке Япония усиливала свое влияние. 18 сентября 1931 г. на территории Маньчжурии вблизи Мукдена[20] на железной дороге произошел взрыв. Это событие получило название «Мукденский инцидент» (или «Маньчжурский инцидент», по-японски, 満州事変 мансю:дзихэн). Этот провокационный взрыв, представленный как проведенный Китаем, послужил поводом для захвата маньчжурской территории, В Японии позднее был признан результатом несанкционированной деятельности японских военных Квантунской армии, авантюрно не оповестивших о своих действиях Токио.[21] Квантунская армия оккупировала Маньчжурию, и в 1932 г. на ее территории было провозглашено основание государства Маньчжоу-го (満洲国 Мансю:коку). 15 сентября 1932 г. Япония, признав дипломатически Маньчжоу-го, подписала с этим государством «Японо-маньчжурский протокол» (日満議定書 нитимангитэйсё), по которому стороны договаривались о совместной

[19] Изединов А. А. Война в Испании. Хроника боевых действий 1936–1939 годов. – М.: АртКом, 2014. – С. 3.
[20] Мукден (奉天) — ныне г. Шэньян, один из крупнейших городов в северо-восточной части Китая.
[21] Хата Икухико. Ниттю: сэнсо:си (История японо-китайской войны). – Токио, Кавадэ сёбо: синсё. 2011. – С. 4.

обороне, а Япония получала разрешение дислоцировать японские войска на территории Маньчжурии «в количестве, какое будет необходимо для обеспечения ее обороны и защиты». [22] Так, Квантунская армия была официально размещена в Маньчжурии. Во главе Маньчжоу-го был поставлен последний правитель империи Цин, Пуи[23]. В 1934 г. Маньчжоу-го было официально провозглашено монархией, но, так как командующий Квантунской армии имел право вето на решения правителя Маньчжоу-го, это государство называют «марионеточным», фактически управляемым из Токио. В результате неприятия территориального захвата Японией Маньчжурии сначала со стороны Китая, а после и сильнейших государств первой половины XX в., в том числе и США, Япония в 1933 г. покинула Лигу Наций. СССР де-факто установил дипломатические отношения с Маньчжоу-го 23 марта 1935 г. подписанием соглашения об уступке прав Маньчжоу-го в отношении КВЖД праву СССР, а 13 апреля 1941 г. отношения были установлены де-юре.

Значим также тот факт, что в 1930-е гг. Маньчжоу-го было не единственной подконтрольной Японии территорией на материке, ведь в 1910 г. аннексированная Корейская империя вошла в состав Японской империи и стала японским генерал-губернаторством Тёсэн[24], фактически являвшимся японской колонией. На территории Маньчжоу-го Японией была размещена Квантунская армия (к 1939 г. насчитывавшая 9 дивизионов (1 дивизион – около 20000 чел.)[25], сформированная на базе одноименного

---

[22] Захарова Г. Ф. Политика Японии в Маньчжурии 1932–1945. – М.: Наука, 1990. – С. 37.

[23] Айсиньгёро Пуи (кит. 愛新覺羅．溥儀) (1906–1967) — китайский политический деятель; последний император государства Цин (1908–1924), правитель Маньчжоу-го.

[24] Тё:сэн (朝鮮) — японское переложение «Чосон», Корейское государство (1392–1897 гг.). Вместо «Тёсэн» (генерал-губернаторство) в российской историографии встречается написание «Чосэн».

[25] Бо:эйтё: бо:эйкэнкю:дзё сэнсисицу (Бюро военной истории научно-исследовательского института обороны Управления обороны Японии). Сэнсисо:сё 27 канто:гун (1) тайсо сэмби номонхан дзикэн (Военная историческая серия. Т. 27. Квантунская армия (1): Подготовка к бою против СССР – Бои на Халхин-Голе). – Токио. Асагумо симбунся, 1969. – С. 194.

гарнизона в 1919 г., имевшая целью защиту территории Маньчжоу-го и игравшая до окончания Второй мировой войны большую роль во внешней политике Японии, так как эта армия фактически осуществляла не только защиту территории Маньчжоу-го, управление данным государством, но и вела японо-китайскую войну, начавшуюся в 1937 г. В Корее же была размещена дословно «Корейская армия» «Тё:сэнгун» (朝鮮軍), которая в российской историографии называется «японская Корейская армия»[26], однако автору видится небезосновательным называть Тё:сэнгун «японская армия, дислоцированная на Корейском полуострове», что и будет использоваться ниже в качестве русскоязычной версии названия Тё:сэнгун. С 1904 г. «Канкоку тю:сацу гун» (韓国駐箚軍), то есть «гарнизонная армия [Японии] в Корее», была размещена на Корейском полуострове в городе Сеул официально для защиты японского посольства и японских подданных. После аннексии Корейской империи в 1910 г. армия сменила название на «Тё:сэн тю:сацугун» (朝鮮駐箚軍) (в 1914 г. насчитывала 2 дивизиона (1 дивизион – около 20000 чел.))[27], то есть изменилось только название топонима «Канкоку» на «Тё:сэн», оба этих слова переводятся «Корея», где «Тё:сэн» — фонетическая японизация корейского самоназвания «Чосон». В 1918 г. эта армия стала называться «Тё:сэнгун» «Корейская армия [Японии]», при этом действительно корейская, а не японская армия, в Корее не существовала. Основной задачей этой гарнизонной армии Японской империи была защита генерал-губернаторства Тёсэн, занимавшего территорию полуострова Корея. Силы японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, часто использовались и для подавления внутрикорейских антияпонских выступлений, насаждения прояпонских порядков и т. п. Японская армия, дислоцированная на Корейском полуострове, также оказала помощь Квантунской армии в 1931 г. при захвате Маньчжурии, когда без

[26] Черевко К. Е. Серп и молот против самурайского меча. – М.: Вече, 2003. – С. 23.
[27] Бо:эйтё: бо:эйкэнкю:дзё сэнсисицу... С. 194.

согласования с Токио по личной инициативе командующего японской армией, дислоцированной на Корейском полуострове, генерал-лейтенанта Хаяси Сэндзюро в распоряжение Квантунской армии была отправлена пехотная бригада.[28]

Владея двумя (Маньчжоу-го, генерал-губернаторство Тёсэн) колониями на материке, в июле 1937 г. Япония развернула широкомасштабные военные действия в Центральном Китае, получившие в российской (советской) историографии название японо-китайская война 1937–1945 годов, а по-японски Ниттю: сэнсо: (日中戦争), то есть «японо-китайская война». Эти военные действия были нацелены на получение контроля над китайским сырьем и ресурсами. Еще с конца 1920-х гг. Китай был в состоянии гражданской войны, которую вели между собой Гоминьдан и коммунистическая партия Китая. В 1930-е гг. война продолжилась, однако в 1937 г. произошло объединение сил Гоминьдана и компартии Китая для «полномасштабной Войны Сопротивления японской агрессии»[29], хотя до этого Чан Кайши и подчиненные ему войска избегали столкновений с японской армией, что послужило одним из факторов быстрого завоевания Маньчжурии. Японо-китайская война 1937–1945 гг., вымотав силы японской стороны и исчерпав ее ресурсы, закончилась в 1945 г. полным поражением Японии уже при участии СССР и США, выступивших против нее.

В 1938 г. в череде крупных и малых военных конфликтов 1930-х гг. вспыхнул и первый крупный вооруженный инцидент между Японией и СССР, Хасанский конфликт, развернувшийся на фоне японо-китайской войны 1937–1945 годов.

---

[28] Черевко К. Е. Серп и молот… С. 42.
[29] Галенович Ю. М. Цзян Чжунчжэн, или неизвестный Чан Кайши (Политические деятели Китая. XX век). – М.: ИД «Муравей», 2000. – С. 107.

1.2. Характеристика местности конфликта у оз. Хасан

Оз. Хасан, вблизи которого в 1938 г. разгорелся вооруженный конфликт между СССР и Японией, находится с восточной стороны высоты Заозёрная, смотрящей в сторону России, а до 1991 г. СССР, с западной стороны, на границе с Северной Кореей, протекает река Туманная. Сама высота Заозёрная находится посередине между оз. Хасан и рекой Туманная, ее высота составляет 149 м[30], и она сильно возвышается над окружающими ее высотами.

В советской и российской историографии конфликт, перешедший в военное столкновение между советскими и японскими войсками, именуют по названию близлежащего озера — оз. Хасан, в Японии же конфликт назван «Инцидент у высоты Заозёрная» («Тё:кохо: дзикэн», 張鼓峯事件) по названию высоты, рядом с которой происходили события. Высота Заозёрная по-японски – Тё:кохо: (張鼓峯[31]).

Японское название высоты происходит от китайского названия, которое дословно переводится как «Вершина тугого барабана» (Changkufeng[32]), и японцы, используя фонетику японского языка, подобрали похожее слово, созвучное с китайским наименованием горы (рис. 1).

Примерно на три километра севернее от вершины высоты Заозёрная находится высота Безымянная. Японское название сопки Сасо:хо: (沙草峯[33]), которое можно перевести как «Гора песков и трав» (рис. 3).

Для СССР граница в этой местности проходила по хребтам сопок. По представлениям же Японии о границе эти высоты располагались на

---

[30] Инада Масадзуми. Сорэн кёкуто: гун тоно тайкэцу – тё:кохо:, номонхан дзикэн но дзэмбо: хироку (Очная ставка с дальневосточной армией СССР: Секретный документ общего вида Хасанских боёв и боёв на Халхин-Голе) // Бэссацу Тисэй Химэрарэта сё:ва-си (Тисэй. Отдельный Том: Скрытая история периода Сёва). 1956. – С. 178.
[31] Бо:эйтё: бо:эйкэнкю:дзё сэнсисицу... С. 337.
[32] Stuart D. Goldman. NOMONHAN, 1939: The Red Army's Victory That Shaped World War II. – Maryland, Naval Institute Press. 2013. – P. 55.
[33] Бо:эйтё: бо:эйкэнкю:дзё сэнсисицу... С. 356.

территории Маньчжоу-го, географически напоминавшего по форме язык и пролегавшего между СССР и японским генерал-губернаторством Тёсэн, занимавшим Корейский полуостров (рис. 2). Область Маньчжоу-го, примыкавшую к Корейскому полуострову, населяли в основном этнические корейцы. Поэтому, несмотря на то, что охрану границ Маньчжоу-го с 1932 г. обеспечивала Квантунская армия, с 1938 г. обязанности по охране территории проживания этнических корейцев на границе Маньчжоу-го и генерал-губернаторства Тёсэн были переданы японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, отвечавшей за оборону генерал-губернаторства Тёсэн [34] и состоявшей из японских военных, по причине чего во время конфликта у оз. Хасан советские войска боролись против японцев.

1.3. Позиции СССР и Японии по поводу советско-маньчжурской государственной границы

Предпосылкой, имевшей решающее значение в развитии конфликта, является тот факт, что в 1930-е гг. для Японии граница в месте соприкосновения СССР и Маньчжоу-Го была неоднозначна. В японских данных пограничная территория не была точно обозначена, и в них можно встретить информацию о том, что существовало три взгляда на прохождение пограничной линии. [35] Первый вариант — прохождение границы по Хуньчуньскому протоколу 1886 года. Второй вариант — это мнение, что граница проходила по карте трех северо-восточных провинций (Ляонин, Гирин, Хэйлунцзян) армейского геодезического бюро, составленной в период

[34] Тё:кохо:дзикэн (Бои у озера Хасан). 1952. (Бо:эйсё: бо:эйкэнкю:дзё сэнси кэнкю: сэнта: / Архив исследовательского центра военной истории исследовательского института обороны Министерства обороны). Дай ити фукуйн кёку (Первое демобилизационное управление). С. 3.
[35] Бо:эйтё: бо:эйкэнкю:дзё сэнсисицу... С. 340.

между 1915–1920 гг. Третий вариант — это прохождение границы по карте Генерального штаба Российской Империи 1911 года[36] (рис. 4, 5).

Интересным для рассмотрения является вопрос о том, насколько соответствовал действительности встречающийся в японской официальной военно-исторической энциклопедии [37] тезис о наличии трех вариантов границы, в результате чего действительная линия ее прохождения неясна. Не менее важным представляется рассмотрение того, где проходила граница с точки зрения СССР.

Поначалу Советский Союз и Япония старались не отправлять на территорию у границы Маньчжурии и СССР войсковые формирования, в том числе и потому что граница, проходившая, как предполагалось, в районе оз. Хасан по вершинам сопок, не была демаркирована. Однако основание Маньчжоу-го, подконтрольного Японии, а также развитие дальневосточных территорий в связи со «Второй пятилеткой 1933–1937 гг.» (вторым пятилетним планом развития народного хозяйства), вынудило обе страны обратить внимание на проблему демаркации территории в данной местности. [38] Эта проблема в районе сопок Заозёрная и Безымянная действительно существовала и была визуально ощутима для обеих сторон, так как «маркирующие границу столбы были утрачены, а проволочные или деревянные ограждения границы отсутствовали». [39] Ориентироваться на местности по вопросу точного местоположения по отношению к границе было практически невозможно.

15 июля 1938 г. в Москве были проведены дипломатические переговоры о ситуации, сложившейся вокруг высоты Заозёрная, в связи с активностью на ней советских пограничников, против действий которых выступала японская сторона. В этот день временный поверенный в делах

---

[36] Alvin D. Coox. The Anatomy of a Small War: the Soviet-Japanese Struggle for Changkufeng / Khasan.1938. – London: Praeger Pub, 1977. – P. 7.
[37] Бо:эйтё: бо:эйкэнкю:дзё сэнсисицу... С. 340.
[38] Alvin D. Coox. Op. cit. P. 4.
[39] Черевко К. Е. Серп и молот... С. 80.

Японии в СССР Ниси Харухико[40] и заместитель народного комиссара иностранных дел Б. С. Стомоняков[41] провели две встречи. Японская сторона принимала участие в переговорах в связи с заключением Японией с Маньчжурией Японо-маньчжурского протокола, по которому Япония брала на себя обязательства по защите безопасности Маньчжоу-го.

Во время переговоров временный поверенный Х. Ниси не упоминал обстоятельств «нечеткого прохождения границы»[42] или же «трех вариантов прохождения границы»[43], о которых упоминалось выше. Советская же сторона настаивала на прохождении границы согласно Хуньчуньскому протоколу.[44] Б. С. Стомоняков передал Х. Ниси информацию о том, что дальневосточные власти подтвердили, что ни один красноармеец или пограничник не пересекал Маньчжурскую границу. Одновременно с этим показал ему карту, составленную на основании Хуньчуньского протокола и приложенную к нему, которую подписали представители Российской империи и Империи Цин, и настаивал на распространение его действия на границу с СССР[45] (рис. 6).

Временный поверенный Х. Ниси оказался глух и слеп к доводам советской стороны, безапелляционно настаивая на принадлежности места нахождения советских пограничников Маньчжурии.[46] В ответ на это Б. С. Стомоняков резко обвинил японского представителя в том, что, когда японскому правительству было выгодно, оно заявляло, что вопрос о границе должен быть разрешен между маньчжурской и советской сторонами, однако теперь, когда у Японии появились собственные интересы в этом регионе, он

---

[40] Ниси Харухико (西春彦) (1893–1986) — во время боёв у оз. Хасан временный поверенный в делах Японии.
[41] Стомоняков Борис Спиридонович (1882–1940) — во время боёв у оз. Хасан заместитель наркома иностранных дел СССР.
[42] Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). Т. 21 / Под ред. А. А. Громыко [и др.]. – М.: Изд-во политической литературы, 1977. – С. 365.
[43] Там же.
[44] Там же.
[45] Там же. С. 365–366.
[46] Там же. С. 366–367.

начинает настаивать на взаимном соглашении Японии и Маньчжоу-го, а также настаивать на собственном участии в решении вопроса о линии прохождения границы.[47]

Представители СССР во время переговоров опирались на Хуньчуньский протокол и на приложенную к нему карту, поэтому их позиция в отношении прохождения границы имела четкие основания в противоположность представителям японской стороны, которые не приводили четких доводов в защиту своей позиции и лишь не аргументировано настаивали на пересечении границы советскими пограничниками.

Из содержания переговоров видно, что представителями Японии ни разу не упоминается существование альтернативных Хуньчуньскому протоколу границ. Поэтому можно сделать вывод о том, что представление о нечетком прохождении границы, а также о существовании трех вариантов пограничной линии является более поздним, нежели конфликт, и не существовавшим во время Хасанского конфликта. Хотя информация о таком представлении фигурирует в японской официальной военно-исторической энциклопедии.[48]

Необходимо провести анализ японских исторических материалов с целью определения истоков заблуждений о существовании трех вариантов прохождения границы. Источником, на который в этом вопросе ссылаются в Японии, являются материалы 1-ого отдела по демобилизации, составленные в 1952 г. Таким образом, материалы, относящиеся ко Второй мировой войне, стали основой для японских исследований инцидента у оз. Хасан.

Тремя пограничными линиями, упоминающимися японскими исследователями, являются: граница по Хуньчуньскому протоколу от 1886 г., линия, проведенная российскими военными, и линия, проведенная

---

[47] Там же. С. 368–369.
[48] Бо:эйтё: бо:эйкэнкю:дзё сэнсисицу... С. 340.

китайскими военными, — однако в официальных документах не фигурирует ни одна, кроме линии 1886 г. (рис. 4, 5). Отсутствие официальных соглашений по этим двум пограничным линиям[49] делало затруднительным для японской стороны выдвижение контраргументов во время любых дипломатических переговоров с СССР. Возникают также большие сомнения по поводу того, действительно ли для Японии в 1938 г. линия прохождения границы была неизвестна.

Во время разгоравшегося конфликта в июле 1938 г. в принадлежащем информационной части Кабинета министров Японии периодическом издании «Еженедельник (週報)»[50] была напечатана информация о двух, а не о трех возможных линиях прохождения границы, и помещены соответствующие карты (рис. 7, 8).

Восточная граница, «граница по карте Российской Империи», совпадает с «границей по карте Генерального штаба Российской Империи от 1911 г.», указанной на рис. 4, 5. Западная граница — это «Граница по Хуньчуньскому протоколу» также совпадает с «Границей по Хуньчуньскому протоколу от 1886 г.», указанной на рис. 7 и рис. 8. Граница же трех северо-восточных провинций (Ляонин, Гирин, Хэйлунцзян) армейского геодезического бюро, которая была указана на рис. 4 и 5, на рис. 7 и рис. 8 отсутствует.

Кроме того, в вышеуказанном «Еженедельнике» дают понять, что граница трактуется в тексте Хуньчуньского протокола на русском и китайском языках по-разному. В частности, по-русски указано, что высота Заозёрная возвышается на пограничной линии между СССР и Маньчжоу-го.[51] Западная граница карты из «Еженедельника» соответствует китайскому тексту Хуньчуньского протокола, однако на этой карте не показано, что есть

---

[49] Тё:кохо:дзикэн (Бои у озера Хасан)... С. 1.
[50] Рикугунсё: симбун хан (Группа газет министерства сухопутных сил). Тё:кохо:дзикэн но кэйи (Ход Хасанских боёв) // Сю:хо: (Еженедельник). – 1938. – № 93. – С. 22.
[51] Там же. С. 21.

еще одна возможная трактовка — русская. Если обратиться к оригиналу текста Хуньчуньского протокола, то по-русски там значится: «От литеры Т. граница идет на северо-запад, по горам, по западной стороне озера Хасан»[52], а по-японски (перевод с китайского): «土字界標より西北し、嶺を越えハサン湖の西を経る»[53] (от Т. граница идет на северо-запад, переходя горы по западной стороне озера Хасан). Слово 越え(коэ) ‘переходить, перебираться, переваливать через что-л.’ дает свободу трактовать фразу двумя способами: один — созвучный русскоязычной версии «по горам», то есть по гребням, а второй — «переходя горы», то есть через них «перешагивая», оставляя горы за чертой. Однако, несмотря на неоднозначность смысла 越え (коэ), японское правительство предпочло более выгодный для себя смысл взять за основной и даже единственно возможный, что повлекло за собой соответствующую внешнюю политику.

Таким образом, из материалов газеты отдела прессы Министерства сухопутных войск Императорской Японии (陸軍省新聞班), изданных во время конфликта, четко следует представление японской стороны о существовании не трех, а двух пограничных линий, и только одна из них признана в тексте статьи официально принятой Японией границей — это линия по Хуньчуньскому протоколу, как его понимала японская сторона.

Существует, однако, и карта, на которой японская сторона наглядно демонстрирует разницу в видении границы у СССР и Японии — это карта, составленная Японской международной ассоциацией[54] в августе 1938 г. (рис. 9, 10). Если обратиться к ней, то здесь граница «по карте Генерального

---

[52] Архив внешней политики российской империи (АВПРИ). Ф. Трактаты. Оп. 3.1886. Д. 905. Л. 3.

[53] Консюн кайяку (Хуньчуньский протокол) // Japan center for Asian historical records. [Электронный документ]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html (Reference code: C13010035100. C. 92) (дата обращения: 06.10.2018).

[54] Японская международная ассоциация (日本国際協会) — 23 апреля 1920 г. была образована «Ассоциация Лиги Наций (国際連盟協会)» в Японии, а 11 мая 1933 г. она поменяла название на «Японская международная ассоциация». Эта ассоциация занималась исследованиями международных отношений.

штаба Российской Империи», указанная на рис. 4, 5, совпадает с пограничной линией, указанной в Дополнительной статье к Пекинскому договору от 1861 г., и здесь она указана как «предыдущая граница».[55] Здесь также не указана граница по карте трех северо-восточных провинций армейского геодезического бюро. Западная граница, которая является линией границы по Хуньчуньскому протоколу, указана как «нынешняя граница» (рис. 10), то есть, на самом деле, японская сторона имела четкое представление о границе между Маньчжурией и СССР в 1938 г. Также эта линия «нынешней границы» на Западе от оз. Хасан разделяется на два направления. Одно — пограничная линия, связывающая высоту Безымянная, высоту Заозёрная по их хребтам, то есть граница в соответствии с буквой договора на русском языке, и эта линия совпадает с пограничной линией, на которой настаивал СССР во время переговоров[56] (рис. 6). Еще одно направление — граница, значащаяся здесь как «граница по варианту договора на китайском языке» (рис. 10) и проходит она по западному берегу оз. Хасан. И если рассматривать эту линию, то высота Заозёрная находится полностью на территории Маньчжоу-го. Карта Ассоциации является ценным источником, благодаря которому наглядно видно расхождение Японии и СССР в отношении понимания буквы Хуньчуньского протокола, что явилось причиной того, что обе страны хоть и опирались на Хуньчуньский протокол, но к общему знаменателю не приходили.

Так, во время очередного витка переговоров сторон 20 июля посол Японии в СССР Сигэмицу Мамору произнес следующее:

---

[55] Тё:кохо: фукин коккё: дзё:яку ко: «Консюн кайяку о тю:син то ситэ» (Договоры границы у высоты Заозёрная: Взгляд через Хуньчуньский договор) // Japan center for Asian historical records. [Электронный документ]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html (Reference code: B02031259700. С. 12) (дата обращения: 21.10.2017).
[56] ДВП СССР. – Т. 21. – С. 365–366.

«Согласно тексту Хуньчуньского соглашения граница идет на северо-восток и по западному берегу оз. Чанчи. Это совершенно ясно по русскому и китайскому тексту».[57]

Эта фраза показывает, что Япония, как и СССР, признавала, что граница проходит по западному берегу оз. Хасан. Однако точкой преткновения стало то, где именно с западной стороны озера она проходит.

Но если Япония была так убеждена в своей правоте, то почему же во время переговоров японские представители не возразили советским дипломатам и не предъявили карту, подтверждающую их понимание прохождения границы со стороны Маньчжурии.

На самом деле 15 июля во время переговоров Б. С. Стомоняков обратился к японскому дипломату со словами: «Что же касается вопроса о карте, то г. Ниси является достаточно сведущим дипломатом, чтобы он мог не знать о Хуньчуньском соглашении и о приложенных к нему картах»,[58] и предложил японской стороне предъявить карты, которые имеются у Маньчжоу-го или Японии. Однако японские дипломаты, как временный поверенный Х. Ниси, так и посол М. Сигэмицу увидели приложенные к договору карты впервые лишь во время переговоров с СССР.[59]

Причина этого кроется в том, что у Японии не было своего экземпляра. Есть исторические материалы, в которых указано, что карта, принадлежавшая Империи Цин, была утеряна во время Ихэтуаньского восстания в 1900 г.[60] Карта, приложенная к Хуньчуньскому протоколу, никогда не была опубликована[61], и таким образом японская сторона до переговоров с СССР никогда не видела этой утраченной карты.

---

[57] Там же. С. 381.
[58] Там же. С. 372.
[59] Там же. С. 418.
[60] Тё:кохо: фукин коккё: дзё:яку ко: «Консюн кайяку о тю:син то ситэ»... (Reference code: B02031259700. С. 11) (дата обращения: 21.10.2017).
[61] ДВП СССР. – Т. 21. – С. 381.

СССР, в свою очередь, также не мог знать об утрате японской стороной маньчжурского экземпляра карты во время беспорядков в Империи Цин и проводил переговоры, не зная о том, что известно или неизвестно Японии о карте. Советские дипломаты во время переговоров должны были только подкрепить свою позицию о принадлежности высоты Заозёрная к территории СССР демонстрацией карты и дать понять Японии, что наличие у нее своего экземпляра представляется СССР само собой разумеющимся.

Это становится совершенно понятно из телеграммы 25 июля, которую М. М. Литвинов послал в полномочные представительства СССР: «Япония отлично знает, что оспариваемая ею высота на основании всех имеющихся договоров, официальных карт находится на советской территории».[62]

Исходя из приведенного выше анализа, можно сделать вывод, что, несмотря на то, что обе стороны опирались на один и тот же документ — Хуньчуньский протокол, Япония признавала прохождение границы по западному берегу оз. Хасан, а СССР считал, что граница проходит рядом с высотой Заозёрная через вершины находящихся рядом высот. Разногласия в толковании договора относительно прохождения линии границы стали главной предпосылкой к началу вооруженного столкновения у оз. Хасан.

1.4. Положение на границе СССР и Маньчжоу-го до 29 июля 1938 года

На протяжении долгого времени Советский Союз и Япония старались не накалять обстановку в районе тройственной границы СССР, Маньчжоу-го и генерал-губернаторства Тёсэн. Несмотря на территориально спорное в глазах японских представителей положение на этой границе, в японских документах за 1936 г. упоминается, что в марте 1936 г. главнокомандующий японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, генерал

[62] Там же. С. 390.

Койсо Куниаки [63] принял решение не отправлять войска на спорную территорию.[64] С другой стороны, и СССР также не дислоцировал в то время свои вооруженные силы в районе будущего конфликта.[65] Таким образом, в течение долгого времени обе страны не отправляли туда свои войсковые формирования, и в этой местности удавалось поддерживать мир без серьезных столкновений.

Однако 13 июня 1938 г. произошло событие, нарушившее мирный ход вещей. Опасавшийся сталинских репрессий начальник управления НКВД по Дальнему Востоку Г. С. Люшков[66] пересек границу территории Маньчжоу-го и, сдавшись японским военным, попросил у японцев политического убежища. После этого инцидента отношения Японии и России довольно резко стали напряженными.

Можно с уверенностью утверждать, что бегство начальника управления НКВД по Дальнему Востоку для пограничных войск, подчинявшихся НКВД, стало крайне серьезным происшествием. Сразу же был смещен командир 59-ого пограничного отряда, осуществлявшего охрану местности, и на эту должность был назначен полковник К. Е. Гребенник.[67] 6 июля он связался со штабом по защите границ в Хабаровске, которому он высказал мнение о том, что советским военным нужно занять высоту Заозёрная, а также другие возвышенности, близкие к государственным границам раньше японских военных.[68]

---

[63] Койсо Куниаки (小磯國昭) (1880–1950) — во время боёв у оз. Хасан генерал армии, командир японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, до 14 июня 1938 г.

[64] Тё:кохо:дзикэн (Бои у озера Хасан)... С. 2.

[65] Черевко К. Е. Советско-японский конфликт в районе озера Хасан в 1938 г. / К. Е. Черевко // Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий. – М.: 2003. – С. 155.

[66] Люшков Генрих Самойлович (1900–1945) — комиссар государственной безопасности 3-го ранга, начальник управления НКВД по Дальнему Востоку (1937–1938 гг).

[67] Гребенник Кузьма Евдокимович (1900–1974) — во время боёв у оз. Хасан полковник, командир Посьетского погранотряда.

[68] Накаяма Такаси. Тё:кохо:дзикэн сайко: (Пересмотр Хасанских боёв) // Бо:эйдайгакко: киё: (Бюллетень Национальной академии обороны Японии). – 1995. – №70. – С. 93.

В это же время, проводившая информационную разведку Квантунская армия, получив данную информацию, послала 7 июля 1938 г. телеграмму с новыми сведениями Хуньчуньской военной миссии Хуньчуньской экспедиционной армии японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, а также Императорской ставке[69].

Спустя два дня активность у границы еще больше возросла. 9 июля 76-ой пехотный полк 19-ой дивизии установил, что больше десяти советских солдат поднялись на высоту Заозёрная. Этот факт не вызывает никаких оговорок среди российских исследователей, так как для советской, а теперь российской, стороны — это само собой разумеющееся, ибо территория, на которую поднялись советские пограничники, принадлежала, в понимании СССР, Советскому Союзу. Однако в понимании японской стороны пограничники СССР появились на территории Маньчжурии. 11 июля были обнаружены примерно 40 пограничников, которые начали строить укрепления, а также на оз. Хасан появились небольшие корабли, которые были заняты перевозками.[70]

Хотя командир японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, Койсо Куниаки из 19-ой дивизии получил сообщение о том, что пограничники появились на высоте Заозёрная, он решил наблюдать за развитием событий и не давал приказа к атаке. Планировалось сначала попытаться урегулировать ситуацию дипломатическими методами —

---

[69] В 1893–1945 гг. — руководящий орган верховного военного командования в Японской империи. Ставка состояла из Армейского и Флотского отделов. Каждый отдел состоял из соответствующего министра, начальника соответствующего оперативного отдела и начальника соответствующего генерального штаба, императорский советник также входил в состав.

[70] Синадзикэн-си токуго: дайиккан тё:кохо: дзикэн-си фухё: фудзу (Специальный номер истории Японо-китайской войны. Т. 1. История Хасанских боёв: прилагаемые таблицы и карты). (Бо:эйсё: бо:эйкэнкю:дзё сэнси кэнкю: сэнта / Архив исследовательского центра военной истории исследовательского института обороны Министерства обороны). Самбо: хомбу (Генеральный штаб). Список 1.

переговорами, и только если дипломатические меры не приведут к должным результатам, перейти к контрмерам.[71]

Наблюдая за действиями СССР, японский Генеральный штаб провел совещание с военным министерством и определил «Основные принципы инцидента у высоты Тё:кохо: (Тё:кохо: дзикэн сёриё:ко: 張鼓峯事件処理要綱)». 14-ого июля Генштаб известил о них Квантунскую армию и японскую армию, дислоцированную на Корейском полуострове.

Содержание документа «Основные принципы…»:

«Первое. Через правительства Японии и Маньчжоу-го твердо протестовать и требовать вывода войск СССР дипломатическими методами.

Второе. На случай, если дипломатические средства не возымеют действия, сосредоточить военные силы прямо перед линией границы, чтобы сразу среагировать. Эти силы поставить под командование командира японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове.

Третье. Начало применения военной силы должно проводиться только по приказу из Токио».[72]

Одновременно МИД Японии предъявил требование-протест против действий СССР о нарушении границы.[73]

Из этого документа ясно следует, что Япония, имея в приоритете мирное урегулирование конфликта дипломатическими методами, не атаковала. Японская армия, дислоцированная на Корейском полуострове, сосредоточила подразделения 19-ой дивизии на фронте поблизости от высоты Заозёрная, но они могли предпринимать какие-либо действия только в случае, если дипломатические средства не приведут ни к каким результатам.

---

[71] Бо:эйтё: бо:эйкэнкю:дзё сэнсисицу... С. 345.
[72] Гэндай-си сирё: (10) ниттю: сэнсо: (3) (Данные Новейшей истории Т. 10: Японо-китайская война. №4) / Под ред. Сумита Дзюн. Токио. Мисудзу сёбо:, 1963. – С. xxxiii.
[73] Синадзикэн-си токуго: дайиккан тё:кохо: дзикэн-си фухё: фудзу... Список 1.

То есть было написано, что любое вооруженное действие может быть произведено только по приказу из центра.

15 июля 1938 г. произошли два центральных события, касавшиеся японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, и повлиявшие на дальнейший ход истории. Первое — назначение главнокомандующим японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, генерал-лейтенанта Накамура Котаро[74] вместо генерала Койсо Куниаки, хотя, по всей видимости, это не имело прямого отношения к разворачивающемуся конфликту, а являлось плановой кадровой заменой.[75] Еще одно событие: обстрел с советской стороны японских военных, осуществлявших охрану территории рядом со спорным участком границы, на юго-западной части подножия склона высоты Пулемётная Горка, во время которого был убит младший унтер-офицер Мацусима Сакудзи[76], японский жандарм[77], знакомивший с местностью Сакума Масатоси[78].

В Москве также были заняты разрешением конфликта: заместитель народного комиссара иностранных дел СССР Б. С. Стомоняков и временный поверенный в делах Японии Ниси Харухико вели дипломатические переговоры. Несмотря на две дипломатические встречи не было достигнуто каких-либо соглашений.[79]

Вечером 16 июля в связи с приходом советских пограничников на территорию, оспариваемую Японией, Императорской ставкой было приказано К. Накамура, командиру японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, сконцентрировать подчиненные ему подразделения

---

[74] Накамура Котаро (中村孝太郎) (1881–1947) — генерал-лейтенант, командир японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, с 15 июля 1938 г.
[75] Накаяма Такаси. Канто:гун (Квантунская армия). Токио. Ко:данся, 2000. С. 186.
[76] Мацусима Сакудзи (松島朔二) (1912–1938) — младший унтер-офицер жандармерии. Первый убитый во время инцидента у высоты Заозёрная.
[77] Синадзикэн-си токуго: дайиккан тё:кохо: дзикэн-си фухё: фудзу... Список 1.
[78] Сакума Масатоси (佐久間正俊) (годы жизни неизвестны) — во время боёв у оз. Хасан прапорщик, командир взвода 19-ой дивизии.
[79] Синадзикэн-си токуго: дайиккан тё:кохо: дзикэн-си фухё: фудзу... Список 1.

вблизи границы. К. Накамура, получив данный приказ, приказал командиру 19-ой дивизии Суэтака Камэдзо в соответствии с приказом №24 привести в состояние повышенной готовности четыре пехотных батальона, два горных артиллерийских батальона, один тяжелый артиллерийский батальон, часть зенитного артиллерийского полка, главные силы саперных подразделений. Командир 19-ой дивизии К. Суэтака, в обязанности которого входило исполнение приказа, 17 июля привел в состояние повышенной готовности штаб 38-ой пехотной бригады, 75-ый пехотный полк, один батальон, части пехотной артиллерии и экстренное санитарное звено из 76-ого полка, 27-ой кавалерийский полк, 25-ый горный артиллерийский полк, 15-ый полевой тяжелый артиллерийский полк, 25-ый зенитный артиллерийский полк, 19-ый саперный полк, школу бронеавтомобилей и автошколу 19-ой дивизии, а также подразделения связи 19-ой дивизии.[80]

17 июля в 18:00 мобилизованные части японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, было приказано объединить в пунктах Сикай (四會), Кэйко (慶興) и Аготи (阿吾地).[81] Для передислокации армии использовали ночное время, и к утру 19 июня 1938 г. она была уже расположена в заданных пунктах.

В 1938 г. Япония была глубоко вовлечена в войну с Китаем. На 1938 г. был запланирован захват г. Ухань. В таких условиях Япония отдавала первенство в решении возникших на границе с СССР проблем дипломатическим переговорам, которые, однако, проходили безуспешно.[82] Вопреки твердой позиции японского МИД уже к 17 июля Императорская

---

[80] Тё:кохо:дзикэн но кэйи (Ход Хасанских боёв). 1938. (Бо:эйсё: бо:эйкэнкю:дзё сэнси кэнкю: сэнта / Архив исследовательского центра военной истории исследовательского института обороны Министерства обороны). Тё:сэнгун сирэйбу (штаб японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове). С. 4–7 об.

[81] Сикай (四會) , Кэйко (慶興), Аготи (阿吾地) — ныне города в Северной Корее. См. рис. 2.

[82] Бо:эйтё: бо:эйкэнкю:дзё сэнсисицу... С. 347.

ставка начала чувствовать, что надежда на мирное решение слаба.[83] Япония не планировала воевать на два фронта и не была готова к глобальному столкновению с СССР, о чем сообщал и знаменитый Рихард Зорге в 1938 г.: «Война против СССР не начнется ни весной, ни летом 1938 г.»[84] и «Этот инцидент (у Хасана – Ф. В.) не приведет к войне между Советским Союзом и Японией»[85], вывод который был сделан на базе данных, полученных через немецкое посольство в Токио, у японских военных через Одзаки Хоцуми[86].

В сложившейся ситуации части 19-ой дивизии сосредоточились в районе оз. Хасан, где они были приведены в боевую готовность. И если бы на то были получены санкции от императора, военные были готовы в любой момент атаковать советскую сторону.

19 июля офицер Генерального штаба Японии Инада Масадзуми[87], ожидавший санкции от императора, передал штабному офицеру Арао Окикацу[88] дубликат проекта императорского приказа о силовом решении конфликта. Было решено срочно направить О. Арао к командиру 19-й дивизии, таким образом, атмосфера накалилась. Согласно также докладу разведывательных отрядов предполагаемые военные действия со стороны СССР должны были начаться с ночной атаки 20 или 21 июля.[89]

20 июля министр сухопутных войск Итагаки Сэйсиро[90], еще не имея согласия на проведение военных действий от министра иностранных дел

---

[83] Гэндай-си сирё: (12) Ниттю: сэнсо: (4) (Данные Новейшей истории Т. 12: Японо-китайская война №4) / Под ред. Кобаяси Тацуо [и др.]. Токио. Мисудзу сёбо:, 1965. – С. 502.
[84] Волков Ф. Д. Подвиг Рихарда Зорге. – М.: Знание, 1976. – С. 36.
[85] Там же.
[86] Одзаки Хоцуми (尾崎秀実) (1901–1944) — японский коммунист, журналист, внештатный сотрудник Кабинета министров Японии, информатор Р. Зорге.
[87] Инада Масадзуми (稲田正純) (1896–1986) — во время боёв у оз. Хасан полковник, офицер Генерального штаба Японии.
[88] Арао Окикацу (荒尾興功) (1902–1974) — во время боёв у оз. Хасан майор, член Генерального штаба Японии.
[89] Бо:эйтё: бо:эйкэнкю:дзё сэнсисицу... С. 349.
[90] Итагаки Сэйсиро (板垣征四郎) (1885–1948) — 46-й, 47-й министр сухопутных войск Императорской Японии (1938–1939).

Угаки Кадзусигэ [91] и министра ВМС Ёнэути Мицумаса [92], обратился к императору с петицией о том, что будто бы все 5 министров (премьер-министр, министр сухопутных войск, министр ВМС, министр финансов, министр иностранных дел) дают согласие на применение оружия против СССР в районе озера Хасан, желая получить и согласие императора на начало военных действий. Но император знал заранее из сообщения К. Угаки, что в это время министр иностранных дел, то есть сам К. Угаки, и министр ВМС М. Ёнэути согласились только на то, чтобы сосредоточить войска, а не на применение оружия. Император, поняв, что ему лгут, сказал: «По природе армейский образ действий груб (пропуск части текста) время от времени моя армия ведет себя неподобающе ей. Я искренне считаю, что это недопустимо». Отругав С. Итагаки, император заявил: «С этого момента без моего приказа ни одному солдату не разрешаю двигаться». [93] Министр С. Итагаки, надеявшийся легко заполучить императорское разрешение на начало военных действий, был так напуган, что ему стало не до того, чтобы думать о применении оружия.

С другой стороны, боевой дух 19-ой дивизии, находившейся на месте, ожидавшей с минуты на минуту приказ о начале применения оружия, все рос, с ним росло и желание испытать себя в настоящем сражении. 20 июля командир японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, К. Накамура (15 июля командира сменили), наблюдая за сложившей обстановкой и видя, что императорский приказ о начале боевых действий не приходит, дал телеграмму No. 985 начальнику Генерального штаба и министру сухопутных войск о том, что советские войсковые формирования непрерывно усиливают свои позиции. Учитывая, что дипломатические

---

[91] Угаки Кадзусигэ (宇垣一成) (1868–1956) — 55-й министр иностранных дел Японии (26 мая 1938 – 29 сентября 1938).

[92] Ёнэути Мицумаса (米内光政) (1880–1948) — 19-й министр ВМС Императорской Японии (2 февраля 1937 – 30 августа 1939).

[93] Харада Кумао. Сайондзико: то сэйкёку дай 7 кан (Принц Сайондзи и политическое положение. Т. 7). Токио. Иванами сётэн, 1952. – С. 51.

переговоры не дают никакого результата, в подобной ситуации, как телеграфировал К. Накамура, следовало срочно атаковать.[94]

21 июля ждавшие военные получили указание No. 204. Его содержание было следующим:

«1. Действия войск, сосредоточенных у маньчжуро-корейской границы, особенно подготовка боев, требуют особой осторожности. Необходимо строго избегать действий, которые могут привести к эскалации конфликта.

2. Действия пограничных войск, которые уже долгое время находятся на границе СССР и Маньчжурии, тоже не должны провоцировать советскую армию».[95]

То есть центр не только не разрешил применение оружия, но даже требовал не провоцировать советскую сторону. Подобное содержание приказа для местных подразделений было удивительно. В тот же день командир К. Накамура получил на свою телеграмму No. 985 ответ от начальника Генерального штаба — телеграмму No. 220.

Телеграмма No. 220

«...Центр продолжает изучение обстановки и возможности применения оружия. Международное положение дел требует осторожности, во всяком случае, на данный момент дано указание No. 204, положения, указанные в Вашей телеграмме, не приняты».[96]

Токио боялся непредвиденного развития событий на границе с СССР, поэтому 26 июля был дан приказ об отводе подразделений японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, за исключением небольшого отряда, требующегося для охраны границы. 27 июля командир К. Накамура передал приказ о срочном отводе японских подразделений от советско-маньчжуро-корейской границы командиру 19-ой дивизии К. Суэтака. На

[94] Тё:кохо:дзикэн но кэйи... С. 19–19 об.
[95] Там же. С. 14 об–15.
[96] Там же. С. 20 об.

этом основании 28 июля в 7:00 К. Суэтака приказал своим подразделениям с вечера начинать возвращение.[97] Пока дивизия возвращалась на базу, командир дивизии К. Суэтака до последнего оставался в одном из мест сбора подразделений японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, в городе Кэйко в качестве ответственного за перевозки и передислокацию.[98]

Таким образом, конфликт в самом начале имел на мирное разрешение. С уходом основных частей японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, из мест событий он должен был разрешиться, не успев перерасти в вооруженное столкновение.

[97] Там же. С. 28–31.
[98] Синадзикэн-си токуго: дайиккан тё:кохо: дзикэн-си фухё: фудзу... Список 1.

ГЛАВА 2. СОБЫТИЯ КОНФЛИКТА У ОЗ. ХАСАН В АРХИВАХ ЯПОНИИ

2.1. Инцидент у высоты Безымянная 29 июля 1938 г.: начало военных действий

29 июля в 9:30, когда главные силы войсковых частей, находившихся у границы, были в пути на базу, Канда Ясуо[99] — командир пограничного отряда 76-ого полка — обнаружил выдвинувшихся на южную сторону высоты Безымянная, советских пограничников, начавших на ней рытье окопов.[100] Командир японского погранотряда подполковник Сэнда Садасуэ[101], взяв с собой Я. Канда, поднялся на высоту Богомольная, чтобы своими глазами убедиться в верности этой информации.

Когда С. Сэнда поднялся на высоту Богомольная, его глазам действительно предстали укрепляющие позиции на своей высоте советские пограничники. В отношении увиденного С. Сэнда решил, что первичной миссией японских военных должно являться скорейшее изгнание советских пограничников с высоты, поэтому он позвонил в Кэйко, где еще оставался командир 19-ой дивизии Суэтака Камэдзо, и подробно доложил ему об обстановке и своем мнении на этот счет.

В связи с тем, что в это время была плохая связь и слышимость, К. Суэтака не понял подробностей. После получасовых размышлений он полностью согласился с оценкой обстановки С. Сэнда и приказал вытеснить советских пограничников с высоты, на которой они находились, но во

---

[99] Канда Ясуо (神田泰雄) (годы жизни неизвестны) — во время боёв у оз. Хасан капитан, командир пограничного отряда 76-ого полка.

[100] Синадзихэн-си токуго: тё:кохо:дзикэн-си со:ан (Специальный номер по Японо-китайской войне: Проект истории Хасанских боёв). 1939. (Бо:эйсё: бо:эйкэнкю:дзё сэнси кэнкю: сэнта / Архив исследовательского центра военной истории исследовательского института обороны Министерства обороны). Самбо: хомбу (Генеральный штаб). С. 17.

[101] Сэнда Садасуэ (千田貞季) (1892–1945) — во время боёв у оз. Хасан подполковник, командир японского погранотряда

избежание эскалации конфликта не оставаться там, а сразу же вернуться назад, в тыл.[102]

К. Суэтака принял решение усилить отряд Я. Канда одним батальоном пехоты 76-ого полка, который возвращался на базу, а также артиллерийскими подразделениями. И тогда же он решил приостановить выдвижение на базу тех войсковых частей, которые еще оставались в Кэйко, и послать их к высоте, где были советские пограничники. Кроме того, вернулся в место постоянного дислоцирования дивизионного штаба, в г. Ранам (羅南)[103], штаб дивизии, а также главные силы 25-ого горного артиллерийского батальона, находившегося у железной дороги, повторно были призваны на место зарождавшегося военного конфликта, и они начали подготовку в соответствии с меняющимися обстоятельствами.

Несмотря на то, что следовало позаботиться о том, чтобы предотвратить конфликт, С. Сэнда, получивший одобрение и поддержку от командира дивизии, приказал капитану Я. Канда, используя один взвод, срочно атаковать пограничников СССР, занятых постройками на южной стороне высоты Безымянная.[104] Капитан Ногути Сигэёси[105] также занял высоту, находившуюся между высотами Заозёрная и Безымянная, и приказал поддерживать огнем подразделения капитана Я. Канда.[106]

Таким образом, из-за разделения японскими военными советских пограничников, продвинувшихся 9 июля на высоту Заозёрная, и 29 июля на высоту Безымянная, а также из-за решения атаковать их, обстановка все больше накалялась и стремительно скатывалась к военному конфликту.

29 июля в 13:30 вызванный капитаном Я. Канда прапорщик Сакума Масатоси во главе взвода из 25 человек прибыл на указанную начальством

---

[102] Синадзихэн-си токуго: тё:кохо:дзикэн-си со:ан... С. 17, 20–21.
[103] Ранам (羅南) — город в Северной Корее (сейчас один из районов г. Чхонджин).
[104] Синадзихэн-си токуго: тё:кохо:дзикэн-си со:ан... С. 17–18, 21.
[105] Ногути Сигэёси (野口重義) (годы жизни неизвестны) — во время боев у оз. Хасан капитан 19-ой дивизии японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове.
[106] Синадзихэн-си токуго: тё:кохо:дзикэн-си со:ан... С. 17–18, 21.

высоту на западном берегу оз. Начальный Пруд. Так как отряд Я. Канда почти в то же самое время прибыл на эту же высоту, Я. Канда включил взвод М. Сакума в ряды своего отряда и в таком составе двинулся на советских пограничников. Я. Канда приказал не открывать огонь, пока не начнется атака с советской стороны, а также приказал отступить с высоты, как только советские пограничники будут изгнаны.

Хотя взвод Я. Канда во время продвижения и был атакован со стороны советских пограничников, он, не отвечая на огонь, продолжал двигаться вперед в долину, однако, в конце концов, японский взвод стал отстреливаться, так как начали появляться раненые. [107] Так началась перестрелка между советской и японской сторонами, которая обозначила начало боев у озера Хасан.

Прапорщик М. Сакума руководил тремя отделениями, которые смогли приблизиться к советским пограничникам с тыла на расстояние 30 м. Я. Канда и его подразделения смогли приблизиться к цели на 50 м. В ответ на огонь противника подчиненные Я. Канда пошли в штыковую атаку, сам командир Я. Канда штыком поразил советского пограничника.

Прапорщик М. Сакума был ранен в лицо и плечо, но и сам поразил штыком двух противников. Оставшиеся пограничники пали под оружейным огнем, в 15:10 в районе близ высоты Заозёрная не осталось ни одного советского пограничника.[108]

Среди подчиненных С. Ногути был также старшина Миясита Киёхито [109] , командовавший взводом. Три четверти его подчиненных продвинулись к высоте Заозёрная, еще четверть — к высоте Безымянная, где они столкнулись с советским пограничным отрядом, который открыл огонь с восточной стороны озера Хасан. Но так как отряд К. Миясита действовал

---

[107] Там же. С. 18.
[108] Там же. С. 19.
[109] Миясита Киёхито (宮下清人) (годы жизни неизвестны) — во время боев у оз. Хасан старшина, командир взвода 19-ой дивизии.

очень решительно и напал внезапно, советские пограничники вынуждены были бежать, при этом один пограничник был застрелен.[110]

Подполковник С. Сэнда запретил подразделениям Я. Канда преследовать советских пограничников за границей Маньчжоу-го в понимании японской стороны. В 16:30 с целью избежать ненужного столкновения с ними, подполковник С. Сэнда взял под свое руководство отряды Я. Канда и М. Сакума, отвел войска на высоту, находившуюся на 800 м юго-западнее Безымянной, и занял там позицию.

В 17:00 на место отступивших до этого советских пограничников пришли подразделения Красной армии численностью 80 человек, которые сменили отступивших с высоты японцев. Атаковав южную сторону высоты Безымянная, в конце концов, советские военные на 500 м вышли за линию границы (как видели ее японцы), где начали строительство укреплений. Вслед за первыми военными пришли танки и подкрепление из советского тыла (рис. 11).

С. Сэнда в ответ на эти передвижения приказал отряду С. Ногути (вернувшемуся в отряд К. Миясита) занять высоту Богомольная, а отряду С. Канда занять возвышенность на западе от оз. Начальный Пруд. Командир дивизии К. Суэтака привел свои подразделения в состояние повышенной готовности, а отряд роты Имагава Сигэо[111] 1-ого батальона 76-ого полка занял западную высоту у оз. Начальный Пруд. С. Сэнда доложил об этом командиру дивизии К. Суэтака в Кэйко и потребовал выслать подкрепление.

Немного ранее, в 4 часа утра, 19-ая дивизия связалась с командиром 75-ого полка, который проводил подготовку к возвращению на базу, полковником Сато Котоку[112]. В сообщении говорилось о боях в этот день.

---

[110] Синадзихэн-си токуго: тё:кохо:дзикэн-си со:ан . С. 19.

[111] Имагава Сигэо (今川茂男) (годы жизни неизвестны) — во время боев у оз. Хасан лейтенант, командир роты 76-ого полка 19-ой дивизии японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове.

[112] Сато Котоку (佐藤幸徳) (1893–1959) — во время боев у оз. Хасан полковник, командир 75-ого полка 19-ой дивизии японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове.

Полковник К. Сато, получив такую информацию, изложил свое мнение о том, что было бы полезно для будущего японских войск захватить высоту Пулемётная Горка. Это мнение было принято начальством, поэтому полковник К. Сато отдал приказ 3-ему батальону под руководством майора Хирахара Сидзуо [113] выдвинуться в Кодзё, а другим подразделениям сосредоточиться у Аготи. Так как ситуация была сложной полковник спешно лично присоединился к войскам в Аготи.[114]

В 18:20 командир дивизии К. Суэтака приказал полковнику К. Сато прибавить две роты из 15-ого полка тяжелой артиллерии к 1-ому и 3-ему батальонам, после чего срочно сосредоточиться у Кодзё, подготавливая военных к боевым действиям в районе высоты Заозёрная. В этом же приказе говорилось о том, что военные С. Сэнда, отступившие до этого на 800 м от границы, сражаются с красноармейцами, то есть можно предположить, что Красная армия заняла территорию между линией прохождения границы, в японском понимании, и подразделениями С. Сэнда.[115]

К. Суэтака был настолько настроен на военные действия, что не собирался упускать «столь благоприятной ситуации, посланной небесами (天与の機会)»[116], и, несмотря на присутствие среди его подчиненных тех, кто считал нежелательным военный конфликт с СССР[117] (Моримото Нобуки[118], Окидо Сандзи[119], Танака Рюкити[120]), принял решение об ударе по советским

---

[113] Хирахара Сидзуо (平原静雄) (?–1938) — во время боев у оз. Хасан майор, командир 3-го батальона 75-го полка 19-ой дивизии японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове.
[114] Синадзихэн-си токуго: тё:кохо:дзикэн-си со:ан . С. 19–22.
[115] Тё:кохо:дзикэн но кэйи... С. 36–36 об.
[116] Арувин. Д. Куккусу. Мо:хитоцу но номонхан Тё:кохо:дзикэн 1938 нэн но ниссо фунсо: но ко:сацу (Ещё один Халхин-Гол. Хасанские бои: Рассмотрение японо-советского конфликта 1938 г.). – Токио. Хара сёбо:, 1998. – С. 89.
[117] Alvin D. Coox. Op. cit. P. 98.
[118] Моримото Нобуки (森本伸樹) (годы жизни неизвестны) — во время боев у оз. Хасан командир 37-ой бригады 19-ой дивизии японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове.
[119] Окидо Сандзи (大城戸三治) (1891–1962) — во время боев у оз. Хасан командир 76-ого полка 19-ой дивизии японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове.

позициям, выдвинутым за линию границу, силами 75-ого полка, возглавляемого полковником К. Сато. Ничего не известно о том, как это решение было исполнено. Нет каких-либо записей о сообщениях главному штабу японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, о стычках или особых передвижения советских военных и пограничников вплоть до 17:30 29 июля. Вероятно, в этот раз это был акт действий по собственному усмотрению.

В 21:20 29 июля К. Суэтака сообщил командиру японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, К. Накамура через офицера штаба 19-ой дивизии: «Этот инцидент является последствием незаконной провокации советских войск. Я убежден, что характер нынешних событий полностью отличается от инцидента, с которым мы столкнулись, когда советские войска пришли на высоту Заозёрная, потому стоит расценивать его как отдельный инцидент».[121] Так было проведено разделение событий, в которые была вовлечена советская сторона у высоты Заозёрная, и действий вокруг высоты Безымянная и прилегавших сопок.

Командир К. Накамура принял сообщение К. Суэтака и согласился с действиями 19-ой дивизии, однако решил, что японские силы не должны преследовать военных СССР, изгнав их с территории Маньчжурии, чтобы не привести к эскалации конфликта. Приняв решение действовать в этом направлении, К. Накамура отправил к границе начальника штаба Китано Кэндзо[122], чтобы тот проводил руководство в выбранном К. Накамура ключе на месте боевых действий.[123]

Заключение, сделанное К. Суэтака о различии конфликтов, заслуживает особого внимания, так как К. Суэтака своим решением разделил

---

[120] Танака Рюкити (田中隆吉) (1893–1972) — во время боев у оз. Хасан командир 25-ого горного артиллерийского полка.
[121] Тё:кохо:дзикэн но кэйи... С. 39.
[122] Китано Кэндзо (北野憲造) (1889–1960) — во время боев у оз. Хасан начальник штаба японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове.
[123] Тё:кохо:дзикэн но кэйи... С. 39 об.

инциденты 9 и 29 июля: он вывел инцидент 29 июля из-под приказа императора о ненападении. В этом случае выходило, что изначально основная задача 19-ой дивизии, дислоцированной у высоты Заозёрная — защита границы, потому она спокойно без особого позволения императора имела право выполнить свой долг по защите границы, если бы вдруг это понадобилось. То есть Центр не желал воевать с Советским Союзом, но командиры на местах были полны надежд на бой, в котором смогут проявить себя, а также были уверены, что СССР нарушил границу, потому нужно было изгнать его военных за пределы границ в японском понимании. В России поводом начала боев у оз. Хасан считают нападение японских военных на высоту Безымянная 29 июля 1938 г.[124], этот же день называют в качестве первого дня конфликта. Для Японии поводом к началу конфликта послужил приход пограничников СССР на высоту Заозёрная 9 июля 1938 г., которое в Японии считается первым днем конфликта у сопок Заозёрная и Безымянная, а 29 июля для Японии — лишь начало фазы боев. Таким образом, налицо разница не только в видении повода, но и в датировке конфликта. Однако дело в том, что поводом для начала непосредственно боевых действий, с точки зрения Японии, послужил не приход пограничников СССР на высоту Заозёрная, а приход советских пограничников на один из отрогов с южной стороны высоты Безымянная 29 июля 1938 г. Это побудило японскую армию, дислоцированную на Корейском полуострове, возвращавшуюся по приказу на базу, к действиям вопреки приказу Токио.

В 1:25 30 июля К. Накамура сообщил начальнику Генштаба, министру сухопутных войск и командиру Квантунской армии, что он дает свое согласие на отдельное управление 19-ой дивизией К. Суэтака, однако, для того, чтобы максимально исключить развитие конфликта, К. Накамура лично

---

[124] Кузеленков В. Н. Документы Российского государственного военного архива по истории военного конфликта в районе озера Хасан в 1938 г. / В. Н. Кузеленков // Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий. – М.: 2003. – С. 22.

собирался руководить военными действиями во время этого инцидента.[125] Поэтому К. Накамура приказал К. Суэтака: «Если понадобится применение оружия до атаки со стороны СССР, то разрешение на подобные действия будут приходить сверху».[126]

Несмотря на наличие данного приказа, К. Суэтака, сев в моторную лодку, отплыл по р. Туманная к высоте Мацуоцу.[127] На этой высоте уже находился 75-й полк под руководством К. Сато, с которым встретился К. Суэтака. Полковник К. Сато сообщил: «Нынешний противник продолжает наращивать военную силу и активно действует. Ясно, что у врага есть заранее подготовленный провокационный план, и положение дел весьма тяжелое. В 15:30 я отдал приказ: захватить инициативу и нанести сильный удар».[128]

Содержание приказа, отданного К. Сато: «31-ого июля с 2:00 провести нападение в районе высоты Безымянная и на высоте Заозёрная». Почему в приказ была внесена и высота Заозёрная, хотя ранее местные подразделения решили, что инцидент, связанный с ней, является отдельным событием? Это случилось из тактических соображений: для того, чтобы нападение на направление Безымянной удалось, нужно было захватить высоту Заозёрная, которая возвышается над высотой Безымянная.

Командир дивизии К. Суэтака, принявший сообщение от полковника К. Сато, понимая всю важность предстоящей атаки, для того, чтобы стало полностью ясно, кто дал приказ о нападении, кто несет ответственность за происходящее, и чтобы было тому материальное свидетельство, написал об этом сообщении на том, что оказалось под рукой, а именно — на визитной карточке.

---

[125] Тё:кохо:дзикэн но кэйи... С. 39 об–40.
[126] Синадзихэн-си токуго: тё:кохо:дзикэн-си со:ан... С. 28.
[127] Мацуоцу (松乙峯) — высота на западном берегу реки Туманная. См. рис. 2.
[128] Синадзихэн-си токуго: тё:кохо:дзикэн-си со:ан... С. 28–29.

Первое, о чем говорится в сообщении подполковника С. Сэнда, что за позицией врага, находящейся юго-западнее высоты Безымянная, на территории Маньчжоу-го, присутствуют 10–11 танков и 70–80 человек пехоты. «С сегодняшнего утра проявляется чрезвычайная активность».[129]

И также под пунктом 2 написано «Если Вы поймете, что начинается вторжение врага, решительно и кардинально нанесите удар». [130] Написав приказ на основе своего самостоятельного решения, К. Суэтака, таким образом засвидетельствовал письменно свою ответственность и вернулся в штаб в Кэйко.[131]

30 июля с вечера в районе южнее высоты Безымянная предположительно развернулись части советской пехоты и несколько танков, готовившихся к нападению. Японские военные слышали шум танков даже в стороне высоты Заозёрная. С приходом ночи эти звуки стихли, однако полковник К. Сато, зная о действиях СССР до того времени, сделал вывод о том, что на следующий день советская сторона продолжит свою деятельность, потому ночью с 30 на 31 июля решил действовать по заранее задуманному плану, то есть атаковать. В качестве условленного пароля в тот день использовали слова девиза 75-го полка: «Честность 正直 (сё:дзики)» и «Храбрость 勇猛 (ю:мо:)»[132].

На Заозёрной первый батальон 75-го пехотного полка во главе с майором Накано Тосити [133], заранее уничтожив советские проволочные заграждения, атаковал и продвинулся вперед. Советские части использовали осветительные снаряды и, яростно отстреливаясь, пытались сопротивляться, но японцы наступали, в конце, перейдя в штыковую атаку, одержали победу.

---

[129] Бо:эйтё: бо:эйкэнкю:дзё сэнсисицу... С. 360.
[130] Там же.
[131] Бо:эйтё: бо:эйкэнкю:дзё сэнсисицу... С. 360–361.
[132] Синадзикэн-си токуго: дайиккан тё:кохо: дзикэн-си фухё: фудзу... Список 1. (продолжение). ; Синадзихэн-си токуго: тё:кохо:дзикэн-си со:ан... С. 56.
[133] Накано Тосити (中野藤七) (годы жизни неизвестны) — во время боев у оз. Хасан командир 1-го батальона 75-го пехотного полка 19-ой дивизии японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове.

31 июля в 5:15 утра японские военные захватили высоту Заозёрная. В районе высоты Безымянная первый батальон 76-ого пехотного полка во главе с майором Такэноути Сигэо [134] атаковал врага и утром в 6:00 захватил советские позиции на высоте Безымянная.[135]

Погода оказалась союзником Японии. С тех пор, как японские военные получили высоту Заозёрная, над рекой Туманная поднялся густой туман, и пошел проливной дождь, поэтому из-за плохой видимости советские части остановили действия артиллерии. [136] Таким образом, благодаря удачным погодным условиям Япония смогла получить две высоты.

После ночного нападения, которое провел по своему личному решению командир дивизии К. Суэтака, командир японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, К. Накамура приказал удерживать уже захваченные позиции, однако потребовал приложить все усилия к тому, чтобы положение не ухудшилось еще больше. Императорская ставка тоже поддерживала решение не ухудшать сложившуюся ситуацию, а разрешение проблемы предоставить дипломатам.[137] Заместитель начальника Генерального штаба Японии генерал-лейтенант Тада Хаяо [138] доложил о происходящем на границе императору. Х. Тада очень нервничал в ожидании реакции императора на факт атаки высоты Заозёрная по решению местных военных, хотя атаку этой высоты сам император однажды уже лично запретил. Но Х. Тада тогда объяснил, что ночное нападение не было запланировано Японией, это был ответ на пересечение советскими пограничниками границы Маньчжурии, военные же Японии не пересекали

---

[134] Такэноути Сигэо (竹ノ内繁男) (годы жизни неизвестны) — во время боев у оз. Хасан майор, командир 1-го батальона 76-ого пехотного полка 19-ой дивизии.

[135] Хохэй дай 75 рэнтай тё:кохо:дзикэн сэнто: сё:хо: 1/2 (Подробный боевой рапорт 75-го полка 1/2). (Бо:эйсё: бо:эйкэнкю:дзё сэнси кэнкю: сэнта / Архив исследовательского центра военной истории исследовательского института обороны Министерства обороны). Хохэй дай 75 рэнтай (75-ый полк). С. 39–40, 43, 50–51.

[136] Там же. С. 33.

[137] Бо:эйтё: бо:эйкэнкю:дзё сэнсисицу... С. 366.

[138] Тада Хаяо (多田駿) (1882–1948) — во время боев у оз. Хасан заместитель начальника Генерального штаба Японии, генерал-лейтенант.

линию границы, они только вынудили советские силы уйти с маньчжурской территории, оставаясь на территории Маньчжоу-го, поэтому император о действиях японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, сказал: «То, что уже случилось, случилось. Хорошо, что войска остались на отвоеванных позициях, не нарушая границу. Передайте мое мнение: военным, находящимся на фронте, нельзя сделать даже один шаг за линию границы. Однако нельзя и отдавать отвоеванные позиции». [139] Таким образом, император показал определенное понимание проблемы.

Генерал-лейтенант Х. Тада передал решение императора частям 19-ой дивизии, и вместе с присутствовавшим при этом К. Суэтака, растроганные до слез, они поклялись изо всех сил исполнить священный долг, даже ценой своих жизней.[140]

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что действия японских военных в ответ на продвижение советских пограничников 9 июля и выдвижение их в районе высоты Безымянная 29 июля, были самовольным решением начальника 19-ой дивизии японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, не согласованным с японским правительством, которое в связи с обнаружением советских пограничников на высоте Заозёрная 9 июля дало четкий приказ не действовать без связи с Токио и не нападать без дополнительных указаний сверху. Однако это решение послужило поводом для начала серьезного военного конфликта.

2.2. Разгар военных действий конфликта у оз. Хасан

Так как высоты Заозёрная и Безымянная оказались в руках японцев, то обе армии начали готовиться к еще более массированным боевым действиям.

31 июля японцы совершили ночную атаку на позиции красноармейцев, в результате которой советским военным пришлось отступить, но уже

---

[139] Alvin D. Coox. Op. cit. P. 180.
[140] Бо:эйтё: бо:эйкэнкю:дзё сэнсисицу... С. 367–368.

1 августа они начали контрнаступление с целью возвращения высот. В Японии эта атака Советского Союза получила название «первая атака за возвращение вершины (дайитидзи даккай ко:гэки 第一次奪回攻撃)»[141].

1 августа около 9 утра советские подразделения начали обстреливать высоты Заозёрная и Безымянная. Однако эти обстрелы были беспорядочными, и почти все снаряды падали на западную сторону высоты Богомольная, не нанося вреда японским военным.[142] Советская армия начала с этого дня использовать и авиацию: в тот день к участию в военных действиях было привлечено 13–15 самолетов.[143] Они появились в небе над японской армией после полудня, однако сбрасывали снаряды со слишком большой высоты, поэтому не смогли эффективно совершить бомбардировку. Но и японские противовоздушные атаки также не были точными, и советские самолеты смогли опуститься с высоты 600 м до 500 м. Тогда японские военные прекратили беспорядочную стрельбу и обстреливали самолеты только после того, как те спускались на подходящую для поражения цели высоту. Такая тактика принесла свои плоды, так как в 16:30 они смогли сбить один самолет[144] (рис. 12).

Затем советские военные до вечера прекратили боевые действия и перебросили около 3000 военных с артиллерией в окрестности Заречья (12 км северо-восточнее Заозёрной высоты).[145]

Полковник К. Сато, предвидя на рассвете атаку СССР, приказал командиру 3-го батальона майору С. Хирахара послать 10-ю роту под

---

[141] Там же. С. 368.
[142] Хохэй дай 75 рэнтай тё:кохо:дзикэн сэнто: сё:хо: 1/2... С. 79.
[143] Синадзикэн-си токуго: дайиккан тё:кохо: дзикэн-си фухё: фудзу... Список 1. (продолжение). ; Хохэй дай 75 рэнтай тё:кохо:дзикэн сэнто: сё:хо: 1/2... С. 80.
[144] Хохэй дай 75 рэнтай тё:кохо:дзикэн сэнто: сё:хо: 1/2... С. 80–82.
[145] Синадзикэн-си токуго: дайиккан тё:кохо: дзикэн-си фухё: фудзу... Список 1. (продолжение).

командованием Такэсита Сюмпэй[146] на высоту Пулемётная Горка. Также он решил отдать общее командование на высоте капитану С. Такэсита, и 1-ый пулеметный взвод 1-ой роты также осуществлял укрепление позиций под его командованием.[147]

2 августа заново развернулась битва за высоту Пулемётная Горка. Примерно с 8 утра советские военные начали массированный обстрел высоты, что в результате привело к тому, что наблюдение за положением противника стало сильно затруднено. Примерно в 9 утра также начались воздушные атаки, одновременно с которыми два пехотных батальона начали продвижение вперед.[148]

Майор С. Хирахара, наблюдавший за обстановкой с высоты Заозёрная, вместе с отрядом саперов, сопровождающих батальонные пушки, прибыл на высоту, находящуюся в 800 м юго-восточнее высоты Заозёрная, где уже были сгруппированы 6-я рота, 9-я рота, а также 3-я пулеметная рота, и, взяв на себя командование, выдвинулся на север от высоты Пулемётная Горка.

Заместитель командира 1-ого батальона лейтенант Инагаки Такэхару[149], не сумев связаться по телефону со штабом полка и взяв командование 1-ым пулеметным отрядом и отрядом батальонных пушек на себя, тоже направился к высоте Пулемётная Горка.[150]

Благодаря таким мерам по усилению обороны своих позиций, в тот день удалось отбить все три советские атаки. Однако части советских

---

[146] Такэсита Сюмпэй (竹下俊平) (годы жизни неизвестны) — во время боев у оз. Хасан капитан, командир 10-ой роты 75-го полка 19-ой дивизии японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове.
[147] Хохэй дай 75 рэнтай тё:кохо:дзикэн сэнто: сё:хо: 1/2... С. 83.
[148] Там же. С. 92.
[149] Инагаки Такэхару (稲垣毅治) (годы жизни неизвестны) — во время боев у оз. Хасан лейтенант, заместитель командира 1-ого батальона 75-го полка 19-ой дивизии японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове.
[150] Хохэй дай 75 рэнтай тё:кохо:дзикэн сэнто: сё:хо: 1/2... С. 92–95.

военных удалось остановиться в 300–400 м от района дислокации японских войск, где они незамедлительно начинали возводить укрепления.[151]

Атака советскими подразделениями высоты Заозёрная осуществлялась практически одновременно с атакой на высоту Пулемётная Горка, однако тут бои велись с помощью артиллерии без ближнего боя. Поэтому японские военные сконцентрировались на том, чтобы отражать советские атаки с помощью массированного использования полковых пушек и зенитной артиллерии. Однако, как уже говорилось, майор С. Хирахара с подчиненным ему батальоном отправились в районе высоты Пулемётная Горка, и в результате высоту Заозёрная обороняли только два батальона 9-ой роты, которыми руководил командир взвода, чьих сил не хватало. Поэтому в 8:30 было получено сообщение о нехватке военных на высоте Заозёрной, и одновременно о выдвижении советских частей. В этой ситуации полковник К. Сато приказал главным силам 1-ого батальона отправиться на помощь и поддержать огнем тех, кто был на высоте Заозёрная. Военные отправились с высоты Пулемётная Горка в 9 вечера, и на высоте Заозёрная в 10 вечера были атакованы советскими разведывательными отрядами. Тем не менее, два отряда, собравшись с духом, отбили атаку, используя ручные гранаты.[152]

За высоту Безымянная Красной армией также велись бои с помощью артиллерии и бомбежек. Один пехотный батальон, сопровождаемый танками, начал атаку с северной стороны высоты, и, хотя попытки атак продолжались с утра до захода солнца, подчиненные С. Такэноути успешно их отбивали.[153]

Также в этот день на место конфликта из Квантунской армии для осуществления сбора информации относительно СССР, для связи с японской армией, дислоцированной на Корейском полуострове, и для осуществления

---

[151] Там же. С. 99.
[152] Там же. С. 99–101.
[153] Там же. С. 101–103.

секретной пропаганды прибыла группа подполковника Кавамэ Таро [154], состоявшая из 26 солдат, — звено Кавамэ.[155]

3 августа японцы отбили три атаки, однако к утру снова началось наступление на высоту. В ответ японские военные, находившиеся на вершинах высот, открыли по советским бойцам ожесточенный огонь. В результате Красная армия вынуждена была отступить, и к трем ночи все советские военные отступили к 29-ой высоте.[156]

Высота Безымянная была обстреляна советской артиллерией и с воздуха, однако пехотная атака не состоялась. Как и в предыдущие дни, артиллерийский обстрел советских позиций с высот оказался самым действенным против продвижения советских подразделений.

На высоте Пулемётная Горка части красноармейцев удалось закрепиться вблизи позиций противника. Однако части под командованием С. Такэноути обстреливали советские позиции из артиллерийских и стрелковых орудий, что помешало их дальнейшему продвижению. Примерно в 3:30 красноармейцы отступили.[157] Таким образом, первая атака советских подразделений на высоты Заозёрная и Безымянная провалилась (рис. 13).

4 августа, советская армия атаковала японские позиции на высотах Заозёрная и Пулемётная Горка с помощью танков и артиллерийских орудий. Также с помощью танков и авиации велась продолжительная разведка. Тем не менее, атаки пехоты не последовало, что стало для японцев знаком того, что советская армия готовится к новой массированной атаке, к которой японским военным нужно было заблаговременно подготовиться.[158]

В частности, полковник К. Сато провел перегруппировку частей, осуществлявших оборону. Главная перемена касалась того, что батальону,

---

[154] Кавамэ Таро (川目太郎) (годы жизни неизвестны) — во время боев у оз. Хасан подполковник Квантунской армии.
[155] Синадзихэн-си токуго: тё:кохо:дзикэн-си со:ан... С. 255.
[156] Хохэй дай 75 рэнтай тё:кохо:дзикэн сэнто: сё:хо: 1/2... С. 117–118.
[157] Там же. С. 119–121.
[158] Бо:эйтё: бо:эйкэнкю:дзё сэнсисицу... С. 380.

возглавляемому майором С. Хирахара, предоставлялась защита территории, раскинувшейся на 800 м от высоты Пулемётная Горка на юго-восток к высоте Заозёрная. Там же расположили один взвод 9-ой роты, один взвод пулеметной роты, пушки 1-ого батальона, чем значительно укрепили свои позиции.[159]

5 августа Красная армия снова начала артиллерийский обстрел, и, по данным японских военных, с этого дня увеличилась точность попаданий[160]: по всей площади японских позиций были погибшие. Однако в этот день значительного продвижения пехоты не было, самолеты осуществляли лишь разведывательные вылеты.[161] Все эти действия говорят о выполняемой подготовке к штурму.

В 5 утра командир дивизии К. Суэтака отметил, что постоянное падение снарядов из 100-мм пушки за пределами зоны огня японских орудий, приводит моральный дух военных в подавленное состояние, в связи с этим он обратился к Главному Штабу японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, за дополнительным вооружением. В частности, он просил одну батарею железнодорожной артиллерии, одну-две батареи пушек типа 89 15 см, три батареи пушек типа 90.

В штабе японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, внимательно отнеслись к его просьбе и отправили запрос о возможности использования артиллерии Квантунской армии.

В это время начальник штаба японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, К. Китано также послал дополнительную телеграмму с просьбой об оружейном подкреплении. Главный штаб одобрил эти запросы и предоставил в распоряжение штаба японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, две батареи пушек типа 90, одну батарею тяжелой артиллерии с пушками 15-см, один бронепоезд, а

---

[159] Хохэй дай 75 рэнтай тё:кохо:дзикэн сэнто: сё:хо: 1/2... С. 148.
[160] Там же. С. 163.
[161] Там же.

также находящуюся в подчинении у Северо-Китайского фронта[162] (Японии) одну полевую зенитно-артиллерийскую часть.[163]

6 августа началась вторая серия атак с целью возврата двух высот. На рассвете японские военные установили, что примерно 70 советских танков выдвинулись в сторону высоты 29, а от высоты Пулемётная Горка до высоты 29 с обеих сторон были сооружены артиллерийские позиции, и с южной стороны от линии гребней высот были расположены еще 40 танков.

Полковник К. Сато приказал на рассвете массированно обстреливать окрестности 29 высоты, и с 6 утра начался массированный огонь по советским позициям. В ответ тоже был открыт огонь. Японская армия использовала всё оружие, имевшееся у нее в наличии, включая трофейную зенитную артиллерию, которую успешно применяла против танков. Однако с 11 часов утра красноармейцы усилили артиллерийский огонь, в результате чего на высоте Пулемётная Горка было ранено много японских солдат. Также примерно с 11:30 к боевым действиям подключилась авиация, которая начала сбрасывать бомбы в район высот Пулемётная Горка и Безымянная. Практически сразу же началось продвижение вперед танков и пехоты.[164]

Майор С. Хирахара, который охранял территорию от высоты Пулемётная Горка до южного склона Заозёрной, приняв решение о ликвидации советских частей, с помощью 3 скорострельных пушек атаковал надвигающиеся танки, обездвижив 14 из них.

Каждый батальон использовал в бою батальонные и полковые пушки, трофейную зенитную артиллерию. Тем не менее, они не смогли полностью остановить наступление танков, и, в конце концов, на северный склон высоты Пулемётная Горка прорвались 22 танка. Теряя солдат убитыми и ранеными, японские военные, тем не менее, стреляли по противнику массированным

---

[162] Северо-Китайский фронт (Кита синахо:мэнгун 北支那方面軍) — группировка японских войск, действовавшая в Северном Китае в 1937–1945 гг.
[163] Тё:кохо:дзикэн но кэйи... С. 62 об–64 об.
[164] Хохэй дай 75 рэнтай тё:кохо:дзикэн сэнто: сё:хо: 1/2... С. 171–173, 175–176.

огнем, а отряды саперов, жертвуя собой, бросались под танки со взрывчаткой. Бой продолжался до заката, и в результате продвижение танков и пехоты затормозилось.[165]

На Заозёрной ночью две советские роты неожиданно начали штурм японских позиций на вершине и в 8:30 смогли вторгнуться на позиции японцев. Атака стала неожиданностью для полковника К. Сато, однако на ее отражение он быстро мобилизовал основные силы 1-ого батальона. На вершине японские военные отбивались, пуская в ход ручные гранаты, закидывая красноармейцев камнями, и в результате смогли перехватить инициативу в бою. На следующий день 7 августа примерно в 6:00 утра советские военные вынуждены были отступить.[166] Однако СССР послал своим бойцам подкрепление, и это осложнило положение на фронте для японских военных.

7 августа примерно с 5:30 утра высота Пулемётная Горка, а также позиция 9-ой роты (место соединения высот Заозёрная и Пулемётная Горка) были еще сильнее обстреляны красноармейцами, а точность выстрелов заметно возросла. С 11 часов начались также ожесточенные воздушные атаки. Особенно сильные атаки развернулись в промежуток с 13:30 до 14:30, в это время пехота, возглавляемая танками, начала продвижение вперед, и 4 танка смогли прорваться к японским позициям.[167]

Майор С. Хирахара, приказав саперному взводу вступить в рукопашный бой, сам возглавил 1-ую роту, взвод батальонных пушек, одну роту 76-ого полка, в задачу которых входила атака противника, и в 15:00 японские силы перешли в контрнаступление. Возглавивший контратаку майор С. Хирараха получил смертельное ранение в сердце. Заместитель командира батальона также получил тяжелое ранение, поэтому командир 1-й роты лейтенант Т. Инагаки и командир взвода батальонных пушек младший

---

[165] Там же. С. 176–178, 180–181.
[166] Там же. С. 193–196.
[167] Хохэй дай 75 рэнтай тё:кохо:дзикэн сэнто: сё:хо: 2/2... С. 5–7.

лейтенант Кунида совместно взяли командование над войсками и смогли разбить две пехотные роты СССР. В это время в центральной части расположения войск, а также на левом фланге удалось предотвратить штурм с советской стороны. Взводом саперных войск Японии, применивших взрывчатые вещества и зенитные орудия, были полностью выведены из строя 4 танка.

Полковник К. Сато, получив известие о гибели майора С. Хирахара, отправил на высоту Пулемётная Горка майора Кодзима Сабуро [168] . Оставшиеся войска перешли под его командование, и в дальнейшем майор С. Кодзима возглавил части армии Японии на этом участке военных действий. Всю ночь японские войска в связи со сменой района расположения укрепляли свои позиции.[169]

В то же время к месту расположения 9-ой роты подошли примерно две пехотные роты красноармейцев, которые приблизились с разных сторон на близкое расстояние, при этом командир японской роты получил тяжелое ранение. В связи с этим по приказу полковника К. Сато чуть позже полудня войска оставили свои позиции и отступили.[170] На Заозёрной советские войска также предприняли попытку ночного штурма, однако уже в 2:30 атака была отбита японскими военными.[171] Главной целью атак Красной армии в течение этих двух дней было отбить высоту Пулемётная Горка. Однако из-за ожесточенного сопротивления успеха они не имели, и было решено со следующего дня усилить интенсивность атак.

8 августа, подразделения Красной армии, достигнув вершины, после наступления в 5 утра начали артиллерийскую атаку. Примерно в 5:30 утра около половины батальона советской пехоты начали клином наступать с

---

[168] Кодзима Сабуро (小嶋三郎) (годы жизни неизвестны) — во время боев у оз. Хасан майор, командир 1-го батальона 73-го полка 19-ой дивизии японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове.
[169] Хохэй дай 75 рэнтай тё:кохо:дзикэн сэнто: сё:хо: 2/2... С. 8–10.
[170] Бо:эйтё: бо:эйкэнкю:дзё сэнсисицу... С. 388–389.
[171] Хохэй дай 75 рэнтай тё:кохо:дзикэн сэнто: сё:хо: 2/2... С. 12, 17–19.

левой и правой сторон. Тем не менее, японским войскам удалось взять бой под контроль, и в течение 5 часов они заставили отступить части Красной армии до оз. Хасан. Затем, в 13:20, примерно две роты, сопровождаемые тремя танками, возобновили наступление, но снова были вынуждены отступить перед напором воодушевившейся японской армии.[172]

В первой половине дня командир 19-ой дивизии К.Суэтака, получивший фронтовые сводки с высоты Богомольная, приказал генерал-майору Моримото Нобуки (командир 37-ой бригады) выбить советские войска, занимавшие юго-восточную часть высоты Заозёрная.

На основании этого приказа генерал-майор Н. Моримото, в свою очередь, возложил исполнение приказа на полковника Окидо Сандзи, командира резервного корпуса 76-ого полка , который должен был, возглавив 3-й батальон, используя ночное время суток, выбить советские войска с их позиций. Полковник С. Окидо начал атаку примерно в 9 вечера, однако сопротивление красноармейцев было очень мощным, и бой продолжался до рассвета 9-ого числа.[173]

Советские войска не переставали бороться и за высоту Пулемётная Горка, проводилась также бомбардировка с воздуха.[174]

9 августа части Красной армии по-прежнему занимали юго-восточную часть высоты Заозёрная, и благодаря тому, что они хорошо расположили орудия, их обстрелы становились все более точными. В 3:40 утра советские войска совершили попытку ночной атаки, однако примерно в 7 утра японские войска заставили их отступить.

В тот день советские самолеты практически не появлялись в небе, зато высота Пулемётная Горка подверглась трём массированным артиллерийским обстрелам. Первый обстрел начался в 10:40 утра, в это время сюда приблизились основные силы частей Красной армии,

---

[172] Там же. С. 48–49.
[173] Бо:эйтё: бо:эйкэнкю:дзё сэнсисицу... С. 392.
[174] Хохэй дай 75 рэнтай тё:кохо:дзикэн сэнто: сё:хо: 2/2... С. 48.

расположенных на тот момент в районе конфликта. Японской армии пришлось обрушить на советские войска сильнейший огонь, чтобы предотвратить их наступление.

Вторая атака продолжалась с 12:30 примерно до 16:00. Атака продолжалась по времени 3,5 часа, и в результате артиллерийских ранений потери были в каждой из армейских частей японской армии, а число раненых достигло 66 человек. Также были сильно повреждены позиции войск.

Третья атака продолжалась на протяжении одного часа, начавшись в 7 вечера. После этой атаки все военные части японской армии вынуждены были ночью заняться восстановлением укреплений[175] (рис. 14).

Японские войска упорно боролись за все вершины, но продолжающиеся на протяжении нескольких дней артиллерийские и ночные атаки привели к большим потерям на первой линии фронта, что создало непредвиденную ситуацию.

10 августа на высоте Заозёрная были отбиты две атаки советских войск: в 5:20 минут была отбита атака советской роты, затем в 13:30 был отбит наступавший батальон. Были также и воздушные атаки, которые, впрочем, не нанесли вреда.

На высоте Пулемётная Горка красноармейцы подошли к японским позициям на расстояние 200–300 м, откуда стали вести снайперский огонь. Здесь продолжавшийся на протяжении нескольких дней артиллерийский обстрел заметно уменьшился и практически прекратился.[176]

Начиная с 7 августа, положение японских подразделений в районе конфликта становилось все более серьезным, и хотя японские войска продолжали последовательно отбивать атаки советской армии, все же становилось все сложнее ей противостоять, так как Красная армия постоянно получала подкрепление. В то же время в японской армии постепенно

---

[175] Там же. С. 60, 63–64.
[176] Там же. С. 76–77.

продолжалась убыль состава, а в некоторых военных частях в связи с потерями личного состава, в том числе офицерского, управление войсками стало затруднено и плохо осуществимо[177]

После наступления в 22:00 начальник штаба японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, К. Китано получил телеграмму от начальника штаба 19-ой дивизии. В телеграмме было написано, что, по мнению начальника штаба дивизии, японские войска смогут еще совершать маневры 1–2 дня, и пока армия еще дееспособна, необходимо с помощью дипломатии урегулировать конфликт.[178] Это является одним из редких примеров того, как во время ожесточенных боев младший по званию обращается к руководству с требованием о прекращении военных действий.

По стечению обстоятельств в Москве в этот же день (в полночь 11 августа) воюющие стороны договорились о перемирии, и в тот же день в полдень было принято решение о прекращении военных действий.

Генерал-майор Н. Моримото отзывался о данном решении как о принятом «в подходящий момент».[179] К этому времени силы японцев уже подошли к концу.

11 августа в числе последних атак была атака 3-х батальонов Красной армии, начавшаяся с 8:30 утра, однако и эти силы японская армия в 10:30 смогла заставить отступить. На высоте Пулемётная Горка особых передвижений не было, поэтому здесь в полдень было довольно спокойно.

В 11 утра главная ставка передала японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, распоряжение о том, что в полдень, если только не будет атак советских войск, нужно полностью прекратить огонь. Но также было передано, что нужно принять все необходимые меры на тот случай, если СССР возобновит военные действия вопреки достигнутым

---

[177] Alvin D. Coox. Op. cit. P. 288.
[178] Тё:кохо:дзикэн но кэйи... С. 83.
[179] Alvin D. Coox. Op. cit. P. 360.

соглашениям.[180] В официальной телеграмме от 11:20 было написано о прекращении военных действий, и, на основании московских соглашений, обе армии останавливались на тех рубежах, на которых они находились в полночь 11 августа.[181] Так был положен конец боевым действиям в пограничном конфликте у оз. Хасан.

2.3. Действия сторон после заключения перемирия 10 августа

Получив полуденное сообщение о прекращении огня 11 августа, командир японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, К. Накамура, в тот же день в 18:50 дабы избежать возобновления столкновений, приказал командиру 19-ой дивизии К. Суэтака подобрать следующих людей в качестве кандидатов в члены делегации по подписанию мирного соглашения:

начальник комиссии: Накамура Ёсиаки[182], начальник штаба 19-ой дивизии полковник;

член комиссии: Ёсида Эйдзиро[183], штабной офицер японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, подполковник;

член комиссии: Танака Тэцудзиро[184], начальник Хуньчунской военной миссии майор.[185]

Однако командир 19-ой дивизии К. Суэтака предложил в качестве членов делегации следующие кандидатуры:

начальник комиссии: Тё Исаму[186], командир 74-го пехотного полка полковник;

---

[180] Хохэй дай 75 рэнтай тё:кохо:дзикэн сэнто: сё:хо: 2/2... С. 91.
[181] Тё:кохо:дзикэн но кэйи... С. 88–88 об.
[182] Накамура Ёсиаки (中村美明) (годы жизни неизвестны) — полковник, начальник штаба 19-ой дивизии японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, во время боев у оз. Хасан.
[183] Ёсида Эйдзиро (吉田栄治郎) (? –1944) — во время боев у оз. Хасан подполковник, штабной офицер японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове.
[184] Танака Тэцудзиро (田中鉄次郎) (?–1945) — во время боев у оз. Хасан майор, начальник Хуньчуньской военной миссии.
[185] Синадзихэн-си токуго: тё:кохо:дзикэн-си со:ан... С. 288.

член комиссии, Укаи Ёсио [187] (Квантунская армия), переводчик: полковник;

член комиссии: Кацуки Норимаса [188], командир бригады связи 74-го полка младший лейтенант.[189]

Командир 19-ой дивизии К. Суэтака вынужден был исключить из списка полковника Ё. Накамура, который был занят своими прямыми обязанностями в качестве командира штаба дивизии, и назначить полковника И. Тё. Причиной, по которой полковника И. Тё отобрали для этой миссии, была его аккуратная внешность, так, прибыв на поле битвы 8 августа ночью, ему уже не пришлось принимать участие в сражениях, в итоге его внешний вид как нельзя лучше соответствовал статусу участника дипломатической делегации.[190]

Полковник Укаи Ёсио был назначен в качестве переводчика делегации, так как он был единственным, кто владел русским языком, не будучи военнослужащим японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, он оказался на месте конфликта, как один из членов группы под руководством подполковника Т. Кавамэ, упоминавшегося выше. Также в качестве члена делегации был назначен младший лейтенант Н. Кацуки как единственный участник 74-ого пехотного полка, изучавший русский язык.[191]

В итоге кандидатуры, предложенные командиром К. Суэтака, были одобрены в ставке, а полковник был назначен главой делегации.

К. Суэтака передал полковнику И. Тё следующие три задачи, которые нужно было решить во время переговоров с советской делегацией:

---

[186] Тё Исаму (長勇) (1895–1945) — во время боев у оз. Хасан полковник, командир 74-го пехотного полка 19-ой дивизии.
[187] Укаи Ёсио (鵜飼芳男) (годы жизни неизвестны) — во время боев у оз. Хасан полковник Квантунской армии.
[188] Кацуки Норимаса (香月範正) (годы жизни неизвестны) — во время боев у оз. Хасан младший лейтенант, командир бригады связи 74-го полка.
[189] Синадзихэн-си токуго: тё:кохо:дзикэн-си со:ан... С. 289–290.
[190] Томинага Камэтаро. Варэра тё:кохо: о сисюсу (Мы обороняли высоту Заозёрная ценой своих жизней). – Токио. Фуё: сёбо:, 1981. – С. 251.
[191] Синадзихэн-си токуго: тё:кохо:дзикэн-си со:ан... С. 290.

1. Основываясь на московских соглашениях, войска останавливаются на местах по состоянию на 11 августа 00 часов.

2. Прекращение боевых действий, избегать возобновления боевых действий.

3. По мере возможности провести обмен телами погибших солдат.[192]

11 августа в 15:35 перед высотой Пулемётная Горка появился советский парламентер с белым флагом. Он остановился на расстоянии 100 м от позиций японских войск и потребовал представителя японских войск. Тогда полковник И. Тё послал трех лейтенантов, которые передали ему вопрос советской стороны о времени и месте встречи делегаций для переговоров. Об этом также было в 16:20 доложено командиру К. Суэтака.

Однако К. Суэтака уже в 16:00 направил младшего лейтенанта Н. Кацуки из штаба на восточный склон высоты Безымянная для ведения переговоров с советскими парламентерами. Но узнав о переговорах с участием полковника И. Тё, он освободил от обязанностей переговорщика младшего лейтенанта Н. Кацуки и передал полковнику И. Тё директиву, согласно которой «Переговоры следует провести во время встречи двух армий в 18:00 вблизи высоты Заозёрная».[193]

Полковник И. Тё вместе с членами делегации прибыл на вершину высоты Заозёрная незадолго до наступления 6 вечера. Однако в это время пришло сообщение от советской делегации, что из-за дальности расстояния они просят перенести встречу в окрестности юго-восточного гребня высоты Заозёрная. Когда делегация прибыла в 18:18 на указанное место, 13 советских солдат встречали их там с направленными на них пулеметами.

Через две минуты после прибытия японской делегации к переговорщикам в 18:20 вышел комкор Г. М. Штерн с перевязанной от

---

[192] Там же.
[193] Там же. С. 291.

полученного ранения головой. От советской стороны на переговоры прибыли следующие лица:

председатель: комкор Г. М. Штерн;

делегаты: комиссар Семёновский полковник Федотов, майор Вавилов;

сопровождающие лица: один солдат;

переводчик: Ким Алексей.[194]

(В японских документах зафиксированы только фамилии и звания основных членов делегации).

На первой встрече делегаций полковник И. Тё поздравил с заключением мирного соглашения и отдал дань мужеству советских солдат. Г. М. Штерн в ответ на это также произнес слова похвалы в адрес японских солдат, отметив их смелость. Далее, полковник И. Тё выступил с предложением составить местное, основанное на московском, соглашение, которое предотвратило бы возобновление боевых действий в районе. Г. М. Штерн принял это предложение, отметив, что нужно строго запретить продвижение войск за пределы границ расположения, на которых они в данный момент находятся, и предложил на следующий день составить текст соглашения.

Полковник И. Тё предложил разработать текст соглашения в полдень «в здании с белыми стенами» (сиракабэ но иэ 白壁の家)[195] (младшей школе), находившемся на севере Дигашели (防川項)[196]. Г. М. Штерн принял это предложение, а по поводу обмена тел погибших он отметил, что сперва нужно заключить соглашение о недопущении возобновления боевых действий (рис. 15).

Переговоры первой встречи делегации длились недолго с 18:20 до 18:45. Однако полковник И. Тё сумел перехватить инициативу в переговорах, первым протянув руку для рукопожатий и начав первым говорить. Также он

---

[194] Там же.
[195] Синадзихэн-си токуго: тё:кохо:дзикэн-си со:ан... С. 294.
[196] Дигашели (防川項) — деревня в 1 км юго-западнее выс. Заозёрная.

позволял себе некоторые замечания, например, во время обмена приветствиями, глядя на бинты на голове Г. М. Штерна, бросил, что «это рана от снаряда японских войск» и т. д.[197]

12 августа перед второй встречей в 11 утра К. Суэтака обозначил следующие цели перед японскими переговорщиками:

1. Начиная с полудня предыдущего дня (11 августа) прекращение военных действий.

2. Гарантия непродвижения войск за пределы границ их текущего расположения. Если же вдруг это произойдет, и военные действия возобновятся, то за это будут ответственны советские войска.

3.Заключить соглашение об уборке тел погибших, и в течение текущего и следующего дня (13 августа) выделить для этого нужное количество людей и завершить эту операцию. При этом японские и советские войска должны оказывать друг другу необходимую помощь.[198]

Во второй день переговоров советские переговорщики опоздали на час. Также в тот день Г. М. Штерн заменил бинты на голове на пластырь. Далее последовали переговоры по поводу трех пунктов соглашения, выдвинутых японской стороной.

С первым пунктом советская сторона согласилась полностью. По поводу второго пункта советские переговорщики потребовали исправить формулировку «гарантия сохранения границ, нахождение войск на сегодняшний день» на более конкретное описание: «Гарантия непродвижения войск за пределы границ по состоянию на 00:00 часов 10 августа». Японская сторона согласилась с этими исправлениями. Г. М. Штерн также потребовал, чтобы в случае нарушений границ ответственность легла не только на советскую, но также и на японскую сторону. Полковник И. Тё подтвердил советской делегации, что если

---

[197] Синадзихэн-си токуго: тё:кохо:дзикэн-си со:ан... С. 292–294.
[198] Там же. С. 294–295.

японские военные пересекут границу своего нахождения, то японская сторона будет за это отвечать. Третий пункт советская сторона приняла без исправлений.

Таким образом, почти все пункты были приняты советской делегации без проблем. Однако в связи со вторым пунктом Г. М. Штерн указал границы расположения японских войск.

Такая обеспокоенность Г. М. Штерна была связана с якобы произошедшим инцидентом в 19:20 11 августа, когда примерно 40 японских солдат с пулеметами продвинулись на 100 м дальше северной части вершины высоты Заозёрная. Он потребовал от японских военных вернуться на прежнее место расположения. Полковник И. Тё высказал сомнения по поводу действительности данного инцидента и пообещал все выяснить.[199]

Протестуя против этого утверждения, уже полковник И. Тё заявил, что 11 августа ночью советские войска подошли вплотную к расположению японских войск и укрыли пулеметы. Советская сторона, в свою очередь, это также отрицала. Таким образом, во время переговоров стороны скатились к взаимным обвинениям. Г. М. Штерн указал оккупированную японцами территорию как «точку на северном склоне вершины высоты Заозёрная», а территорию, занимаемую советскими войсками, как «70–80 метровую линию, расположенную ниже северной части гребней высоты Заозёрная». Он указал, что на эту территорию приходится основной район расположения советских войск, и что ниже вершины на 250-метровой линии стоят в разных местах постовые».[200]

Однако так как взгляды переговорщиков на дислокацию войск различались, то японская сторона потребовала повторного исследования расположения войск и нанесения этого расположения на карты. Советская сторона согласилась с этим, поэтому в 16:00 представители обеих

---

[199] Там же. С. 296.
[200] Там же. С. 295–299.

дипломатических сторон остановили переговоры и направились на юго-восток высоты Заозёрная для уточнения расположения войск.[201]

В 16:30 они прибыли на юго-восточную часть высоты Заозёрная. Сначала комиссар Семёновский и майор Танака, привлекая переводчиков, исследовали позиции, занятые противниками на высоте Пулемётная Горка. В результате этого стало понятно, что высота Пулемётная Горка занята японцами. Затем члены комиссии отправились для проведения исследований к вершине Заозёрной. На тот момент японская армия занимала 100 м вдоль хребта вершины, в стороне от северной оконечности вершины сопки в юго-восточном направлении, а советские военные располагались на расстоянии 5–6 м от японских. Кроме того, на южном склоне произошел также инцидент, во время которого советские военные переправились через вершину и приблизились к расположениям японской армии, и красноармейцы во время переговоров направили пулеметы на японских переговорщиков.

Когда был завершен осмотр занимаемых противниками позиций на местности, была проведена третья встреча делегаций, на которой полковник И. Тё указал, что данные действия советской армии, очевидно, противоречат действующему соглашению о перемирии. Г. М. Штерн, как и во время второй встречи, настаивал, что это — ответ на продвижение вперед японских военных. Полковник же И. Тё по-прежнему отрицал японское продвижение. Кроме того, он предположил, что советские военные приняли мероприятия по доставке продовольствия и обмену военными за продвижение военных, и сделал предложение, чтобы две армии отошли на позиции, на которых они находились в 00:00 часов 11 августа.[202]

Советская сторона согласилась с этим предложением, однако настаивала, чтобы обе армии отвели свои основные силы на более, чем 80 м от северного склона высоты Заозёрная. Японские военные на это, в свою

---

[201] Там же. С. 299–301.
[202] Синадзихэн-си токуго: тё:кохо:дзикэн-си со:ан... С. 303.

очередь, потребовали, чтобы советская армия основные свои части отвела ниже гребней вершин, на которых они находились на момент подписания мирного соглашения.

Затем в приложении к меморандуму на карту нанесли расположение обеих армий, и японская делегация, подписав документ, потребовала также подписи советской делегации. Однако советские военные отказались это сделать, сославшись на то, что если подписывать карандашом, то меморандум будет испачкан, и предложили прекратить сегодняшнюю встречу. Тогда японская сторона настояла на том, что на следующий день 13 августа в полдень делегации снова встретятся, и обе стороны подпишут начисто переписанный меморандум. На этом встреча закончилась. На момент окончания встречи дата уже поменялась, и наступило 1:30 13 августа.[203]

13 августа состоялась 4-ая встреча делегаций, на которую советская делегация снова опоздала. Также советские делегаты потребовали пересмотреть решение о нанесении расположения обеих армий на карту, а описать это расположение словами в тексте меморандума. Японские делегаты заявили, что они возражают. Тем не менее, когда увидели, что советские переговорщики не собираются менять своего решения, японская сторона задала вопрос о том, какие позиции советская сторона намерена указать в тексте меморандума.

Советская сторона в этот раз поменяла свое мнение и заявила, что высоты Заозёрная, Безымянная, Пулемётная Горка заняты советскими военными. Особенно они рассматривали юго-восточный гребень вершины, которая была огорожена колючей проволокой и часовыми вдоль нее, как территорию, занятую советскими подразделениями. Разумеется, полковник И. Тё с делегацией выступили категорически против таких формулировок, заявляя, что подобными манипуляциями с позициями СССР пытается

---

[203] Там же. С. 303–308.

расширить занимаемую им в действительности территорию. Он также предложил прекратить переговоры.

Сразу же после предложения Г. М. Штерн передал письмо с нотой протеста по поводу продвижения японских военных 11 августа, после чего полковник И. Тё снова предложил прекратить переговоры. Хотя советская сторона и желала их продолжить, но полковник И. Тё понимал, что при такой позиции советских переговорщиков, даже если переговоры будут длиться еще много дней, они не принесут результатов.

Советские переговорщики высказали требование о необходимости в ближайшие дни вернуться к подписанию меморандума, на что полковник И. Тё заявил, что «если от командования поступит такой приказ, то, возможно, переговоры возобновятся. Однако нужно ли нашему правительству возвращаться к переговорам, сейчас сложно дать ответ».[204] Советская сторона приняла слова японской стороны, и на этом местные переговоры закончились (рис. 16).

11 августа, на следующий день после окончания боевых действий, чтобы избежать возобновления конфликта, начальник Генерального штаба в соответствии с планом командующего К. Накамура приказал подразделениям отойти до правого берега р. Туманная.[205] На следующий день 12 августа в 00:00 часов командующий К. Накамура приказал японским подразделениям отходить в район реки Туманная, и 12 августа вечером командир К. Суэтака приказал подчиненным начать сборы. Уже 14 августа японская армия вернулась на те позиции, на которых она находилась до начала конфликта.[206]

Так, территория, которую ранее заняла японская армия, снова оказалась безлюдной. Однако когда в марте 1939 г. майор Цудзи Масанобу посетил штаб на высоте Безымянная, то увидел, что эта территория занята

---

[204] Синадзихэн-си токуго: тё:кохо:дзикэн-си со:ан... С. 308–313.
[205] Тё:кохо:дзикэн но кэйи... С. 91–91об.
[206] Бо:эйтё: бо:эйкэнкю:дзё сэнсисицу... С. 409.

советскими солдатами. Он зафиксировал это на фотографиях, которые отправил в штаб. Однако оттуда пришел ответ: «Оставить всё, как есть».[207]

Таким образом, японские военные вынуждены были вернуть высоту Заозёрная (рис. 17). Военные действия в районе оз. Хасан завершились, но оставался вопрос демаркации советско-маньчжурской границы.

Бои у озера Хасан стали результатом ночного нападения японцев на советские позиции и последовавшего военного ответа СССР. Однако это не означает, что Япония планировала нарушить границу с Советским Союзом в районе высоты Заозёрная, тем более совершить захват советской территории.

Вначале Япония отдавала прерогативу в решении конфликта средствам дипломатии. Даже когда дипломатические средства не принесли желаемого результата, японское командование отдало приказ находившимся у границы подразделениям вернуться на базу. Когда же советские пограничники появились в районе высоты Безымянная, японским подразделениям были запрещены нанесение удара до нападения со стороны СССР и преследование противника. Если смотреть на действия японской стороны во время начала конфликта, нет фактов, которые подтверждали бы заранее спланированное нападение на Советский Союз.

Хотя бои у оз. Хасан продолжались до 11 августа, Япония не ввела в бой ни единого танка или самолета, а Советский Союз прибег к огромной поддержке авиации и танков. Также Япония ни разу не пересекала гребень высоты Заозёрная, то есть той линии, которую она считала границей между Маньчжоу-го и СССР.

Главным свидетельством того, что не было никакой запланированной агрессии является приказ императора о защите высоты Заозёрная, ни в коем случае не прибегая к нападению на СССР.

Хасанский конфликт возник по причине разницы в понимании линии границы у Японии и СССР, поэтому для СССР все сражения проходили на

---

[207] Цудзи Масанобу. Номонхан (Халхин-Гол). – Токио. Ато: сёбо:, 1950. – С. 40–41.

советской территории, а для японской стороны присутствие СССР на позициях на высотах было нарушением границы с Маньчжурией и выходом красноармейцев и советских пограничников за пределы своего государства. Для Японии все действия во время этого конфликта являлись действиями по обороне в рамках союзнического договора с Маньчжоу-го. У Японии не было плана по захвату советской территории.

2.4. Дипломатия Японии в поисках выхода из конфликта

С первых же дней нарастания напряженности у границы СССР и Маньчжурии представители СССР и Японии пытались прийти к общим договоренностям на дипломатическом поле. С 15 июля до 20 июля 1938 г. переговоры вели заместитель народного комиссара иностранных дел СССР Б. С. Стомоняков и временный поверенный в делах Японии Ниси Харухико.

20 июля дипломатические переговоры между СССР и Японией проходили непосредственно между послом Японии в СССР Сигэмицу Мамору и народным комиссаром иностранных дел М. М. Литвиновым. Для Японии приоритетным было дипломатическое разрешение конфликта, поэтому японские дипломаты стремились достичь договоренностей о восстановлении положения, существовавшего до 11 июля.

19 июля министр иностранных дел Японии Угаки Кадзусигэ дал директиву послу М. Сигэмицу, в которой указывалось на первичную необходимость решения вопроса с отводом советских подразделений, но при этом стоило затягивать переговоры по поводу линии прохождения границы. И, получив эти инструкции, посол М. Сигэмицу вынужден был приступить к переговорам с М. М. Литвиновым.

М. Сигэмицу несколько раз выступал с предложением о дипломатическом урегулировании конфликта, о завершении огня с обеих сторон и о восстановлении границы, однако условия, выставляемые послом Японии, не устраивали Советский Союз. Например, 4 августа СССР не

возражал против мирного разрешения конфликта, однако отказался от предложения об отводе войск. [208] М. М. Литвинов настаивал на восстановлении положения на границе, существовавшего не до 11 июля, а того, которое установилось на 29 июля, а это шло вразрез с желанием Японии, и обе стороны не нашли согласия.[209] 7 августа последовал очередной отказ со стороны М. М. Литвинова на предложение посла Японии.

10 августа М. Сигэмицу выступил с новым предложением о том, что только японская армия отступит на 1 км, а советские войска останутся на текущей линии. [210] В основе этого предложения было желание японцев скорейшим образом разрешить конфликт дипломатически, во что бы то ни стало добиться окончания военных действий, а затем с помощью уже мирных средств добиться договоренностей о границе. Может показаться, что уступку на переговорах об одностороннем отводе войск М. Сигэмицу предложил, зная о тяжелом положении японских военных на месте боев за высоты (о которой написано выше), однако в своих воспоминаниях он пишет, что во время разговора с Литвиновым был уверен, что японская армия на тот момент занимала выгодные позиции[211]; информация о плачевном состоянии японских войск в районе озера Хасан тогда еще не дошла до Министерства иностранных дел.

Предложение Японии от 10 августа было принято, но японская армия не успела отойти на 1 км,[212] так как в тот же день М. М. Литвинов позвонил в японское посольство с сообщением, что нет необходимости отступать только японской армии и что обе армии могут оставаться на текущих позициях.

---

[208] ДВП СССР. – Т. 21. – С. 415–416.
[209] Там же. С. 419.
[210] Сигэмицу Мамору. Сигэмицу Мамору гайко: кайсо:року (Сигэмицу Мамору. Воспоминания дипломата). – Токио. Майнити симбунся, 1978. С. 180.
[211] Там же. С. 181.
[212] Нитта Мицуо. Кёкуто: кокусай гундзи сайбан соккироку дай гокан (Стенограмма Международного военного трибунала для Дальнего Востока. Т. 5). – Токио. Ю:сё:до: сётэн, 1968. – С. 508.

Такая неожиданная уступка очень удивила японского посла.[213] Таким образом, 11 августа военные действия были прекращены, и обе армии остались на тех же позициях, которые они занимали ровно в полночь 11 августа.

Почему же в итоге Кремль так неожиданно пошел на уступки, когда уже были достигнуты более выгодные для СССР договоренности? В Японии на этот счет есть разные версии.

М. Сигэмицу в дальнейшем сделал предположение, что СССР, совершив 10 августа атаку на японские части, заставил их отступить и занял высоту Заозёрная. Видимо, интересы СССР не простирались дальше этой вершины, и поэтому он настаивал на текущей границе.[214]

Министерство иностранных дел Японии также делало по этому поводу свои предположения, в содержании которых есть фактические ошибки, обусловленные отсутствием кооперации и отсутствием налаженного обмена информацией между министерствами, имевшими место в 1930–1945 годы. Четыре предположения японского МИД:

1. СССР потребовал, чтобы японцы отступили на 1 км, но японские войска этого не сделали, и СССР боялся, что может возникнуть обратная ситуация. [В действительности, Япония сама предложила СССР отвести свои силы на 1 км.[215]]

2. То, что военные действия прекратились после того, как японская армия отступила на 1 км, означает, что японская армия продвинулась вглубь советской территории, это будет противоречить пропаганде о том, что советские войска стоят на страже границы, и это может выставить советскую армию в невыгодном свете. [В действительности, японская

[213] Сигэмицу Мамору. Указ. соч. С. 180.
[214] Там же. С. 181.
[215] Там же. С. 180.

армия не отступила на 1 км, так как Москва сделала встречное предложение: обеим сторонам остаться на своих позициях.[216]

3. Центральное руководство СССР поверило заверениям В. К. Блюхера[217] о том, что высота Заозёрная полностью и надежно занята советской армией и что нет необходимости отступать японской армии на 1 км.

И. В. Сталин[218] опасался усиления влияния В. К. Блюхера на Дальнем Востоке и искал предлога его убрать, поэтому он воспользовался обстоятельствами, чтобы выяснить, говорил ли В. К. Блюхер правду о возвращении высоты. В полночь 10 августа военные действия были прекращены, и Г. М. Штерну было поручено выяснить ситуацию на местах, чтобы узнать, «правдив ли доклад Блюхера». [219] [В действительности, военные действия были прекращены 11 августа в полдень[220]].

Что из этих предположений, выдвигаемых японской стороной, является истинным — неизвестно. Для каждой из этих версий существует множество контраргументов. Однако, возможно, причина прямо прописана в телеграмме, которую М. М. Литвинов послал 11 августа в полномочные представительства СССР в разных странах.

«Нынешнее расположение войск нас вполне удовлетворяет, почему мы и предложили прекратить военные действия на основе оставления войск с

---

[216] Нитта Мицуо. Указ. соч. С. 508.

[217] Блюхер Василий Константинович (1890–1938) — маршал, командующий Дальневосточным фронтом (1 июля 1938 – 4 сентября 1938).

[218] Сталин Иосиф Виссарионович (настоящая фамилия — Джугашвили) (1878–1953) — российский революционер, советский политический, государственный, военный и партийный деятель. Руководитель СССР (1924–1953 гг.).

[219] Сицуму хо:коку. Сё:ва дзю:саннэндо о:акёку дай икка / 1938 нэн (О:а ити-хати). (Доклад 1-го отдела МИД: Сёва 13-й год). // Japan Center for Asian Historical Records, [Электронный документ]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html (Reference Code: B10070094600, С. 71–72) (Дата доступа 11 декабря 2016).

[220] Синадзихэн-си токуго: тё:кохо:дзикэн-си со:ан... С. 287–288.

обеих сторон на занимаемых ими позициях». [221] Кроме слов об удовлетворенности занимаемыми позициями, здесь есть слова «мы и предложили», которые несут в себе смысл оставления последнего слова за СССР: не Япония предложила, и советская сторона приняла, а СССР предложил, и японцы приняли его условия. Также заявление указывает на то, что СССР был абсолютно уверен в своих силах и не сомневался, что сможет сохранить достигнутые успехи. То есть, здесь присутствует третья причина из списка японских предположений относительно причин действий СССР.

Однако хотелось бы отметить, что, несмотря на заявление М. М. Литвинова об удовлетворенностью СССР своими позициями, нельзя обманываться и представлять, что все высоты были очищены от японских военных, как это иногда представляется в российской историографии, например, на официальном сайте Министерства обороны РФ: «9 августа вся территория, захваченная ранее японцами, была возвращена СССР, но контратаки врага не ослабевали. Советские части прочно удерживали отвоеванные позиции. Враг нес большие потери и 10 августа был вынужден отойти». [222] Из советских и японских данных становится понятно, что японские военные продолжали занимать большую часть высоты Заозёрная. Например, И. В. Катунцев, работая с архивными материалами, оставленными участниками боевых действий у оз. Хасан, использует слова из рапорта от 14 августа лейтенанта госбезопасности Чуличкова, следующим образом описывающего положение на Заозёрной: «Фактически высота Заозёрная была взята не полностью, а только ее юго-восточные скаты, а гребень северной части высоты и северо-западные скаты ее — находились в руках

---

[221] ДВП СССР. – Т. 21. – С. 434.

[222] Поражение японских войск у озера Хасан в июле–августе 1938 г. / Министерство обороны Российской Федерации: [Электронный документ]. URL:http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=11800884@cmsArticle (дата обращения: 18.12.2015).

японцев... Японцы находились на северной части гребня Заозёрной с 6 августа по 13 августа и занимали командные точки высоты...».[223]

Многие японцы, участники боев, оставившие мемуары, свидетельствуют о том же: «Сразу же после окончания военных действий вечером 11 августа полковник Сато 75-го полка, получив разрешение командира дивизии Суэтака, с помощью двух майоров поднял военное знамя и поднялся с ним на высоту Заозёрная» [224] (командир батареи 73 полка Томинага Камэтаро [225]); «Наша армия разбила советские войска вблизи вершины, заняла ее, а затем успешно отражала попытки контратаки, укрепив победу» [226] (Суэтака Камэдзо); «Очевидно, что японская армия вплотную подошла к линии границы, в то время как советские войска так и не приблизились» [227] (Член второго отдела Генерального штаба полковник Нисимура Тосио[228]).

В РГВА есть документы, в которых говорится о том, что, несмотря на то, что японцы какое-то время занимали гребень Заозёрной, они были выбиты красноармейцами. Но при этом высоты Безымянная, Пулемётная Горка, Богомольная и 10, и 11 августа были полностью заняты японцами. В исследовательском институте Министерства обороны Японии находится карта расположения японских частей во время боев на оз. Хасан (рис. 18).

Согласно этой карте советские части не смогли достичь вершины Заозёрной, поэтому она наравне с Безымянной, Богомольной и Пулемётной Горкой значится как занимаемая японскими частями.

---

[223] Катунцев И. В. Инцидент: подоплека Хасанских событий // Родина. – № 6–7. – 1991. – С. 16.
[224] Томинага Камэтаро. Указ. соч. С. 245
[225] Томинага Камэтаро (冨永亀太郎) (1904 – ?) — во время боев у оз. Хасан капитан, командир артиллерийской батареи 73 полка 19-ой дивизии.
[226] Акайсидзава Кунихико. Тё:кохо: (Высота Заозёрная). Токио. Ко:а сёбо:, 1941. С. 348.
[227] Гэндай-си сирё: (12) Ниттю: сэнсо: (4)... С. 509–510.
[228] Нисимура Тосио (西村敏雄) (1898–1956) — во время боев у оз. Хасан подполковник авиации. В феврале 1941 стал членом штаба Квантунской армии.

Получается, что спорным моментом в оценке местонахождения противников является только Заозёрная, но если вглядеться в карту, упомянутую выше, то станет заметно, что японские позиции не распространяются на всю высоту Заозёрная. Но даже, если так, из японских данных следует, что не Красная армия занимала вершину.

В Японии встречается утверждение, что комиссия переговорщиков на месте боев при осмотре вершины высоты Заозёрная обнаружила, что советские позиции находятся в 5–6 метрах от позиций, занимаемых японцами, о чем писалось выше. Это свидетельствует о том, что ситуация на высоте Заозёрной была сложной и неоднозначной: возможно, в каком-то месте гребень и был взят советскими военными, а в другом — японскими. Очевидно, что на Заозёрной сложилась ситуация, при которой вершина переходила «из рук в руки». И все же проанализировав советские, российские, японские источники и литературу по данному конфликту, можно сделать вывод о том, что в большинстве из них превалирует точка зрения о том, что высота Заозёрная была занята японскими военными.

Хотя СССР понес значительно большие потери, но все равно к моменту окончания военных действий не изгнал японскую армию с высот близ оз. Хасан.

Когда К. Суэтака принимал единоличное решение об атаке позиций советских пограничников 29 июля 1938 г., его целью было вытеснение «нарушителей» за линию границы в понимании Японии, несмотря на то, что японская армия к концу конфликта заняла спорную вершину, все же она не смогла вытеснить советскую армию до той границы, которую считала правильной японская сторона. Более того, после отвода японских частей, советские части заняли высоту. И хотя это и было нарушение договоренностей, тем не менее, в результате СССР достиг своей цели.

2.5. Потери сторон по советским и японским документам

В завершении главы, посвященной боям конфликта у оз. Хасан очень важным представляется рассмотрение взаимных потерь сторон, понесенных в результате боев у озера Хасан. В настоящее время в России хорошо изучено боевое оснащение Красной армии и масштаб собственных потерь в результате этих военных действий. Однако, что касается потерь Японии, то точные данные о них в XXI в. всё еще остаются в России мало известными. Поэтому здесь, основываясь на российских источниках и материалах, будет рассмотрена информация о потерях Красной армии и, используя источники Института обороны Министерства обороны Японии, впервые в российской историографии будет дан подробный комментарий о потерях японской армии в ходе этого конфликта.

Российский исследователь Г. Ф. Кривошеев проанализировал потери СССР в Хасанских боях на основе рассекреченных исторических источников и получил число потерь — 4239 человек[229] (табл. 1). Против этих потерь среди советских бойцов, число потерь японской стороны составило 1440 человек[230], т. е. примерно в 3 раза меньше.

Соотношение сил было 22950 человек со стороны СССР [231] (табл. 2) и 6814 человек с японской стороны[232], таким образом, численность советских войск превышала численность японских в 3,3 раза. И если рассчитать соотношение погибших с советской и японской сторон, основываясь на этих данных, то с советской стороны процент погибших составил 18,4%, а с японской — 21,1%.

---

[229] Кривошеев Г. Ф. Россия и СССР в войнах XX века: Книга потерь. – М.: Вече, 2010. – С. 150–155.
[230] Синадзикэн-си токуго: дайиккан тё:кохо: дзикэн-си фухё: фудзу... Список 4 (1).
[231] Кривошеев Г. Ф. Указ. соч. С. 154.
[232] Синадзикэн-си токуго: дайиккан тё:кохо: дзикэн-си фухё: фудзу... Список 4 (1).

Если рассмотреть только число погибших, то с японской стороны погибло 526 человек[233], а с советской стороны 960 человек, т. е. потери погибшими Красной армии были больше примерно в 1,8 раз. Соотношение раненых достигло 914 человек с японской стороны[234] и 2752 человека (табл. 3) с советской стороны, и по числу раненых потери СССР превышают японские более, чем в 3 раза.

Также, если еще внимательнее рассмотреть данные по раненым, то становится понятно, что, за исключением случаев болезни, 98,7% (2715 человек) раненых приходилось на личный состав стрелковой дивизии[235] (табл. 3). Глядя на эти данные, можно понять, насколько большие потери были в советской пехоте в сравнении с любым другим родом войск.

Заболевшие или раненые не всегда оказывались эвакуированы с передовой, а примерно 70% военных возвращались в строй (табл. 4).

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на численное превосходство Красной армии над японской более чем в 3,3 раза, ее потери также были в три раза больше. Это ясно говорит о том, что значительный урон в результате конфликта понесла не только Япония. Кроме того, это приводит к выводу, что победа СССР далась очень большой ценой.

Среди советских военных наибольшее число пострадавших (2752 человека) получило осколочные ранения, что составляет 54,4% (табл. 5) от всех раненых, что может указывать как на высокую эффективность японской артиллерии, так и на плохую готовность Красной армии к вооруженному столкновению с участием вражеской артиллерии: «В результате поспешных действий по созданию мощной группировки войск возникли проблемы их комплектования и обеспечения. Были недостатки в боевой подготовке, в том

---

[233] Там же.
[234] Там же.
[235] Кривошеев Г. Ф. Указ. соч. С. 155.

числе и в артиллерийских частях»[236], — указывает в ряду других проблем ОКДВА накануне боевых действий на Хасане в своей статье генерал-лейтенант В. В. Дятлов[237].

31 июля 1938 года император Японии дал приказ своей армии о запрете расширения конфликта, и, хотя приказ дошел до японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, 1 августа 1938 года, из-за него японские военные в конфликте у оз. Хасан не могли использовать танки и авиацию, что повышало роль тяжелой и зенитной артиллерии, которые активно применялись.[238]

Интересны также данные о потерях в штыковых атаках (табл. 5). В них японцы практически не несли потерь, и лишь 4 человека получили ранение, в то время как советских солдат было ранено 110 человек (табл. 5, 6). О погибших в таких боях красноармейцах данных нет, но можно предположить, что это также было внушительное число. Таким образом, ущерб, нанесенный советским войскам в штыковых атаках, составил 4% от общего числа потерь. И хотя это не является большим показателем, но если судить по числу раненых, то можно сделать вывод о том, что японцы хорошо владели тактикой ведения таких боев, что подтверждают различные записи, сделанные японцами. Так, в военном журнале остался отчет:

> «В ночь на 31 число в 2 ч. 15 мин. <...> мы перешли в наступление. Красная армия использовала осветительные бомбы и отчаянно сопротивлялась нашей атаке с помощью тяжелой и легкой артиллерии. Однако наши военные тогда взяли штыки и несколько раз вступали в

---

[236] Дятлов В. В. «Одной артиллерией можно было все решить». Применение советской артиллерии в вооруженном конфликте у озера Хасан / В. В. Дятлов // Военно-исторический журнал. – 2012. – № 7. – С. 43.

[237] Дятлов Владимир Васильевич (1958 г.р.) – доктор ист.наук, начальник Михайловской военной артиллерийской академии (2009–2013 гг.), зам.командующего войсками Западного воен.округа (2013–2016 гг.).

[238] Инада Масадзуми. Указ. соч. С. 283.

ожесточенные рукопашные бои, и к рассвету они смогли добраться до вершины возвышенности».[239]

Поводом к ночной атаке послужила активность советских пограничников в районе высот Безымянная и Заозёрная, и общие притязания на территорию у озера Хасан со стороны и Японии, и СССР, в результате чего командир 19-й дивизией Суэтака Камэдзо единолично принял решение о переходе в наступление. Несмотря на то, что атака 31 июля не была спланированной, она нанесла Красной армии большой урон.

Далее советские войска также продолжали терпеть потери в рукопашных боях, и среди красноармейцев даже бывали случаи дезертирства и паники.[240] Если проанализировать потери японской армии, то несколько неожиданными оказываются потери от воздушных бомбардировок СССР. Они малочисленны (табл. 6). Как указано в российских материалах, 6 августа Красная армия впервые в боях у оз. Хасан использовала 1000-килограммовую бомбу.[241] Однако эффект от этой бомбы оказался, скорее, психологическим. Японских солдат контузило ударной волной, забросало землей, и, наконец, просто привело в состояние шока.

Уже с 8 августа количество вылетающих на поражение японских позиций самолетов резко уменьшилось в соответствии с телеграммой Ворошилова.[242] После чего истребители СБ переключились на пассажирские, а ТБ-3 на грузовые перевозки. К тому же в результате наводнений советские войска оказались отрезаны от тылов, и самолетами пришлось доставлять к

---

[239] Бо:эйтё: бо:эйкэнкю:дзё сэнсисицу... С. 363.
[240] Хохэй дай 75 рэнтай тё:кохо:дзикэн сэнто: сё:хо: 2/2... С. 109.
[241] Котельников В. Было дело на Хасане / В. Котельников // Авиамастер. – 2003. – №2. – С. 17.
[242] Там же.

району боевых действий практически все, начиная от боеприпасов и заканчивая продуктами.[243]

Это подтверждается и японскими источниками: до 7 августа японские военные фиксировали появление 100–150 советских самолетов, после 7 августа это число уменьшилось до 70, а, начиная с 9 августа, резко сократилось до 6–7 самолетов.[244]

Таким образом, можно сделать вывод, что если бы японские военные подобающим образом подготовились к отражению атак с воздуха, то удары авиации не представляли бы для них серьезной угрозы. Но и без соответствующей подготовки ущерб от авиации был настолько мал, что со временем ее практически перестали бояться.

Воздушные атаки советской авиации дезорганизовывали и значительно подавляли моральный дух японской армии. Однако, несмотря на то, что 250 советских самолетов осуществили 1003 вылета за время продолжения конфликта, урон японским войскам был незначительным — 30 раненых и 8 погибших (табл. 6). Таким образом, авиация не смогла нанести серьезного ущерба японским войскам. Неэффективное использование воздушных сил советскими войсками было на руку японским военным, которые во время конфликта авиацию не использовали.

Но если рассмотреть потери, то становится понятно, что воздушные атаки были не эффективны, но в то же время японцы чувствовали большую угрозу со стороны артиллерийских обстрелов и ружейно-пулеметного огня красноармейцев.

Хотя численность Красной армии в 3,3 раза превышала численность японских военных, потери ее также были в 3 раза больше. Однако процентное соотношение потерь выше было у японской армии, и если у

---

[243] Жирохов М. А. Большое небо дальней авиации. Советские дальние бомбардировщики в Великой Отечественной войне 1941–1945. – М.: Издательство Центрполиграф, 2014. – С. 43.

[244] Бо:эйтё: бо:эйкэнкю:дзё сэнсисицу... С. 390, 396–397.

Красной армии еще были силы для продолжения военных действий, то у Японии их больше уже не оставалось, и войска воевали на пределе. СССР в данном военном конфликте занимал более выгодное положение в плане доступа к ресурсам — человеческим и материальным.[245]

Как уже было отмечено, японская армия получила приказ о запрете расширения зоны конфликта и могла лишь удерживать свои текущие позиции, а Красная армия, наоборот, активно наступала с помощью авиации и тяжелой артиллерии, потому в Японии о данном военном инциденте говорят, что тогда Япония «приняла первое частичное современное боевое крещением в истории (初めて近代戦の洗礼の一端を受けた)»[246].

Подводя итог вышесказанному, на основе приведенного здесь анализа потерь, нельзя сделать сугубо однозначный вывод о победе СССР в боях у озера Хасан. Потери Красной армии оказались велики, так как сама она была не подготовлена к столь крупному военному столкновению. Япония же, посчитав потери от ударов советской авиации и в рукопашных боях, сделала скоропостижные выводы о превосходстве своих штыков, что сыграло злую шутку с японской армией уже в боях на Халхин-Голе. Если рассматривать конфликт у оз. Хасан с точки зрения потерь, то можно сказать, что, несмотря на то, что это был крупный военный конфликт между СССР и Японией, все же он носил локальный характер.[247]

---

[245] Касахара Кота. Бои у озера Хасан: анализ числа и характера потерь Японии и СССР // Российский гуманитарный журнал. – 2017. – Том 6. – №4. – С. 308.
[246] Бо:эйтё: бо:эйкэнкю:дзё сэнсисицу... С. 344.
[247] Касахара Кота. Бои у озера Хасан: анализ числа и характера потерь Японии и СССР // Российский гуманитарный журнал. – 2017. – Том 6. – №4. – С. 308.

ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И УРОКИ КОНФЛИКТА НА ОЗ. ХАСАН ДЛЯ СТРАН-УЧАСТНИЦ

3.1. Восприятие конфликта населением советского Дальнего Востока

В 1937 г. в Дальневосточном Крае (вместе с Еврейской АО) проживало около 2,5 млн. человек,[248] где этнические русские находились в большинстве — 1518206 человек, а за ними следовали корейцы — 651651 человек. В ДВК проживали также белорусы, украинцы, китайцы, евреи и т. д.[249] По окончании боевых действий у оз. Хасан советское правительство награждало орденами и медалями не только участвовавших в боях военных, но и простых людей. Общее число награжденных среди гражданского населения СССР достигло 6500 человек. Для того времени такие массовые награждения были весьма заметным событием.[250] Орденами награждались только те люди, которые жертвовали собой ради Красной армии, однако и остальные граждане оказывали армии разностороннюю поддержку.

Когда стало ясно, что назревает серьезное военное столкновение, то в Уссурийской области был проведен масштабный митинг, который собрал вместе рабочих, колхозников, работников совхозов и других учреждений, выдвинувших главный лозунг: «Разгромить и уничтожить фашистских бандитов».[251] На этом митинге рабочие масложиркомбината, сахарного, паровозоремонтного и других заводов дали клятву еще упорней крепить оборонную мощь своей родины, перевыполнить производственные планы, дать стране больше паровозов, цемента, сахара, масла и другой продукции.[252] Моральный дух рабочих на Дальнем Востоке был необычайно высок. Многие из них не только трудились в качестве рабочих, но в случае

---

[248] Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. Сборник документов и материалов / Под ред. Ю. А. Полякова [и др.]. – М.: Росспэн, 2007. – С. 44–45.
[249] Там же. С. 105–106.
[250] Кольтюков А. А. Вооруженный конфликт у озера Хасан: взгляд из XXI века (вместо предисловия) / А. А. Кольтюков // На границе тучи ходят хмуро... (К 65-летию событий у озера Хасан). – М.: Кучково поле, 2005. – С. 8.
[251] Яковец А. П. Указ. соч. С. 128.
[252] Там же. С. 128.

необходимости были готовы отправиться на фронт. Так, например, сохранилась запись высказывания старого производственника тов. Шайкова, сделанного им во время митинга: «Когда потребуется, мы, рабочие, все, как один, по первому зову партии грудью встанем на защиту нашей священной земли».[253]

Женщины наряду с мужчинами заявляли о своей поддержке Красной армии. Так, в г. Ворошилов 9 августа более ста женщин изъявили свое желание немедленно выехать на фронт в качестве санитарок и медицинских сестер.[254] Из сохранившихся архивных записей следует, что действительно 50 женщин-добровольцев были направлены на фронт в качестве медсестер для работы в госпиталях.[255]

Но, конечно же, это не означает, что все население готово было сотрудничать с советской армией, были женщины, желавшие покинуть места, близкие к области вооруженного столкновению, или, например, колхозники, не считавшие необходимым выходить на работу в поля, так как полагали, что военные бои сведут все их усилия на нет.[256] Однако записей о подобном поведении гражданского населения совсем мало, и становится очевидным, что население было единодушно в своем желании оказывать поддержку армии, объединяясь под антияпонскими лозунгами. В то же время население Приморья и Уссурийской области испытывало чувство нарастающей тревоги относительно этого конфликта.

Находящееся в тылу советской армии население не бежало, и граждане оказывали разностороннюю поддержку армии. Среди них было большое число комсомольцев. Например, возраст девяти человек из поселка Посьет, представленных к награде за активное участие в обеспечении армии, был от 15 до 50 лет. Деревенские женщины оказывали беспрецедентную

---

[253] Там же.
[254] Там же. С. 130.
[255] АРХИВ Приморского Края (АРХИВ П. К.). Ф.85. Оп. 1. Д. 210. Л. 76.
[256] АРХИВ П. К. Ф. 89. Оп. 2. Д. 64. Л. 13.

помощь в поддержании гигиены, ухаживали за ранеными, доставленными с фронта. Все они не были профессиональными медсестрами, среди них были учащиеся, домохозяйки, директор школы; тем не менее, во время конфликта они без отдыха оказывали разностороннюю помощь раненым и работникам госпиталей. [257] Женщинам из пос. Посьет, ухаживавшим за ранеными, помогал подросток, учащийся школы Александр Бражников. Он подносил военным пищу, воду, подавал судна.[258] Его считают одним из самых молодых советских участников военного конфликта. В то время в советских больницах наблюдалась постоянная нехватка персонала, и если бы не было помощи со стороны женщин, то раненые, вероятно, не получили бы необходимого им ухода.

Председатель Посьетского сельского совета Пинчук Василий Данилович сумел организовать местных граждан и комсомольцев на помощь по выгрузке раненных красноармейцев и уходу за ними, организовал остающееся население на починку и исправление дорог. Благодаря этому стала возможной беспрепятственная доставка грузов и людей на фронт. Командование 59-го Погранотряда высоко оценило вклад В. Д. Пинчука, и он был награжден орденом «Знак Почёта».[259]

Хорошо задокументирована деятельность населения, использующего водный транспорт. Рабочие и рыбаки сейнерского рыбокомбината самостоятельно грузили продукты и боеприпасы на корабли, а также помогали в отправке раненых в тыл. Их деятельность в архивных записях часто описывается такими словами, как «бесперебойно», «бессменно по несколько суток» или «не покладая рук». Подчеркивается, что их помощь была не разовой, а постоянной, то есть, вернувшись в тыл, рыбаки снова отправлялись в зону конфликта на помощь армии.[260]

---

[257] АРХИВ П. К. Ф. 2. Оп. 1. Д. 78. Л. 15–17.
[258] АРХИВ П. К. Ф. 2. Оп. 1. Д. 78. Л. 6.
[259] АРХИВ П. К. Ф. 2. Оп. 1. Д. 78. Л. 15.
[260] АРХИВ П. К. Ф. 2. Оп. 1. Д. 78. Л. 1-14.

Колхозники также оказывали поддержку военным. Колхозники Посьетского района отправили в Хасанский район нужные для сельскохозяйственных работ тракторы, на фронт отправились также, по крайней мере, пятнадцать трактористов. Три человека отправились в зону боевых действий еще 29 июля, то есть к дате начала боев у высоты Заозёрная они уже начали осуществлять различные работы на линии фронта. Оставшиеся одиннадцать человек (судьба одного человека неизвестна) отправились вслед за первыми тремя трактористами и помогали армии с начала августа.[261] Таким образом, еще до начала массированных ночных атак японской стороны, начавшихся с 31 августа, советские колхозники непосредственно на передовой помогали советской армии. Об их деятельности не сохранилось записей в советских источниках, но о ней мы можем узнать из японских документов.

9 августа, когда штаб японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, выходил на телефонную связь с главным штабом в Токио, была передана информация, что на поле боя появились тракторы, тащившие полковые пушки. Появление тракторов, кажется, необычайно удивило офицеров генерального штаба, и был сделан запрос об уточнении данной информации.[262] Таким образом, колхозники перевозили на тракторах пушки и другие тяжелые грузы.

В материалах зафиксирован еще один факт, на который, как автору кажется, следует обратить внимание. В записях рабочих, оказывавших помощь на кораблях, часто упоминаются тяжелые погодные условия, стихийные бедствия: наводнение, шторм, буря. Что касается Маньчжоу-го, то после завершения конфликта, начиная с 13 августа из-за сильных дождей произошло наводнение, и укрывшиеся от военных действий корейцы

---

[261] АРХИВ П. К. Ф. 89. Оп. 2. Д. 64. Л. 19.

[262] Тё:дэндзё: дай 62 го:, Симада бунсё 111: Мансо коккё:дзикэн канкэйдэн цудзури соно 2 (Телеграмма японской Корейской армии №62 в документациях Симада № 111: и Документ по конфликту на границе Маньчжу-го и СССР. Т. 2) (То:кё: дайгаку сякайкагаку кэнкю:дзё тосёкан / Библиотека института общественных наук Токийского университета).

оказались в затруднительном положении.[263] Еще одним важным источником информации, из которого мы можем узнать о большом уроне, нанесенном стихией Красной армии — это документ, рекомендующий граждан для представления к награде. В этом документе значатся имена пятидесяти четырех человек, а также описываются их заслуги, обозначается вид рекомендуемой награды. В этих записях часто проскальзывает информация о борьбе со стихийным бедствием, например:

Дьяченко Геннадий Львович: «...В период стихии и отрыва воинских частей от продовольствия, не считаясь ни с какими трудностями, работал круглыми сутками по доставке продуктов действующим частям РККА...».[264]

5 августа штабом на устройство переправ были брошены переправочные средства, а на устройство дороги из Заречья в Мраморное присланы стройбаты. Стройбаты строили дорогу, частично через залитое пространство. Люди рвали траву и разный бурьян руками, вязали пучки, делали из них фашейник и засыпали песком. Лишь к 13.00 стройбатам были доставлены косы, благодаря которым они быстро накосили травы, устроили дорогу и пропустили обозы.[265] На пути из Заречья в Мраморное по всей дороге стояли трактора и машины, застрявшие в пути. На затопленных пространствах началось движение на лодках, главным образом, к машинам и тракторам, на которых было продовольствие (для его перегрузки). Таким образом, стихия нанесла серьезный урон Советской армии.[266]

По причине наводнений и сильных дождей стало невозможно использовать наземный транспорт, и части войск оказались в изолированном положении. И если бы на помощь военным не подоспели на лодках гражданские, то, возможно, армия не смогла бы продолжать вести военные

---

[263] Синадзихэн-си токуго: тё:кохо:дзикэн-си со:ан... С. 316.
[264] АРХИВ П. К. Ф. 2. Оп. 1. Д. 78. Л. 10.
[265] На границе тучи ходят хмуро (К 65-летию событий у озера Хасан) / А. А. Кольтюков [и др.]. – М.: Кучково поле, 2005. – С. 288.
[266] Там же.

действия. Можно предположить, что в случае бегства мирного населения, ущерб армии Советского Союза был бы гораздо серьезнее.

3.2. Отношение к конфликту на подконтрольных Японии территориях

Конфликт разгорелся на границе СССР и Маньчжоу-го, а поскольку эта территория находилась близко к Корее, в тылу японской армии находилось много этнических корейцев, а также другое гражданское население, состоящее из японцев, китайцев, маньчжур. Кроме того, на подконтрольных Японии территориях проживали белоэмигранты, покинувшие СССР после Октябрьской революции 1917 г., а также многочисленные советские граждане. Таким образом, можно сделать вывод о многонациональном составе населения, бывшего в тылу у японцев.

Когда разгорелся конфликт, то большинство граждан Японии считали, что необходимо дать решительный отпор Советскому Союзу. Однако более осведомленные люди, в основном, придерживались точки зрения, что необходимо сначала завершить японо-китайскую войну и лучше постараться избежать столкновения с СССР.[267] По этой причине, когда 11 августа конфликт был разрешен в ходе дипломатических переговоров, находившееся в тылу японское население приветствовало этот исход. Также японцы превозносили свои старания, благодаря которым Япония смогла выстоять в данном конфликте. Одновременно с этим, в Японии бытовало мнение, что если скоро снова возникнет военное столкновение между Японией и СССР, то все японцы должны будут выступить единым фронтом.[268] На самом деле японцы не столько поддерживали свою армию, сколько опасались того, что Японии придется воевать против двух стран.

---

[267] Тё:кохо:дзикэн но мансю:коку минсин ни оёбоситару эйкё: ни кансуру кэн (Дело о влиянии, оказанном на чувства жителей Маньчжоу-го конфликтом у оз. Хасан) // Japan Center for Asian Historical Records, [Электронный документ]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html (Reference Code: C01003421300. С. 3) (Дата доступа 11 декабря 2016).
[268] Там же. С. 8.

Далее стоит рассмотреть поведение этнических корейцев, так как именно они жили вблизи территории, на которой разгорелся конфликт. Представители других этнических групп находились в большой удаленности от мест боевых действий и не могли, как, например, жители приграничных советских деревень оказывать мгновенную помощь своему государству и армии. На территориях, непосредственно находившихся в зоне конфликта, общая численность корейцев составляла 15000 человек. Однако, как сообщают источники, большинство из них перед началом конфликта предпочли покинуть территорию.[269] Остались только корейцы, которые так или иначе сотрудничали с японской армией, например, те, кто был связан со снабжением армии, или чей скот был реквизирован японскими военными.[270] В общем, высказывания корейцев менялись в зависимости от успеха атак советской армии: то они выражали опасения перед ее наступлением, то делали заявления о дружбе с СССР. Когда дело дошло до заключения соглашения о прекращении военных действий, и японская армия оказалась в подчиненном положении, то среди корейцев стали появляться сомневающиеся в силе японской армии.[271]

Существует документ «Дело о влиянии, оказанном на чувства жителей Маньчжоу-го конфликтом у оз. Хасан (Тё:кохо:дзикэн но мансю:коку минсин ни оёбоситару эйкё: ни кансуру кэн)» от 1 декабря 1938 г., созданный штабом Квантунской армии, обозначенный грифом «сверхсекретно», однако в XXI в. уже рассекреченный. В этом документе содержатся исследования об общественном порядке, настроениях среди гражданского населения Маньчжоу-го, отношении его к Японии, реакции жителей Маньчжурии на конфликт у оз. Хасан летом 1938 г. В нем, в частности, указано, что корейцы, проживавшие на территории Маньчжоу-го, довольно единодушно выдвигали лозунг: «Дать решительный отпор Советскому Союзу». Однако вместе с этим

---

[269] Синадзихэн-си токуго: тё:кохо:дзикэн-си со:ан... С. 317.
[270] Там же. С. 317–318.
[271] Там же.

прояпонским высказыванием шли действия, расходящиеся с его содержанием: когда начались бои у оз. Хасан, многие корейцы, занятые на строительстве Тюменской железной дороги, оставляли работу и сбегали.[272]

После военного инцидента многие корейцы разносили повсюду, сильно преувеличивая, новости о разгроме японской армии. Однако в дальнейшем из газет они узнавали о ситуации подробнее, в частности, о действиях японской стороны, о заключении перемирия, достигнутого в большей степени в ходе дипломатических переговоров, и постепенно среди корейцев начала раздаваться похвала в адрес японцев. Также они предсказывали новые территориальные споры между Советским Союзом и Японией, и среди корейцев укреплялось мнение, что им необходимо сотрудничать с японской стороной.[273]

Таким образом, корейцы не склонялись ни к японцам, ни к СССР, их, прежде всего, интересовало собственное благополучие и положение, и, несмотря на то, что обязанности по защите территории их проживания лежали на японских военных, этнические корейцы в Маньчжурии так и не оказали японцам поддержки.

Основное население Маньчжоу-го, обозначенное в документе по-японски «мансю:кокудзин» (満洲国人), то есть «граждане Маньчжоу-го», в основном, доверяли японской армии, и их отношение не изменилось после начала конфликта, однако их также больше всего волновало собственное положение, возможное повышение цен в случае, если их государство станет местом военных действий. Несмотря на симпатии граждан Маньчжоу-го к японцам, они надеялись на мирное разрешение территориального спора. Конечно, были и те, кто предрекал скорое поражение японской армии, однако после заключения перемирия большинство граждан Маньчжоу-го с радостью восприняли это известие, хотя было зафиксировано беспокойство о

---

[272] Тё:кохо:дзикэн но мансю:коку минсин ни оёбоситару эйкё: ни кансуру кэн... С. 4.
[273] Там же. С. 8–9.

том, будет ли Советский Союз соблюдать условия соглашения[274], то есть беспокойство населения улеглось не полностью.

Находившиеся в Маньчжоу-го белоэмигранты поначалу не очень интересовались назревающим территориальным спором, однако, когда они увидели серьезность нарождающегося конфликта, то начали надеяться на развитие советско-японской войны. Также при участии одного из основателей Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи Г. М. Семёнова более двухсот белоэмигрантов подали прошение о принятии на службу в японскую армию. Японское правительство, получив эти прошения, сделало вывод о популярности среди эмигрантов идеи свержения советской власти. После завершения конфликта белоэмигранты почувствовали разочарование в связи с потерей шанса на воплощение их давней мечты — восстановление прежнего государства, однако они предвидели новые столкновения между СССР и Японией, во время которых белая эмиграция вновь, как и в ситуации с конфликтом у оз. Хасан, собиралась поддержать Японию.[275] Тоска эмигрантов из Царской России по их родине была очень сильной, и можно сказать, что среди всего многонационального населения, находящегося в тылу японской армии, именно в их лице японцы увидели наиболее сильную поддержку.

Также сохранилась информация о советских гражданах, находившихся на территории Маньчжоу-го. Вначале они не верили японским газетам, сообщавшим о начавшемся конфликте, при этом они не могли добиться конкретной информации от советского консульства. Поэтому первоначально они не восприняли серьезно этот конфликт. Однако по мере того, как противостояние нарастало, они начали подумывать о возвращении в СССР. Опасались советские граждане в Маньчжурии также преследования со стороны японских властей и в целом чувствовали неуверенность.[276]

---

[274] Там же. С. 4–5, 9.
[275] Там же. С. 5, 9.
[276] Там же. С. 5.

С другой стороны, после того как начались военные действия с 1 по 12 июля 1938 г. 45 человек подали прошение о смене советского гражданства. Когда военные действия начались в Хасанском районе в период с 13 июля по 9 августа, их число резко выросло до 153 человек. Среди подавших прошение о смене гражданства было много представителей интеллигенции. Японские военные, изучавшие причины, побудившие этих людей к смене гражданства, выделили две основные причины. Во-первых, их устраивала налаженная жизнь в Маньчжоу-го, а в случае начала войны им пришлось бы все оставить и вернуться в СССР. Еще одна причина заключалась в том, что они не были уверены в победе СССР.[277] Однако автору вторая причина кажется довольно-таки маловероятной. Вероятно, здесь заключался элемент хвастовства со стороны военных Квантунской армии. В основном, все военные силы Японии были вовлечены в японо-китайскую войну, и поэтому сложно поверить, что на самом деле люди могли быть настолько уверены в боевой силе японских военных. Вероятно, все же главная причина — это нежелание оставлять налаженную жизнь в Маньчжоу-го.

Также хотелось бы рассмотреть влияние инцидента на маньчжурскую экономику, которая имеет прямое влияние на население. После того, как начались боевые действия, стоимость соевых бобов упала с 3000 йен за 1 вагон до 2500 йен. Это связано с тем, что предприниматели, предвидя войну Японии с Советским Союзом, предполагали, что экспорт зерна в Европу вскоре станет невозможным, и не заключали сделок на покупку сои.[278]

Кроме изменения цен на соевые бобы, других сведений о том, как инцидент повлиял на экономику, сохранилось довольно мало. Поэтому можно предположить, что экономически население не понесло больших потерь. Во время атак советских войск погибло 14 голов скота (коров),

[277] Там же. С. 9–10.
[278] Там же. С. 6.

реквизированных у корейцев, однако Япония компенсировала их стоимость, поэтому и в этом плане мирное население больших финансовых потерь не понесло.[279]

Таким образом, корейцы, жившие близко к границе, практически никакой помощи Маньчжоу-го не оказали, и даже сами граждане этой страны и японцы, на словах поддерживавшие японскую армию, в реальности не совершили никаких фактических действий для помощи ей. То, что объединяло этих людей, была не помощь, а беспокойство по поводу возможного начала войны между Японией и СССР.

Теми же, кто действительно поддержал Маньчжоу-го, оказав помощь японской армии, были русские белые эмигранты, надеявшиеся на возрождение Российской империи.

По сравнению с населением, находившемся в тылу японской армии, жители Дальнего Востока СССР были готовы на самопожертвование, действовали бескорыстно и были стойки духом. Конфликт до конца оставался локальным, не захватывая других территорий, в том числе и по причине отсутствия у Японии плана по захвату советской территории, однако помощь Красной армии оказывали не только граждане СССР из Приморского края, но и из более удаленного от происходившего конфликта района — Уссурийской области. Также в Хабаровской области принимались различные предупредительные меры против возможных атак японских военных.[280]

Если изучить моральное состояние граждан СССР, их деятельность и ее масштаб, то становится понятным, что советское население рассматривало конфликт не как территориальный спор, а как «отечественную войну на

---

[279] Бакуси сэнгю: ни тайси хосё:кин фуё но кэн (Компенсация за коров, погибших при взрыве) // Japan Center for Asian Historical Records. [Электронный документ]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html (Reference Code: C01002277200. С. 3-5) (Дата доступа 11 декабря 2016).

[280] АРХИВ П. К. Ф. 1. Оп. 1. Д. 749а. Л. 6.

Дальнем Востоке», во время которой оно защищало свою страну от японских захватчиков.

С другой стороны, красивое словосочетание «Защита Отечества», активно использовавшееся советской пропагандой во время конфликта, будто бы принижало силу советской армии, которой, получалось, что должно было помогать мирное население. В результате этого, после окончания конфликта советская пропаганда чаще использовала в своих лозунгах сочетание «Сильная Советская Армия», и, хотя среди мирного населения были отмеченные наградами за помощь армии во время конфликта, на героическом подвиге простого народа внимание не акцентировалось, не афишировались подробности деятельности гражданских лиц.

Корейское население, жившее у фронта в Маньчжоу-го, в отличие от советского на Дальнем Востоке, не оказывало помощь японской армии. Этому есть простое объяснение: корейцы, в отличие от советских граждан, жили в стране, созданной Японией, и сами японцами не являлись. Они сбегали из мест, близких к месту вооруженных действий, и причиной этому послужило то, что корейцы не доверяли японцам, и то, что корейцы, жившие на самом краю Маньчжоу-го, были чрезвычайно бедны: им было нечего предоставить в помощь армии, а у самих едва ли хватило бы сил держать оружие. Так основными причинами побега корейцев автор считает то, что они не видели себя причастными к вооруженному конфликту между Японией и Советским Союзом и хотели сохранить жизнь себе и своим семьям.

От других же граждан помощи не поступало, так как граждане Маньчжоу-го жили достаточно далеко от фронта и были недовольны началом боевых действий. А для японцев государство Маньчжоу-го не являлось родиной, от этого их желание защитить эту страну было слабым. Таким образом, Маньчжоу-го не смогло донести до всех своих граждан понимание и восприятие опасности на том же уровне, на котором смог СССР в

отношении своих граждан.[281] В результате японская армия не имела никакой поддержки извне военных источников, в отличие от советской армии.

Важным фактором, от которого во многом зависела вовлеченность гражданского населения стран-соперниц в события пограничного конфликта, является: географическое положение места конфликта относительно СССР и Японии. Для СССР конфликт происходил непосредственно на его границе, и если бы Советский Союз проиграл, то нависла бы угроза дальнейших притязаний со стороны Японии на саму территорию советского государства. Это повышало сознательность гражданского населения и его готовность помочь и встать на защиту Родины.[282] Конечно, были пропагандистские митинги, организованные сверху, но и идейных помощников было немало, стоит только обратиться к спискам представленных к различным наградам советских граждан из российских архивов. Японцы же по причине того, что конфликт велся на чужой территории, не воспринимали эти события как необходимые и не осознавали важность оказания помощи и поддержки армии. Корейцы из пограничных территорий Маньчжоу-го хотели сохранить свои жизни в борьбе государств, к ним не относящихся. Граждане Маньчжоу-го китайского происхождения были обеспокоены влиянием конфликта на внутреннюю жизнь страны, но не настолько, чтобы покупать своей кровью спокойствие наряду с японскими военными; зато белоэмигранты, изъявили желание воевать, но не в связи с преданностью стране, где они нашли новый дом, а из-за ненависти к советскому государству и в надежде на возвращение утраченной России.

---

[281] Касахара Кота. Отношение гражданского населения Дальнего Востока СССР и МаньчжоуГо к боям у озера Хасан // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Том. 22. – № 2. С. 134.
[282] Там же. С. 135.

3.3. Уроки конфликта для советской стороны

Когда военные действия закончились, то СССР выступил с официальными заявлениями об окончании конфликта. Многие участники получили различные награды, включая звание Героя Советского Союза.[283] 6500 человек были награждены орденами и медалями. Для того времени такие массовые награждения были весьма заметным событием. В «Советской военной энциклопедии Т. 8» о победе СССР написано следующим образом:

> «Поражение японцев в районе Х. было серьезным ударом по их захватнич. планам на Д. Востоке, направленным против СССР. Боевые действия подтвердил высокие морально-политич. качества, боевую выучку сов. воинов, надежность отечеств. воен. техники, правильность осн. положений сов. уставов и наставлений. Сов. войска приобрели некоторый боевой опыт, к-рый был использован для дальнейшего повышения боевой готовности Сов. Армии, отработки вопросов взаимодействия родов войск и управления войскам».[284]

Однако, в своих исследованиях американец М. Макинтош резко оценивает полученный «боевой опыт», о котором упоминается в СВЭ, так как он «был куплен высокой ценой больших потерь и обнажил серьезные дефекты в организации мобилизации и тренировке войск».[285] Это утверждение базируется на словах из приказа К. Е. Ворошилова[286] от 4 сентября 1938 г. — главного итогового советского документа «Приказ 0040», который резюмирует последствия конфликта у оз. Хасан для СССР и

---

[283] Бо:эйтё: бо:эйкэнкю:дзё сэнсисицу... С. 414.
[284] СВЭ. Т. 8. С. 367.
[285] Mackintosh, J. Malcolm. Juggernaut: A History of the Soviet Armed Forces. – London: Secker and Warburg, 1967. – P. 101.
[286] Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) — российский революционер, советский военачальник, государственный и партийный деятель, участник Гражданской войны, один из первых Маршалов Советского Союза. С 1925 года нарком по военным и морским делам, в 1934–1940 годах нарком обороны СССР.

анализирует его события, проблемы внутри руководящего аппарата и недостатки этапов подготовки:

> «События этих немногих дней обнаружили огромные недочеты в состоянии Краснознаменного дальневосточного фронта. Боевая подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта оказалась на недопустимо низком уровне. Войсковые части были раздерганы и небоеспособны; снабжение войсковых частей не организовано. Обнаружено, что Дальневосточный театр к войне не подготовлен (дороги, мосты, связь)...».[287]

В приказе К. Е. Ворошилова есть еще более подробное указание на ошибки и недочеты, на которых сосредоточило свое внимание высшее партийное руководство при анализе результатов боев у оз. Хасан.

«Основными недочетами в подготовке и устройстве войск, выявленными боевыми действиями у озера Хасан, являются:

а) недопустимо преступное растаскивание из боевых подразделений бойцов на всевозможные посторонние работы. <…>

б) войска выступили к границе по боевой тревоге совершенно неподготовленными. Неприкосновенный запас оружия и прочего боевого имущества не был заранее расписан и подготовлен для выдачи на руки частям, что вызвало ряд вопиющих безобразий в течение всего периода боевых действий. Начальник управления фронта и командиры частей не знали, какое, где и в каком состоянии оружие, боеприпасы и другое боевое снабжение имеются. Во многих случаях целые арт[иллерийские] батареи оказались на фронте без снарядов, запасные стволы к пулеметам заранее не были подогнаны, винтовки выдавались непристрелянными, а многие бойцы и даже одно из стрелковых подразделений 32-й дивизии прибыли на фронт вовсе без винтовок и противогазов. Несмотря на громадные запасы вещевого имущества, многие бойцы были посланы в бой в совершенно изношенной

[287] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 54. Л. 19.

обуви, полубосыми, большое количество красноармейцев было без шинелей. Командирам и штабам не хватало карт района боевых действий;

в) все рода войск, в особенности пехота, обнаружили неумение действовать на поле боя, маневрировать, сочетать движение и огонь, применяться к местности, что в данной обстановке, как и вообще в условиях ДВ, изобилующего горами и сопками, является азбукой боевой и тактической выучки войск.

Танковые части были использованы неумело, вследствие чего понесли большие потери в материальной части».[288]

Таковы общие выводы в отношении проблем ДВФ, которые сделала советская сторона. Такая оценка находится в противоречии с вышеприведенной оценкой, указанной в СВЭ, которую можно охарактеризовать как пропагандистскую, и можно сделать вывод о том, что проблемы были не только в подготовке армии, но и Дальневосточного региона в целом. Все эти проблемы вкупе явились одной из причин репрессирования В. К. Блюхера и разделения слишком крупного формирования, Дальневосточный край, на более мелкие и проще управляемые: Хабаровский и Приморский края.

3.4. Уроки конфликта для японской стороны

К концу конфликта у оз. Хасан части японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, задействованные в боях за спорные сопки, пришли в критическое состояние. Одной из причин такого положения было то, что основные военные силы Японии были задействованы в Китае, где бушевала японо-китайская война 1937–1945 гг., и Токио приказал избегать прямых боев с советской армией, а позволил лишь

---

[288] Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2–1). Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937 – 21 июня 1941 г. / В. А. Золотарев [и др.]. – М.: Терра, 1994. –. С. 57–58.

занять оборонительную позицию, не предпринимая попыток захвата новых территорий. В результате японская армия не могла использовать самолеты и танки, а огнестрельное оружие было в крайне ограниченном количестве.[289]

Советские войска с 4 августа начали увеличивать военную силу в данном регионе. В частности, они смогли довольно близко к японским позициям поместить артиллерийский наблюдательный пункт, поэтому начиная с 5 августа обстрелы стали для японских войск особенно ожесточенными. Кроме того, убедившись, что японцы не задействуют авиацию, СССР усилил атаки с воздуха.

Японской армией, дислоцированной на Корейском полуострове, были получены сведения о возможной угрозе налаживания взаимодействия всех родов советских войск. Об этом можно судить по воспоминаниям японских военных, сохранившихся в архивах: «Если продолжать также относиться к противнику с пренебрежением, то он воспользуется этим, объединив свои военные силы». [290] Подробнее об этой угрозе написано следующее: «Сильнее всего ощущается объединение вражеских армий при артиллерийских обстрелах, бомбардировке, и продвижении танков и пехоты. Объединение этих четырех сил придаст советской армии много сил, и ради этого советские войска сделают все, что только возможно.[291] Как видно по этим дошедшим до нас записям, активизация различных советских воинских частей сильно беспокоила японских военных. Особенно с 5 по 8 августа, за эти четыре дня, когда, как показывают материалы, произошло объединение советских войск, японская армия понесла наиболее серьезные потери.

Разумеется, что японские военные внимательно наблюдали за советской армией и пришли к выводу, что одним из главных факторов, позволившим советским войскам объединиться, является хорошее оснащение советской армии, которого не было у японцев.

---

[289] Инада Масадзуми. Указ. соч. С. 283.
[290] Хохэй дай 75 рэнтай тё:кохо:дзикэн сэнто: сё:хо: 2/2... С. 100.
[291] Там же. С. 101.

Советские танки не вызывали больших опасений у японских военных. Так, 5 августа японцы смогли уничтожить 60 советских танков, направлявшихся на Пулемётную Горку. В архивах есть следующая запись: «Могу судить, что нет необходимости опасаться советских танков, у танков нет больших преимуществ, и они не слишком надежные».[292] Есть и более решительные оценки: «Вторгшиеся в наше расположение танки не стоят опасений. Советская пехота не любит бросаться в бой на врага, и танки, оказавшись в расположении врага, начинают действовать крайне медлительно, и в это время их можно разбить одним ударом».[293]

Однако, по мнению автора работы, это связано не с тем, что танковые войска были слабыми, а с тем, что местность Хасанского района была довольно болотистой, протянутой к возвышенностям, и танки были не эффективны для ведения боев в таких природных условиях. Поэтому танки часто подрывались противотанковыми орудиями. Уже в следующем году в боях на Халхин-Голе японская армия несла большие потери от танковых войск.

Японские скорострельные орудия (пулеметы) довольно эффективно применялись при ведении огня по танкам, поэтому, как следует из архивных записей: «было чрезвычайно важно разместить орудия заранее так, чтобы они не были уничтожены сосредоточенным огнем противника».[294]

Нужно обратить внимание на то, что стрельба по танкам велась под большим углом — хитрость, к которой прибегли японские военные против советских танков, что последовательно приводило их к цели.

С другой стороны, японская армия, дислоцированная на Корейском полуострове, традиционно была сильна в ночных атаках, штурмах и различных видах рукопашного боя, что было также продемонстрировано и во время Хасанских боев. Это также подтверждается при рассмотрении

---

[292] Там же. С. 105.
[293] Там же. С. 108.
[294] Там же. С. 109.

обоюдных потерь двух армий при рукопашных боях: на 110 погибших советских военных[295], приходится 1 погибший с японской стороны[296], и это доказывает, что японцы преуспели в данном виде ведения боя.

Рукопашные бои, в глазах японцев, были крайне эффективны против пехоты, и это придавало уверенности японским военным, о чем можно судить из архивных записей: «Советские пехотинцы больше всего опасаются штыковых атак, и обычно в случае таковых нападений они бросают орудия и сбегают».[297]

Уже после первых боев с советскими войсками, японские военные отмечали: «вражеская пехота была укомплектована винтовками, малокалиберными и крупнокалиберными, винтовочными гранатами, автоматическими винтовками, боевыми патронами, ручными гранатами и т. д., и оснащение советской армии оружием было очень хорошим».[298] И всё же, несмотря на признание хорошего оснащения советской армии, японские военные приходили к выводу, что в рукопашных схватках японцы оказались психологически более сильными.

Несмотря на то, что от воздушных атак потери японцев были минимальными, по японским частям велись крайне ожесточенные обстрелы с земли, так что у японских военных практически не оставалось безопасного места. По этой причине, за исключением орудий для стрельбы под большим углом, численность используемого оружия была сокращена, и японские войска не смогли в нужном количестве подготовить орудия для отражения атак с воздуха.

Японские военные стыдились нехватки оружия и уверенно заявляли, что подобная ситуация не должна повториться снова: «Необходимо заранее

---

[295] Кривошеев Г. Ф. Указ. соч. С. 154.
[296] Бо:эйтё: бо:эйкэнкю:дзё сэнсисицу... С. 413.
[297] Хохэй дай 75 рэнтай тё:кохо:дзикэн сэнто: сё:хо: 2/2... С. 109.
[298] Там же. С. 110.

проводить работы по установке орудий для отражения воздушных атак, подготовить все необходимое для сбивания вражеских самолетов».[299]

Что касается танков, то тут, хотя применение взрывчатых веществ и было эффективным, но в то же время японские военные отмечали, что использование противотанковых мин против танков эффективным не было: «Противотанковые мины в мягкой почве не только не взрывались, но и требовали большой точности, поэтому в данных боях они не подходили».[300] По этой причине, изучив мины, а также взрывчатые вещества, военные придавали большое значение тренировкам по рукопашному бою, во время которых также прорабатывались ситуации, когда солдат, жертвую собой, подносит гранату вплотную к танку.

Одной из причин успешных действий японской армии против советских военных было то, что «за время боев военные поняли, что нельзя идти на врага без подготовки, оголтело покинув позиции, сначала нужно с помощью организованного применения огнестрельного оружия и артиллерии попытаться уничтожить тяжелую военную технику, находящуюся в тылу противника, и если это получалось, то наносило ущерб вражеским войскам». [301] Таким образом, видно, что японские военные пытались применить различные тактики: не только умелое использование ручных гранат против танков, но и оказание противодействия тяжелой артиллерии противника. Вышесказанное с одной стороны показывает, что японские военные умело использовали возможности рукопашного боя, с другой стороны, что атаки с помощью тяжелого вооружения были крайне ожесточенными, и тяжелая техника играла первостепенное значение для советских войск.

Относительно действий офицерского состава японских войск существуют две различные точки зрения. С одной стороны, их действия

---

[299] Там же. С. 104.
[300] Там же. С. 107.
[301] Хохэй дай 75 рэнтай тё:кохо:дзикэн сэнто: сё:хо: 2/2... С. 112.

оцениваются крайне высоко, так как они боролись до конца во время ожесточенных боев, но также есть и противоположная точка зрения, указывающая на многочисленные ошибки в действиях командования.

Хотя численность офицерского состава была крайне небольшой, они доставляли большое беспокойство остальным военным. Возможно, если бы у них также была готовность погибнуть на поле боя, то они еще могли бы воодушевить войска, находившиеся на поле боя с самого начала. Так, бывшие участники сражений говорили о том, что необходимо изменить образ мышления офицерского состава и внедрить соответствующее этим стандартам обучение. Для командования первой линии фронта, самое главное — став выше вопросов дипломатии, иметь решимость стоять насмерть на поле боя; срочной задачей для армии стало взращивание у офицерства желания помочь своим войскам.[302]

Серьезный урок для армии был получен и относительно снабжения армии. Во время боев у оз. Хасан наводнения представляли большую угрозу для армий, но японская практически от них не пострадала. Однако и она не смогла качественно наладить снабжение своих частей из-за того, что бои часто велись в местностях, где были озера и реки. Из-за того, что японская армия не смогла использовать самолеты, обстоятельства для нее складывались не лучшим образом: «Когда во время сражений начался перебой в поставках, то это сильно деморализовывало войска, находящиеся на первой линии фронта».[303] Интересно, что такое открытое высказывание о психологически подавленной атмосфере на фронте нетипично для японской армии. И Япония, и Советский Союз во время Хасанских боев не смогли четко наладить новые поставки на фронт.

Говоря о достоинствах своей армии во время этих боев, японцы их замечали, прежде всего, в двух областях. Во-первых, это работа саперных

---

[302] Там же. С. 114.
[303] Там же. С. 116.

войск. О саперах уже говорилось, но в действительности, применяемая ими тактика была неожиданной для японской армии, и, признавая эффект от взаимодействия саперов и пехоты, раздается похвала в адрес саперных войск: «Саперы, помогающие пехоте, работали превосходно, и их совместная работа была налажена очень хорошо».[304] Действия саперов, выходивших вооружившись взрывчаткой один на один против танков, считались подвигом, и их решимость поднимала боевой дух в армии в целом.

Японская армия, прижатая советскими войсками, прикладывавшая много усилий для отражения советских атак, считала самой эффективной военной тактикой перехват инициативы в бою. К такому выводу приходят японские военные: «Если перехватить инициативу в бою, то можно сильно подорвать боевое настроение противника».[305] На поле боя японцы пришли к выводам, что советская армия побеждала за счет превосходства в человеческих и материальных ресурсах.

Далее, хотелось бы подробнее затронуть тему японской авиации, которая, как уже упоминалось, не принимала участия в этом военном конфликте, однако сложившиеся подобным образом обстоятельства стали для Японии уроком на будущее. Несмотря на неучастие в сражениях, японская авиация демонстрировала свою боевую готовность. О чем докладывали сразу же после окончания конфликта 20 августа 1938 г. министру армии Итагаки Сэйсиро.

9 авиационный отряд в начале 1938 г. был снаряжен для отправки на фронт, и все необходимые для этого приготовления были сделаны. Однако если рассмотреть подробнее обстоятельства мобилизации авиации, то становится понятным, что, несмотря на то, что приказ о подготовке воздушных войск был дан, отдельного приказа об их мобилизации не было. В результате военные должны были проводить необходимые приготовления к

---

[304] Там же. С. 115.
[305] Там же. С. 117.

отправке на фронт самостоятельно без приказа свыше. Таким образом, реагируя на нерасторопность центрального штаба, военные высказывали пожелания о том, что лучше бы заблаговременно был дан приказ об экстренной мобилизации.[306]

Высказывалось также недовольство по поводу того, как проводилось снабжение армии. Военные высказывали пожелание о том, как нужно было использовать и пополнять имеющиеся ресурсы: их нужно было в достаточном количестве заблаговременно подготовить и сохранить вблизи проведения боевых действий, чтобы пускать в ход в случае необходимости.[307]

Кроме того, так как до г. Хверён[308], где находился штаб 9-го авиационного отряда, советские самолеты долетали приблизительно за 15 минут, то японские военные высказывали пожелания относительно того, чтобы были дислоцированы разведывательные отряды, для наблюдения за авиацией противника, а также, как можно скорее, были бы расставлены противовоздушные оборонительные сооружения.[309] Согласно приказам командования, объекты ПВО располагались довольно рассеянно, а также не хватало светомаскирующего оборудования, амбаров для самолетов, средств ПВО.[310] Необходимо также было улучшение работы телефонной связи. В гарнизонах в Хверёне использовали не специализированную полевую, а обычную городскую телефонную связь. И, по мнению Макино Масамити, это стало причиной утечки информации. Так, информация о разразившемся вблизи границы конфликте у оз. Хасан еще до того, как она была

---

[306] Тё:кохо: дзикэн сё:рай ни кансуру кэн (Будущие вопросы боёв у озера Хасан). // Japan center for Asian historical records. [Электронный документ]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html (Reference Code: C01003380000. С. 1об.–2) (дата обращения: 21.10.2017).
[307] Там же. С. 2об.
[308] Хверён (会寧市) — ныне город КНДР в провинции Хамгён-Пукто. Находится рядом с р. Туманная.
[309] Тё:кохо: дзикэн сё:рай ни кансуру кэн… С. 2об.–3.
[310] Там же. С. 4.

опубликована в газетах, стала известна рядовым гражданам Маньчжурии. Поэтому М. Макино указывал на необходимость наладить специализированную прямую телефонную связь.[311]

Значительные проблемы также были выявлены во взаимодействии командования. О мобилизации воздушных сил должен был поступить приказ от командира 19-ой дивизии. Однако, когда начался данный военный конфликт, он из-за запутанности формальностей не смог сразу приступить к управлению отдельными войсками, находящимися непосредственно в зоне конфликта. И даже если бы возникла необходимость в авиации, то она не могла бы быстро быть мобилизована из-за бюрократических проволочек. Поэтому военные писали, что с самого начала должно было быть четкое разграничение полномочий среди военного руководства.[312]

Несмотря на то, что японская авиация так и не приняла участие в данном военном конфликте, именно это «неучастие» позволило выявить большое число недостатков в военной организации тогдашней японской армии. Также японские военные сделали вывод, что, хотя Красная армия во время данного конфликта не планировала захватывать больше территорий за счет дальнейшего продвижения своих войск, однако, если предположить, что она продолжила бы дальнейшие атаки с целью захвата новой территории, то могла бы преуспеть за счет использования высокоскоростных самолетов.[313]

И наконец, автор работы хотел бы упомянуть о Г. С. Люшкове (в 1938 г. начальник УНКВД ДК). Его побег совпал с началом военного конфликта у оз. Хасан, поэтому его мнение относительно конфликта представляет большой интерес.

Благодаря Г. С. Люшкову японцы смогли получить ценнейшие данные о советских войсках. Однако японцы некоторое время рассматривали его как засланного шпиона и не могли полностью доверять его информации.

---

[311] Там же. С. 3–3об.
[312] Там же. С. 3об.–4.
[313] Там же. С. 1.

Однако, после отслеживания событий произошедшего конфликта, стало ясно, что информация, представленная Г. С. Люшковым, является достоверной. Таким образом, хочется подчеркнуть, что во время самого конфликта у оз. Хасан японское военное руководство никак не воспользовалось информацией, полученной от Люшкова.

Как следует из источников, Г. С. Люшков говорил, комментируя попытки японского военного руководства договориться о заключении перемирия: «Командующий В. К. Блюхер, если проиграет данное сражение, то лишится своего положения. Он не остановит военные действия, пока не придет приказ от Сталина».[314]

Действительно, несмотря на то, что перемирие было достигнуто в результате дипломатических переговоров, это произошло не по воле В. К. Блюхера, а после получения приказа из Москвы. Кроме того, И. В. Сталину стали ясны недостатки подготовки Дальневосточного фронта, и после окончания конфликта В. К. Блюхер был арестован и репрессирован. Благодаря боям у оз. Хасан, японское командование убедилось в том, что в целом, можно доверять сведениям, сообщенным Г. С. Люшковым.

Если проанализировать итоги боев за спорные высоты у оз. Хасан для Японии, то, во-первых, к японским военным пришло осознание, что, несмотря на преимущественно оборонительную тактику (в связи с приказом императора), если перехватить инициативу во время сражений, то можно заставить противника отступить.

По поводу атак противника японские военные, с одной стороны, признавали, что от артиллерийского обстрела они несли большие потери, однако если бы у японской армии были самолеты, то этих атак не нужно было бы так сильно опасаться. Благодаря тому, что многие танки противника

---

[314] Мокка но дзё:кё: ни тайсуру рюсикоху но кансацу, Симада бунсё 111: Мансю:коку коккё:дзикэн канкэй дэнпо: соно 2 (Документ: Наблюдение за состоянием Люшкова в документациях Симада № 111: и Документ по конфликту на границе Маньчжоу-го и СССР. Т. 2) (Токио дайгаку сякайкагаку кэнкю:дзё тосёкан / Библиотека института общественных наук Токийского университета).

были подорваны, и так или иначе, выведены из строя, то советские танки получили крайне низкую оценку со стороны японских военных. Однако было отмечено, что хорошая кооперация советских войск должна быть одним из важных предметов изучения. Также военные писали, что в дальнейшем внутривойсковую кооперацию советских войск потребуется изучить еще тщательней.[315] В этом замечании звучит предупреждение о возрастающей сплоченности советских вооруженных сил.

Положительным результатом конфликта для японцев является возможность убедиться вживую в правдивости информации, предоставленной Г. С. Люшковым. Одним из важных итогов конфликта для японской стороны стала убежденность в том, что советская армия одержала победу за счет превосходства в людских ресурсах и хорошего материального оснащения. Также японские военные, уже имевшие на тот момент дело с самолетами, танками и другой военной техникой, тем не менее, пришли к парадоксальному выводу, что человек может победить танк, выходя с ним один на один на поле боя (такие удивительные выводы сделало в официальных документах, оформленных по горячим следам, руководство японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, сразу после завершения боёв у озера Хасан).

Огромной ошибкой японского Генерального Штаба, решившего, что де-факто победа за Японией, является оставление документов об итогах боев, написанных руководством японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, без внимания и анализа. В сражениях за сопки у озера Хасан японские военные действовали лучше своих собственных ожиданий, отчего сделали поспешные ошибочные выводы о собственном успехе в этой кампании (в то время как успеха не было).[316]

---

[315] Хохэй дай 75 рэнтай тё:кохо:дзикэн сэнто: сё:хо: 2/2... С. 111.
[316] Касахара Кота. Какой урок извлекла Япония в боях у озера Хасан? // Российский гуманитарный журнал. – 2016. – Том. 5. – № 6. С. 561.

Квантунская армия также проигнорировала итоговые документы боев у озера Хасан, не был проведен и анализ результатов военных действий. Причиной этому могла послужить внутренняя конкуренция между Квантунской армией и японской армией, дислоцированной на Корейском полуострове, которые являлись частями одного целого — японской императорской армии, но не ладили друг с другом. Квантунская армия восприняла бои у оз. Хасан как частный, локальный конфликт, аналогов которому не будет, поэтому итоги остались не проанализированы, и, несмотря на то, что у Японии появился первый опыт ведения современных боев с участием современной (на тот момент) военной техники, в качестве результатов было выведено: «Победу в бою решают штыки»[317], и что против танка эффективно сражаться с гранатой в руке один на один.[318]

То есть Япония после боев у озера Хасан, игнорируя все свои ошибки, осталась с такими выводами: воюя против модернизированной советской армии, японская армия принесла много жертв, однако в конце благодаря психологическому превосходству смогла превозмочь трудности. [319] Историческими же уроками боев у озера Хасан для Японии является то, что нельзя быть самоуверенными, так как самоуверенность и недооценка сил противника послужили отправной точкой поражений Японии в сражениях при Халхин-Голе, а в дальнейшем и во Второй мировой войне.[320]

---

[317] Хохэй дай 75 рэнтай тё:кохо:дзикэн сэнто: сё:хо: 2/2... С. 113.
[318] Касахара Кота. Какой урок извлекла Япония в боях у озера Хасан? // Российский гуманитарный журнал. – 2016. – Том. 5. – № 6. С. 561.
[319] Хохэй дай 75 рэнтай тё:кохо:дзикэн сэнто: сё:хо: 2/2... С. 114.
[320] Касахара Кота. Какой урок извлекла Япония в боях у озера Хасан? // Российский гуманитарный журнал. – 2016. – Том. 5. – № 6. С. 562.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено рассмотрению основных событий и фактов пограничного конфликта у оз. Хасан в преломлении архивных материалов Японии и СССР. Несмотря на то, что пограничные конфликты между СССР и Японией в 30-е годы XX в. возникали постоянно (например, только в 1935 г насчитывают 176 инцидентов), именно столкновение у оз. Хасан 1938 г. стало первым масштабным военным конфликтом в советско-японской истории новейшего времени, значимость которого для последующих взаимоотношений двух стран трудно переоценить. Не случайно данный конфликт в Японии получил наименование «Боевое крещение Японии в новейшей истории (初めて近代戦の洗礼の一端を受けた戦い)».

В заключении работы следует представить основные выводы. В первую очередь, следует отметить сложную международную ситуацию, в контексте которой происходили рассматриваемые события. Усиление милитаристских настроений в кругу держав, поляризация мирового сообщества, формирование военных союзов и блоков представляли собой фактор, усугубляющий протекание советско-японского пограничного конфликта.

Сложный международно-политический контекст осложнялся наличием разногласий между СССР и Японией по поводу демаркации государственных границ. При этом следует отметить, что обе стороны опирались на один и тот же документ (Хуньчуньский протокол), однако трактовка его положений была различной. Если Япония признавала прохождение границы по западному берегу оз. Хасан, то СССР считал, что граница проходит по хребтам сопок (водоразделу), среди вершин которых была и вершина высоты Заозёрная. Разногласия в толковании договора относительно прохождения линии границы, стали главной предпосылкой к началу вооружённого столкновения у оз. Хасан.

Различие в концептуальных подходах к пониманию межгосударственных границ обусловило и разность датировки самого конфликта у оз. Хасан. Если в советско-российской историографии поводом начала боёв у оз. Хасан считают нападение японских военных на высоту Безымянная 29 июля 1938 г., и этот же день называют в качестве первого дня конфликта, то для Японии поводом к началу конфликта послужил приход пограничников СССР на высоту Заозёрная 9 июля 1938 г., от которого и отсчитывают сам конфликт японцы. Дело в том, что для советской стороны территория, на которую поднялись советские пограничники, принадлежала Советскому Союзу. Однако в понимании японской стороны пограничники СССР появились на территории Маньчжурии. Приход же советских пограничников на один из отрогов с южной стороны высоты Безымянная в подобной трактовке явился лишь непосредственным поводом для начала боевых действий.

Помимо перечисленных объективных предпосылок конфликта, определенную роль в его эскалации имел субъективный фактор. Несмотря на позицию официальных японских властей, которая заключалась в стремлении не допустить начала масштабных боевых действий с СССР, к которым страна была не готова, настрой японских военных непосредственно на месте событий был достаточно агрессивным. Данное обстоятельство и обусловило некоторые действия японских военных, не согласованные с официальным Токио, в ответ на продвижение советских пограничников 9 июля и выдвижение их в районе высоты Безымянная 29 июля. Согласно логике японской стороны, они не пересекали линию границы, они только вынудили советские силы уйти с маньчжурской территории, оставаясь на территории Маньчжоу-го.

Приведенные факты позволяют выдвинуть тезис о том, что на том этапе разворачивания конфликта у Японии не было плана по захвату советской территории. Подтверждением этому является и приказ императора

о защите высоты Заозёрная, ни в коем случае не прибегая к нападению на СССР.

Количественный и качественный анализ потерь сторон конфликта позволяет опровергнуть положение о том, что победа СССР в боях у озера Хасан была столь успешной. Так, в абсолютных величинах потери Красной армии в 3 раза превышали японские. Вместе с тем, в относительных величинах процентное соотношение потерь выше было у японской армии. Поэтому Красная армия сохраняла значительные силы для продолжения военных действий, в то время как у Японии их больше уже не оставалось, и войска воевали на пределе. На основании этих данных можно сделать вывод о том, что определяющей предпосылкой победы СССР в данном военном конфликте было более выгодное положение в плане доступа к ресурсам — человеческим и материальным.

Другим обстоятельством, обусловившим победу советской стороны, была большая вовлеченность гражданского населения в данный конфликт. Красная армия получала многостороннюю помощь от гражданского населения СССР, в то время как большинство гражданского населения Маньчжурии отстранилось от поддержки японских военных. При анализе данного факта был сделан вывод о том, что этому во многом способствовал географический фактор. Действительно, для СССР конфликт происходил непосредственно на его границе, и если бы Советский Союз проиграл, то нависла бы угроза дальнейших притязаний со стороны Японии на саму территорию советского государства. Поэтому советское население рассматривало конфликт не как территориальный спор, а как «отечественную войну на Дальнем Востоке», во время которой оно защищало свою страну от японских захватчиков. В свою очередь, многонациональное государство Маньчжоу-го, созданное в 1932 г. не без помощи Японии и являвшимся, по сути, марионеточным, не смогло донести до всех своих граждан понимание и восприятие опасности на том же уровне, на котором смог СССР в отношении своих граждан. В результате японская армия практически не имела никакой

поддержки от гражданского населения. Единственной силой, поддержавшей японскую армию, были русские белые эмигранты, надеявшиеся на возрождение Российской империи.

Определенный интерес для понимания последствий конфликта у оз. Хасан для СССР и Японии вызывает изучение тех уроков и выводов, которые были сделаны сторонами по его результатам. Необходимо признать, что советское руководство с большей серьезностью отнеслось к результатам боевых столкновений. Анализируя результаты конфликта, оно пришло к выводу о недостаточной подготовленности армии на случай военных действий и о необходимости решить проблемы с подготовкой личного состава армии и снабжения ее оружием. Кроме того, были выявлены проблемы и в подготовке Дальневосточного региона в целом. Все эти проблемы вкупе явились одной из причин репрессирования В. К. Блюхера и разделения слишком крупного административного образования в виде Дальневосточного края на более мелкие и проще управляемые Хабаровский и Приморский края. Другим вынесенным СССР уроком была убеждённость в том, что союзник Японии — Германия не станет поддерживать Японию в случае инцидентов, подобных боям у оз. Хасан.

В свою очередь, Япония совершила две основные ошибки при рассмотрении итогов боёв у оз. Хасан и, соответственно, сделала неправильные выводы и не вынесла уроков из конфликта. Первая ошибка заключалась в том, что японское высшее военное руководство, решив, что победа за Японией, оставило документы об итогах боёв, написанные руководством японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, без внимания и анализа. В сражениях за сопки у оз. Хасан японские военные, по их мнению, действовали достаточно успешно, отчего сделали поспешные и неглубокие, ошибочные выводы о собственном успехе в этой кампании (в то время как успеха, по сути, не было). Вторая ошибка заключается в том, что так же, как и Главный штаб армии Японии проигнорировал итоговые документы боёв у озера Хасан, Квантунская армия не отнеслась к ним с

должным вниманием, не был проведён анализ результатов военных действий. Следствием этого стало муссирование в японских военных кругах представлений о высоком боевом духе армии, которое позволяет ей преодолевать объективные трудности благодаря психологическому превосходству.

Таким образом, приграничный конфликт у оз. Хасан, несмотря на его локальный характер, представляет богатый и полезный исторический материал, позволяющий понять общий ход и логику последующих взаимоотношений между государствами. Данное обстоятельство обуславливает повышенный интерес к данным событиям у представителей исторической науки обеих стран. В качестве положительной тенденции следует отметить постепенно усиливающееся внимание исследователей к архивным материалам второй стороны. Можно полагать, что именно такой подход может способствовать пониманию основных мотивов и логики действий противостоящей стороны конфликта, что позволит приблизить нахождение компромисса между странами по спорным вопросам.

Список источников и использованной литературы

ИСТОЧНИКИ

Архивные документы

На русском языке

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Трактаты. Оп. 3. 1886. Д. 905. Л. 1, 2, 3.
2. АРХИВ Приморского Края (П. К.). Ф. 1. О. 1. Д. 738. Л. 8.
3. АРХИВ П. К. Ф. 1. О. 1. Д. 749а. Л1, 2, 3, 4, 5, 6, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32.
4. АРХИВ П. К. Ф. 2. О. 1. Д. 78. Л. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21.
5. АРХИВ П. К. Ф. 3. О. 1. Д. 885. Л. 6.
6. АРХИВ П. К. Ф. 3. О. 1. Д. 886. Л. 3, 3об, 9, 10.
7. АРХИВ П. К. Ф. 25. О. 5. Д. 115. Л. 93, 94.
8. АРХИВ П. К. Ф. 27. О. 1. Д. 46. Л. 27, 28, 29, 30.
9. АРХИВ П. К. Ф. 82. О. 1. Д. 33. Л. 109, 109об.
10. АРХИВ П. К. Ф. 85. О. 1. Д. 210. Л. 72, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 99, 118, 119, 120.
11. АРХИВ П. К. Ф. 89. О. 2. Д. 64. Л. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25.
12. АРХИВ П. К. Ф. 130. О. 1. Д. 10. Л. 24, 25, 26.
13. АРХИВ П. К. Ф. 658. О. 1. Д. 32. Л. 34, 35, 36, 37.
14. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 35083. О. 1. Д. 24. Л. 190, 191.
15. РГВА. Ф. 35083. О. 1. Д. 35. Л. 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29.
16. РГВА. Ф. 35083. О. 1. Д. 69. Л. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15.

На японском языке[321]

17. Канто:гун самбо:бу даиикка (Первый отдел штаба Квантунской армии). Кансакумэи даи 1488 гоу: Бэссацу: Мансо коккё:фунсо: сёриё:ко (Приказ №1488 Квантунской армии: Отдельный том – Принципы разрешения пограничных споров Маньчжоу-го и СССР) // Номонхандзикэн кимицу сакусэн нисси даи икка (Дневник военной операции боёв на Халхин-Голе. Т. 1). (Бо:эйсё: бо:эйкэнкю:дзё сэнси кэнкю: сэнта / Архив исследовательского центра военной истории исследовательского института обороны Министерства обороны). 関作命第一四八八号別冊 満「ソ」国境紛争処理要綱 // ノモンハン事件機密作戦日誌 第一巻.
18. Мокка но дзё:кё: ни тайсуру рюсикоху но кансацу (Наблюдение за состоянием Люшкова) / Мансю:коку коккё:дзикэн канкэй дэнпо: соно 2. Телеграммы инцидентов на границе Маньчжоу-го, том. 2 // Симада мондзё № 111 (Документы Симада №111). (То:кё: дайгаку сякайкагаку кэнкю:дзё тосёкан / Библиотека института общественных наук Токийского университета). 目下ノ状況ニ対スル「リユシコフ」ノ観察 // 満州国国境事件関係電報（其ノ二）島田文書 № 111.
19. Рикугун гидзюцу хомбу. Со-гун : Кагакусэн сидзаи, цу:син кидзаи, бакухацу кидзаи, дзираи руи : Гаисэцу (Советская армия: средства химического оружия, средства связи, взрывчатые средства, мины: общий курс) 1940. (Бо:эйсё: бо:эйкэнкю:дзё сэнси кэнкю: сэнта / Архив исследовательского центра военной истории исследовательского института обороны Министерства обороны). 蘇軍 {化学戦資材、通信器材、爆発器材、地雷類} 概説.

[321] Система архивирования Японии и России имеет много различий. Основным отличием является соединение оригинальных военных документов Японии в тома, в которых документы связаны одной темой так, как если бы в России взяли один фонд и объединили бы под одной обложкой. Внешне такой фонд подобен книге. В этих томах нет понятия "лист из дела", так как исчисление страниц становится книжным.

20. Синадзикэн-си токуго: дайиккан тё:кохо: дзикэн-си фухё: фудзу (Специальный номер истории Японо-китайской войны. Т. 1. История Хасанских боёв: прилагаемые таблицы и карты). (Бо:эйсё: бо:эйкэнкю:дзё сэнси кэнкю: сэнта / Архив исследовательского центра военной истории исследовательского института обороны Министерства обороны). Самбо: хомбу (Генеральный штаб). 支那事變史特號　第一巻　張鼓峯事件史附表附圖.
21. Синадзихэн-си токуго: тё:кохо:дзикэн-си со:ан (Специальный номер по Японо-китайской войне: Проект истории Хасанских боёв). 1939. (Бо:эйсё: бо:эйкэнкю:дзё сэнси кэнкю: сэнта / Архив исследовательского центра военной истории исследовательского института обороны Министерства обороны). Самбо: хомбу (Генеральный штаб). 325 с. 支那事變特號　張鼓峯事件史草案.
22. Тё:дэндзё: даи рокудзю:ни го: (Телеграмма Корейской армии № 62) / Мансо коккё:дзикэн канкэидэн цудзури: соно ни (Книга телеграмм пограничных событий между Маньчжоу-го и СССР) // Симада мондзё № 111 (Документы Симада №111). (То:кё: дайгаку сякайкагаку кэнкюдзё тосёкан / Библиотека научно-исследовательского института социальных наук Токийского университета). 満蘇国境事件関係電綴（其ノ二）// 島田文書 № 111.
23. Тё:кохо:дзикэн (Бои у озера Хасан). 1952. (Бо:эйсё: бо:эйкэнкю:дзё сэнси кэнкю: сэнта: / Архив исследовательского центра военной истории исследовательского института обороны Министерства обороны). Дай ити фукуйн кёку (Первое демобилизационное управление). 張鼓峯事件.
24. Тё:кохо:дзикэн но кэйи (Ход Хасанских боёв). 1938. (Бо:эйсё: бо:эйкэнкю:дзё сэнси кэнкю: сэнта / Архив исследовательского центра военной истории исследовательского института обороны Министерства обороны). Тё:сэнгун сирэйбу (Штаб Корейской армии). 104 с. 張鼓峯事件

ノ経緯.

25. Хохэй дай 75 рэнтай тё:кохо:дзикэн сэнто: сё:хо: 1/2 (Подробный боевой рапорт 75-го полка 1/2). (Бо:эйсё: бо:эйкэнкю:дзё сэнси кэнкю: сэнта / Архив исследовательского центра военной истории исследовательского института обороны Министерства обороны). Хохэй дай 75 рэнтай (75-й полк). 163 с.歩兵第七十五聯隊　張鼓峯事件戦闘詳報　１／２.
26. Хохэй дай 75 рэнтай тё:кохо:дзикэн сэнто: сё:хо: 2/2 (Подробный боевой рапорт 75-го полка 2/2). (Бо:эйсё: бо:эйкэнкю:дзё сэнси кэнкю: сэнта / Архив исследовательского центра военной истории исследовательского института обороны Министерства обороны). Хохэй дай 75 рэнтай (75-й полк). 138 с. 歩兵第七十五聯隊　張鼓峯事件戦闘詳報　２／２.

Сборники документов и мемуары

На русском языке

27. Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. Сборник документов и материалов / Под ред. Ю. А. Полякова [и др.]. – М.: Росспэн, 2007. – 319 с.
28. Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). Т. 21 / Под ред. А. А. Громыко [и др.]. – М.: Изд-во политической литературы, 1977. – 792 с.
29. Пограничные войска СССР 1929–1938. Сборник документов и материалов / П. И Зырянов [и др.]. – М.: Наука, 1972. – 775 с.
30. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2–1). Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937 – 21 июня 1941 г. / В. А. Золотарев [и др.]. – М.: Терра, 1994. – 366 с.
31. Шкадов И. Н. Озеро Хасан. Год 1938. – М.: Военное изд-во, 1988. – 95 с.

На японском языке

32. Акайсидзава Кунихико. Тё:кохо: (Высота Заозёрная). – Токио. Ко:а сёбо:,

1941. – 353 с. 張鼓峰.

33. Гаймусё: о:акёку дай икка (Первый отдел управления Европы и Азии Министерства иностранных дел Японии). Ниссо ко:сё:-си (Японо-советская история переговоров). – Токио. Ганнандо: сётэн, 1942. – 567 с. 日「ソ」交涉史.
34. Гэндаи-си сирё: (10) Ниттю: сэнсо: (3) (Данные Новейшей истории Т. 10: Японо-китайская война №3) / Под ред. Сумита Дзюн. – Токио. Мисудзу сёбо, 1963. – 705 с. 現代史資料（10）日中戦争（三）.
35. Гэндай-си сирё: (12) Ниттю: сэнсо: (4) (Данные Новейшей истории Т. 12 : Японо-китайская война №4) / Под ред. Кобаяси Тацуо [и др.]. – Токио. Мисудзу сёбо:, 1965. – 596 с. 現代史資料（12）日中戦争（四）.
36. Нисимура Тосио. Нисимура Тосио тюса каикороку : Нибунсацу но ни (Воспоминание подполковника Нисимура Тосио 2/2). (Бо:эйтё: бо:эйкэнкю:дзё сэнси кэнкю: сэнта / Архив исследовательского центра военной истории исследовательского института обороны Министерства обороны). 西村敏雄中佐回想録　二分冊の二.
37. Нитта Мицуо. Кёкуто: кокусаи гундзи саибан соккироку даи гокан (Стенограмма международного военного трибунала для Дальнего Востока. Т. 5). – Токио. Ю:сё:до: сётэн, 1968. – 764 с. 極東國際軍事裁判速記録　第五巻.
38. Нитта Мицуо. Кёкуто: кокусаи гундзи саибан соккироку даи дзиккан (Стенограмма международного военного трибунала для Дальнего Востока. Т. 10). – Токио. Ю:сё:до: сётэн, 1968. – 807 с. 極東國際軍事裁判速記録　第一〇巻.
39. Сигэмицу Мамору. Сигэмицу Мамору гаико: каисо:року (Сигэмицу Мамору. Воспоминания дипломата). – Токио. Маинити симбунся, 1978. – 260 с. 重光葵外交回想録.
40. Томинага Камэтаро. Варэра тё:кохо: о сисюсу (Мы обороняли высоту

Заозёрная ценой своих жизней). – Токио. Фуё: сёбо:, 1981. – 299 с. われら張鼓峯を死守す.

41. Цудзи Масанобу. Номонхан (Халхин-Гол). – Токио. Ато: сёбо:, 1950. – 342 с. ノモンハン.

Источники в периодике 30-х годов

На русском языке

42. ИЗВЕСТИЯ. 03.08.1938 – 10.08.1938
43. ПРАВДА. 30.07.1938 – 15.08.1938

На японском языке

44. То:кё: асахи симбун (Газета Токио Асахи). 東京朝日新聞. 14.07.1938 – 23.09.1938

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

45. Антонова Н. Н., Антонов А. Н. Медико-санитарное обеспечение советских войск в районе озера Хасан / Н. Н. Антонова, А. Н. Антонов // Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий. – М.: 2003. – С. 37–43.
46. Балакин В. И. Военный конфликт 1938 г. у озера Хасан: международный аспект / В. И. Балакин // Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий. – М.: 2003. – С. 44–49.
47. Баранова И. Д. Герои Хасана (реликвии Центрального музея Вооруженных Сил) / И. Д. Баранова // Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий. – М.: 2003. – С. 50–54.
48. Большая советская энциклопедия. Т. 41 / Под ред. Б. А. Введенского [и др.]. – М.: «Большая советская энциклопедия», 1956. – 657 с.

49. Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий / Под ред. В. Н. Кузеленкова. – М.: 2003. – 207 с.
50. Буриков П. Д. Безвозвратные и санитарные потери советских войск в боях у озера Хасан / П. Д. Буриков // Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий. – М.: 2003. – С. 55–58.
51. Волков Ф. Д. Подвиг Рихарда Зорге. – М.: Знание, 1976. – 96 с.
52. Галенович Ю. М. Цзян Чжунчжэн, или неизвестный Чан Кайши (Политические деятели Китая. XX век).– М.: ИД «Муравей», 2000. – 368 с.
53. Горобец В., Носов П. Хасанские события. Поиск: «...сразить которых годы не вольны...» / В. Горобец, П. Носов // Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий. – М.: 2003. – С. 59–64.
54. Гундырин М. А. Пограничники — герои хасанских боев (к событиям на оз. Хасан) / М. А. Гундырин // Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий. – М.: 2003. – С. 65–76.
55. Деревянко А. П. Пограничный конфликт в районе озера Хасан в 1938 г. – Владивосток: Уссури, 1998. – 82 с.
56. Душенькин В. В. От солдата до маршала. – М.: Госполитиздат, 1961. – 224 с.
57. Дятлов В. В. «Одной артиллерией можно было все решить». Применение советской артиллерии в вооруженном конфликте у озера Хасан В. В. Дятлов // Военно-исторический журнал. – 2012. – № 7. – 80 с.
58. Жирохов М. А. Большое небо дальней авиации. Советские дальние бомбардировщики в Великой Отечественной войне 1941–1945. – М.: Издательство Центрполиграф, 2014. – 221 с.
59. Захарова Г. Ф. Политика Японии в Маньчжурии 1932–1945. – М.: Наука, 1990. – 262 с.
60. Зелов Н. С. Шефская работа мастеров искусств над бойцами и командирами Особой Дальневосточной армии / Н. С. Зелов // Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий. – М.: 2003. – С. 77–81.

61. Зимонин В. П. Военно-дипломатическая предыстория хасанских событий в документах АВП РФ / В. П. Зимонин // Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий. – М.: 2003. – С. 82–91.
62. Изединов А. А. Война в Испании. Хроника боевых действий 1936–1939 годов. – М.: ООО «АртКом», 2014. – 440 с.
63. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. – Т. 1: Подготовка и развязывание войны империалистическими державами / П. Н. Поспелов [и др.]. – М.: Военное изд-во Министерства обороны Союза ССР, 1960. – 528 с.
64. История второй мировой войны 1939–1945. Т. 2 / А. А. Гречко [и др.]. – М.: Военное изд-во Министерства обороны СССР, 1973. – 531 с.
65. История Японии. 1868–1998. Учебное пособие. – Т. 2. – М.: ИВ РАН, 1998. –703 с.
66. Каймакова С. В. Краеведческая лаборатория: историко-культурное наследие войн / С. В. Каймакова // Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий. – М.: 2003. – С. 92–97.
67. Касахара Кота. Бои у озера Хасан: анализ числа и характера потерь Японии и СССР / Кота Касахара // Российский гуманитарный журнал. – 2017. – Том. 6. – № 4. С. 298–310.
68. Касахара Кота. Какой урок извлекла Япония в боях у озера Хасан? / Кота Касахара // Российский гуманитарный журнал. – 2016. – Том. 5. – № 6. С. 554–564.
69. Касахара Кота. Отношение гражданского населения Дальнего Востока СССР и МаньчжоуГо к боям у озера Хасан / Кота Касахара // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Том. 22. – № 2. С. 127–136.
70. Катунцев И. В. Инцидент подоплека хасанских событий / И. В. Катунцев // Родина. – № 6–7. 1991. – С. 12–18.
71. Кольтюков А. А. Вооруженный конфликт у озера Хасан: взгляд XXI века

/ А. А. Кольтюков // Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий. – М.: 2003. – С. 8–21.

72. Коротаев В. И. Реакция Запада на военный конфликт у озера Хасан (по документам иностранного происхождения РГВА) / В. И. Коротаев // Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий. – М.: 2003. – С. 98–101.
73. Котельников В. Было дело на Хасане / В. Котельников // Авиамастер. – 2003. – №2. – С. 12–18.
74. Кошкин А. А. «На границе тучи ходят хмуро...» / А. А. Кошкин // Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий. – М.: 2003. – С. 102–110.
75. Кузеленков В. Н. Документы Российского государственного военного архива по истории военного конфликта в районе озера Хасан в 1938 г. / В. Н. Кузеленков // Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий. – М.: 2003. – С. 22–29.
76. Кутаков Л. Н. История советско-японских дипломатических отношений. – М.: Издательство ИМО, 1962. – 560 с.
77. Кривошеев Г. Ф. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. – М.: Вече, 2010. – 619 с.
78. Меморандум о позитивной политике в Маньчжурии, представленный 25 июля 1927 г. премьером Танака императору Японии / Коммунистический интернационал. – 1931. – № 33–34. – С. 47–62.
79. Нагаев И. М. К уточнению потерь советских войск в период боевых действий в районе озера Хасан в 1938 г. / И. М. Нагаев // Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий. – М.: 2003. – С. 111–116.
80. Нагаев М. И. Участники боев на Хасане — герои Великой Отечественной войны / М. И. Нагаев // Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий. – М.: 2003. – С. 117–121.
81. Нагаева Е. И. «Бог войны» у озера Хасан (боевая деятельность

артиллерии в период боевых действий в районе озера Хасан в 1938 г.) / Е. И. Нагаева // Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий. – М.: 2003. – С. 122–125.

82. На границе тучи ходят хмуро (К 65-летию событий у озера Хасан) / А. А. Кольтюков [и др.]. – М.: Кучково поле, 2005. – 399 с.
83. Осипов Ю. Подвиг героев Хасана / Ю. Осипов // Красное знамя. 1988.5.07.
84. Петров В. Н. Они пали за Родину (о месте событий в районе озера Хасан в военной истории Отечества) / В. Н. Петров // Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий. – М.: 2003. – С.126–129.
85. Пиков А. Боевые действия авиации в период событий у озера Хасан А. Пиков // Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий. – М.: 2003. – С.130–134.
86. Политическое управление РККА. Документы советского патриотизма. – М.: Государственное изд-во наркомата обороны Союза ССР, 1939. – 387 с.
87. Советская военная энциклопедия. Т. 8 / А. А. Гречко [и др.] – М.: Военное изд-во министерства обороны СССР, 1980. – 687 с.
88. Тархова Н. С. Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд археографа / Н. С. Тархова // Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий. – М.: 2003. – С.135–141.
89. Тихвинский С. Л. Россия – Япония. Обречены на добрососедство. – М.: Наука, 1992. – 159 с.
90. Харитонова Е. В. Фотодокументы по истории военных действий в районе озера Хасан и р. Халхин-гол из фондов Российского государственного архива кинофотодокументов: проблемы архивоведения / Е. В Харитонова // Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий. – М.: 2003. – С.151–154.
91. Черевко К. Е. Серп и молот против самурайского меча. – М.: Вече. 2003. – 384 с.
92. Черевко К. Е. Советско-японский конфликт в районе озера Хасан в 1938 г. / К. Е. Черевко // Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд через

шесть десятилетий. – М.: 2003. – С.155–165.

93. Шишов А. В. Россия и Япония. История военных конфликтов. – М.: Вече. 2000. – 572 с.
94. Яковец А. П. Подвиг на границе 75лет военному конфликту у озера Хасан 1938–2013. – Владивосток: Русский остров, 2013. – 212 с.
95. Японский милитаризм / Под ред. акад. Е. М. Жукова. – М.: Наука, 1972. – 375 с.

На японском языке

96. Арита Хатиро. Бакахати то хито ва йу (Люди зовут меня Бакахати). – Токио. Ко:вадо:, 1959. – 302 с. 馬鹿八と人はいう.
97. Арувин Д. Куккусу. Мо:хитоцу но номонхан Тё:кохо:дзикэн 1938 нэн но ниссо фунсо: но ко:сацу (Ещё один Халхин-Гол. Хасанские бои: Рассмотрение японо-советского конфликта 1938 г.). – Токио. Хара сёбо:, 1998. – 409 с. もう一つのノモンハン 張鼓峯事件 1938 年の日ソ紛争の考察.
98. Бо:эйтё: бо:эйкэнкю:дзё сэнсисицу (Бюро военной истории исследовательского института обороны Управления обороны Японии). Сэнсисо:сё 27 канто:гун (1) тайсо сэмби номонхан дзикэн (Военная историческая серия. Т. 27. Квантунская армия (1): Подготовка к бою против СССР – Бои на Халхин-Голе). – Токио. Асагумо симбунся, 1969. – 751 с. 戦史叢書　関東軍（1）対ソ戦備ノモンハン事件.
99. Гаймусё: (Министерство иностранных дел Японии). Нихон гаико: нэмпё: нарабини сюё: бунсё дзё: кан (Японские дипломатические хронологические таблицы и главные документы Т. 1). – Токио. Хара сёбо:, 1935. – 540 с. 日本外交年表竝主要文書　上巻.
100. Гаймусё дзё:хо:бу (Разведывательная служба Министерства иностранных дел Японии). Тё:кохо:дзикэн но ханкё: : Каккоку ва дзикэн о икани мирука (Отклики на Хасанские бои: Как каждая страна видела

данный инцидент) // Сюхо:（Еженедельное донесение）. – 1938. – № 97. – С. 30–34. (Кокурицу ко:бунсё кан / Государственный Архив). 張鼓峰事件の反響 各国は事件を如何にみるか // 週報.

101. Икэи Масару. Нихон кокусаирэнмэи кё:каи: соно сэирицу то хэнсицу (Япония в Лиге Наций: Её организация и дегенерация) 日本国際連盟協会 その成立と変質. // Хо:гаку кэнкю: (Юридическое исследование). – 1995 – № 62–2. – С. 23–48. 日本国際連盟協会 その成立と変質. // 法学研究.

102. Инада Масадзуми. Сорэн кёкуто: гун тоно тайкэцу – тё:кохо:, номонхан дзикэн но дзэмбо: хироку (Очная ставка с дальневосточной армией СССР: Секретный документ общего вида Хасанских боёв и боёв на Халхин-Голе) // Бэссацу Тисэй Химэрарэта сё:ва-си (Тисэй. Отдельный Том: Сокрытая история периода Сёва). – 1956. – С. 276–298. ソ連極東軍との対決－張鼓峰・ノモンハン事件の全貌秘録. // 別冊　知性　秘められた昭和史.

103. Ино Тэнтаро. «Танака дзё:со:бун» о мэгуру ни сан но мондай (Несколько проблем, связанных с «Меморандумом Танака») / Кокусай сэйдзи (Международная политика). – 1964. – № 26. – С. 72–87. 「田中上奏文」をめぐる二三の問題. // 国際政治.

104. Касахара Кота. Ниссо тё:кохо:дзикэн-си (История японо-советского конфликта у озера Хасан). – Токио. Кинсэй ся, 2015. – 180 с. 日ソ張鼓峯事件史.

105. Касахара Кота. Сококу бо:эйсэн тоситэно Тё:кохо:дзикэн - Сорэн дзю:мин но сиэн о тю:син ни (Хасанские бои как бои по обороне отечества: взгляд на поддержку жителей СССР) // Дайгакуин ронсю: (Сборник аспирантуры). – 2014. – № 24. – С. 39–62. 「祖国防衛戦」としての張鼓峯事件－ソ連住民の支援活動を中心に－ // 大学院論集.

106. Касахара Кота. Сорэн гаико: бунсё кара мита Тё:кохо:дзикэн

(Хасанские бои: взгляд через советские дипломатические документы) // Гундзиси-гаку (Наука военной истории). – 2014. – №49–4. – С. 76–94. ソ連外交文書からみた張鼓峯事件. // 軍事史学.

107. Касахара Кота. Сорэн гун (Росиа гава) сирё: то: кара мита Тё:кохо:дзикэн (Хасанские бои: переосмысление через советские и российские армейские документы) // Гундзиси-гаку(Наука военной истории). – 2012. – № 48–3. – С. 70–90. ソ連軍（ロシア側）史料等からみた張鼓峯事件. // 軍事史学.

108. Ко:сикин А. А. Дзюкуси сэнряку но хатан – Ниссо тю:рицу дзё:яку о ябуттанова дарэка (Крах выжидательной стратегии: Кто нарушил Пакт о нейтралитете между СССР и Японией). – Токио. Нингэн ся, 1985. – 262 с. 熟柿戦略の破綻 日ソ中立条約を破ったのは誰か.

109. Миясуги Хироясу. Сё:ва сэндзэнки нихон гун но таисо дзё:хо: кацудо: (Японские армейские разведывательные действия против СССР начала периода Сёва) // Гундзи-си гаку (Наука военной истории). – 2013. – №49–1. – С. 96–114. 昭和戦前期日本軍の対ソ情報活動. // 軍事史学.

110. Миясуги Хироясу. Тё:кохо:дзикэн ниокэру нихонрикугун но дзё:хо: кацудо: (Японские армейские разведывательные действия во время Хасанских боёв) // Intelligence. – 2013. – № 13. – С. 45–55. 張鼓峰事件における日本陸軍の情報活動. // Intelligence.

111. Накамура Сатоси. Мансо коккё:фунсо:-си (История конфликтов Маньчжоу-го и СССР). – Токио. Каидзо:ся, 1939. – 400 с. 満ソ国境紛争史.

112. Накаяма Такаси. Канто:гун (Квантунская армия). – Токио. Ко:дан ся, 2000. – 286 с. 関東軍.

113. Накаяма Такаси. Тё:кохо:дзикэн но сайкэнто: – Тайхэйё: сэнсо: ни мукаттэ – (Пересмотр Хасанских боёв: По направлению к войне на Тихом океане) // Син бо:эй ронсю: (Новый сборник обороны). – 1983. – №11–2. – С. 79–99. －張鼓峯事件の再検討－太平洋戦争に向かって. // 新防衛論集.

114. Накаяма Такаси. Тё:кохо:дзикэн саико: (Пересмотр Хасанских боёв) // Бо:эйдайгакко: киё: (Бюллетень Национальной академии обороны Японии). – 1995. – № 70. – С. 91–105. 張鼓峰事件再考. // 防衛大学校紀要.

115. Никка Курабу. Синадзин но мита нихон но ман-мо: сэйсаку (Японская политика в отношении Маньчжурии и Монголии, увиденная глазами китайцев). – Токио. Никка Курабу, 1930. – 70 с. 支那人の観た日本の満蒙政策.

116. Нисино Тацукити. Надзо но бо:мэйся люсикофу (Загадочный эмигрант Люшков). – Токио. Санъити сёбо:, 1979. – 210 с. 謎の亡命者リュシコフ.

117. Нихон кокусай сэйдзи гаккай. Тайхэйё: сэнсо: гэйин кэнкю:бу (Отдел исследований причин войны на Тихом океане Японского международного общества). Тайхэйё: сэнсо: эно мити дай 4 кан ниттю: сэнсо: гэ (Путь к войне на Тихом океане. Т. 4: Японо-китайская война Т. 2). – Токио. Асахи симбун ся, 1963. – 426 с. 太平洋戦争への道 第四巻 日中戦争〈下〉.

118. Рикугунсё: симбун хан (Группа газет министерства армии). Тё:кохо:дзикэн но кэйи (Ход Хасанских боёв) // Сю:хо: (Еженедельное донесение). – 1938. – № 93. – С. 20–23. 張鼓峰事件の経緯. // 週報.

119. Суравинсуки: Борису. Ниссо сэнсо: эно мити. Номонхан кара тисима сэнрё: мадэ (Путь к японо-советским конфликтам: От Халхин-Гола до оккупации Курильских островов). – Токио. Кё:до:цу:син ся, 1999. – 552 с. 日ソ戦争への道　ノモンハンから千島占領まで.

120. Сутюа:то Д. Го:рудоман. Голдман. Номонхан 1939 Дайнидзи сэкайтайсэн но сирарэдзару ситэн (Халхин-Гол 1939: Неизвестная отправная точка Второй мировой войны). – Токио. Мисудзу сёбо:. – 312 с. ノモンハン 1939　第二次世界大戦の知られざる始点.

121. Сигэмицу Мамору. Сёва но до:ран дзё: (Потрясения в период Сёва. Т. 1). – Токио. Тю:о:ко:рон ся, 1952. – 716 с. 昭和の動亂 上.

122. Харада Кумао. Саиондзико: то сэйкёку дай 7 кан (Принц Саиондзи и политическое положение. Т. 7). – Токио. Иванами сётэн, 1952. – 395 с. 西園寺公と政局　第 7 巻.

123. Хата Икухико. Мэй то ан но номонхан сэнси (Светлая и тёмная истории боёв на Халхин-Голе). – Токио. PHP кэнкю:дзё, 2014. – 424 с. 明と暗のノモンハン戦史.

124. Хата Икухико. Ниттю: сэнсо:си (История японо-китайской войны). – Токио, Кавадэ сёбо: синсё, 2011. – 387 с. 日中戦争史.

125. Хаяси Сабуро:. Канто:гун то кёкуто:сорэнгун (Квантунская армия и Дальневосточная армия СССР). – Токио. Фуё: сёбо:, 1974. – 320 с. 関東軍と極東ソ連軍.

126. Хираи Томоёси. Ста-рин но сэкигун сюкусэи – Тоусуибу дзэнмэцу но надзо о оу (Чистки Красной Армии Сталина: исследование загадки полного уничтожения верховного командования). – Токио. Тоуё: сётэн, 2012. – 63 с. スターリンの赤軍粛清 統帥部全滅の謎を追う.

127. Это Синкити. Это Синкити тёсакусю: дай сан кан: Ниддзюсэйки ниттю: канкэйси (Сборник литературных работ Это: Синкити, Т. 3. История взаимоотношений Японии и Китая в XX веке). – Токио. То:хо: сётэн, 2004. – 265 с. 衛藤瀋吉著作集　第三巻　二十世紀日中関係史.

На английском языке

128. Chang Iris. The Rape of Nanking: The Forgotten Holocaust of the World War II. – London, Penguin Book Ltd., 1998. – 290 p.

129. Coox Alvin D. The Anatomy of a Small War: the Soviet-Japanese Struggle for Changkufeng / Khasan, 1938. – London, Praeger Pub, 1977. – 409 p.

130. Goldman Stuart D. NOMONHAN, 1939: The Red Army's Victory That Shaped World War II. – Maryland, Naval Institute Press, 2013. – 226 p.

131. Kawakami K. K. Japan speaks: On the Sino-Japanese crisis. – New York.

The Macmillan company, 1932. – 184 p.

132. Mackintosh, J. Malcolm. Juggernaut: A History of the Soviet Armed Forces. – London: Secker and Warburg, 1967.

133. Morton William F. Tanaka Giichi and Japan's China Policy. – Folkestone, Dawson, 1980. – 329 p.

134. Sun Youli. China and the Origins of the Pacific War, 1931–1941. – New York, St. Martin's Press, 1993. – 244 P.

135. The Encyclopedia Americana, vol. 26. – Danbury, Americana corporation, 1979. – 926 p.

136. The New Encyclopedia Britannica, vol. 11. – Chicago, the University of Chicago, 1989. – 950 p.

Материалы из интернета

На русском языке

137. Молодяков Василий. «Меморандум Танака»: конец фальшивки // Новое Восточное Обозрение. [Электронный документ]. URL*:* http://ru.journal-neo.com/node/3367 (дата обращения: 15.01.2018).

138. Поражение японских войск у озера Хасан в июле-августе 1938 г. // Министерство обороны Российской Федерации: [Электронный документ]. URL: http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=11800884@cmsArticle (дата обращения: 18.12.2015).

На японском языке

139. Бакуси сэнгю: ни тайси хосё:кин фуё но кэн (Компенсация за коров, погибших при взрыве) // Japan Center for Asian Historical Records, [Электронный документ]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html (Reference Code: C01002277200) (дата обращения: 11 декабря 2016).

140. Дай 19 сидан: Тё:кохо: дзикэн сэнсэки сэцумэйдзу. Сё:ва 13 нэн 7 гацу

дзё:дзюн - сё:ва 13 нэн 8 гацу 11 нити. (Схема мест боевых действий у озера Хасан 19-ой дивизии. С начала июля до 11 августа) // Japan center for Asian historical records. [Электронный документ]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html (Reference code: C13071198200. C. 1) (дата обращения: 27.02.2018).

141. Консюн кайяку (Хуньчуньский протокол) / Мансо коккё: канкэй дзё:якусю: (Сборник договоров отношений между Маньчжоу-го и СССР с 1689 по 1924) // Japan center for Asian historical records. [Электронный документ]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html (Reference code: C13010035100) (дата обращения: 06.10.2018). 琿春界約 // 満ソ国境関係条約集 1689–1924.

142. Сицуму хо:коку дзи сё:ва дзю: нэн дзю:ни гацу итари сё:ва дзю:ити нэн дзю:ити гацу (1) (Доклады служб с декабря 1935 г. по ноябрь 1936 г. № 1) / Тэйкоку кайги дзаккэн сэцумэисирё: канкэй дай 5 кан. (Документы имперских советов Японии.Т. 5) // Japan Center for Asian Historical Records. [Электронный документ]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html (Reference Code: B02031355700) (дата обращения: 18.12.2015). 執務報告 自昭和十年十二月至昭和十一年十一月 // 帝国議会関係雑件 説明資料 関係 第五巻.

143. Сицуму хо:коку. Сё:ва дзю:саннэндо о:акёку дай икка / 1938 нэн (О:а ити-хати). (Доклад 1-го отдела МИД: Сёва 13-й год) // Japan Center for Asian Historical Records. [Электронный документ]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html (Reference Code: B10070094600) (дата обращения: 11.12.2016). 執務報告 昭和十三年度欧亜局第一課 1938 年.

144. Тё:кохо:дзикэн но мансю:коку минсин ни оёбоситару эйкё: ни кансуру кэн (Дело о влиянии, оказанном на чувства жителей Маньчжоу-го конфликтом у оз. Хасан) // Japan Center for Asian Historical Records. [Электронный документ]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html

(Reference Code: C01003421300) (дата обращения: 11.12.2016). 張鼓峯事件の満洲国民心に及ぼしたる影響に関する件.

145. Тё:кохо: дзикэн сё:рай ни кансуру кэн (Будущие вопросы боёв у озера Хасан). // Japan center for Asian historical records. [Электронный документ]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html (Reference Code: C01003380000) (дата обращения: 21.10.2017). 張鼓峰事件将来に関する件.

146. Тё:кохо:дзикэн то мансю:коку (Хасанские бои и Маньчжоу-го) / Мансюкоку коккё: тихо: ни окэру фунсо: дзаккэн Соман канкэи Тё:кохо:дзикэн (Пограничные конфликты на границе Маньчжоу-го: советско-маньчжурские отношения и Хасанские бои) // Japan Center for Asian Historical Records. [Электронный документ]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html (Reference Code: B02031259500) (дата обращения: 11.12.2016). 張鼓峯事件ト満州国 / 満州国国境地方ニ於ケル紛争雑件 蘇満関係 張鼓峰事件.

147. Тё:кохо: фукин коккё: дзё:яку ко: «Консюн кайяку о тю:син то ситэ» (Договоры границы у высоты Заозёрная: Взгляд через Хуньчуньский договор) // Japan center for Asian historical records [Электронный документ]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html (Reference code: B02031259700) (дата обращения: 21.10.2017). 張鼓峯附近国境条約考（琿春界約ヲ中心トシテ）// 満州国国境地方ニ於ケル紛争雑件 蘇満関係 張鼓峰事件.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. Высота Заозёрная. Вид с территории СССР

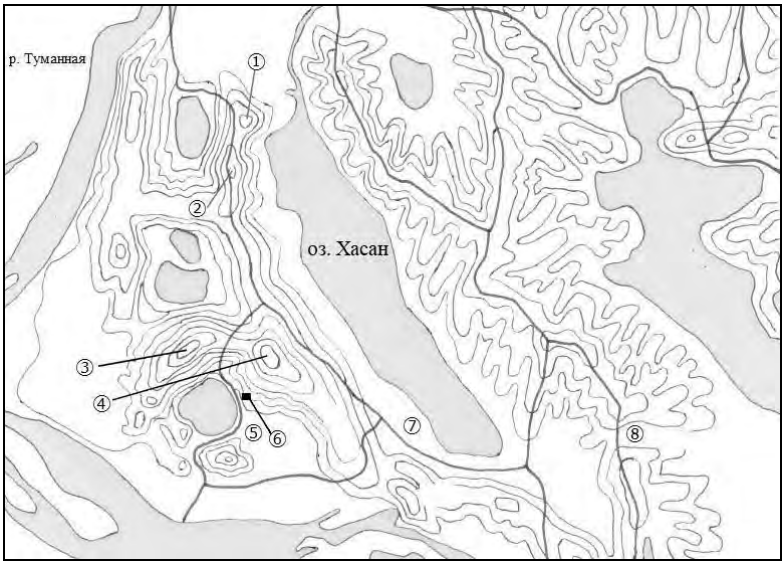
Название высоты произошло от самого пейзажа «На противоположном берегу»

Источник: Из личного архива А. П. Яковца

Рис. 2. Схема окрестностей вокруг высоты Заозёрной

Источник: Составлена автором диссертационного исследования на основе карты 1 из Alvin D. Coox. The Anatomy of a Small War: the Soviet-Japanese Struggle for Changkufeng / Khasan, 1938. – London, Praeger Pub, 1977. – C. 4.

Рис. 3. Физическая карта окрестностей высоты Заозёрная



① выс. Безымянная.

② выс. южнее Безымянной.

③ выс. Богомольная.

④ выс. Заозёрная.

⑤ Дигашели.

⑥ здание с белыми стенами (младшая школа).

⑦ выс. Пулемётная Горка.

⑧ выс. 29

Источник: Составлена автором диссертационного исследования на основе Синадзихэн-си токуго: тё:кохо: дзикэн-си со:ан фудзу (Специальный номер истории Японо-китайской войны. Проект истории Хасанских боёв: прилагаемые карты). (Бо:эйсё: бо:эйкэнкю:дзё сэнси кэнкю: сэнта / Архив исследовательского центра военной истории исследовательского института обороны Министерства обороны). Самбо: хомбу (Генеральный штаб). Список. 24, 25.

Рис. 4. Схема пограничных линий между СССР и Маньчжурией, на которой настаивала японская сторона (издание 1952 г.)

Источник: Тё:кохо:дзикэн (Бои у озера Хасан) (Бо:эйсё: бо:эйкэнкю:дзё сэнси кэнкю: сэнта: / Архив исследовательского центра военной истории исследовательского института обороны Министерства обороны). Дай ити фукуйн кёку (Первое демобилизационное управление). – 1952. – С. 2.

Рис. 5. Контурная схема рис. 4

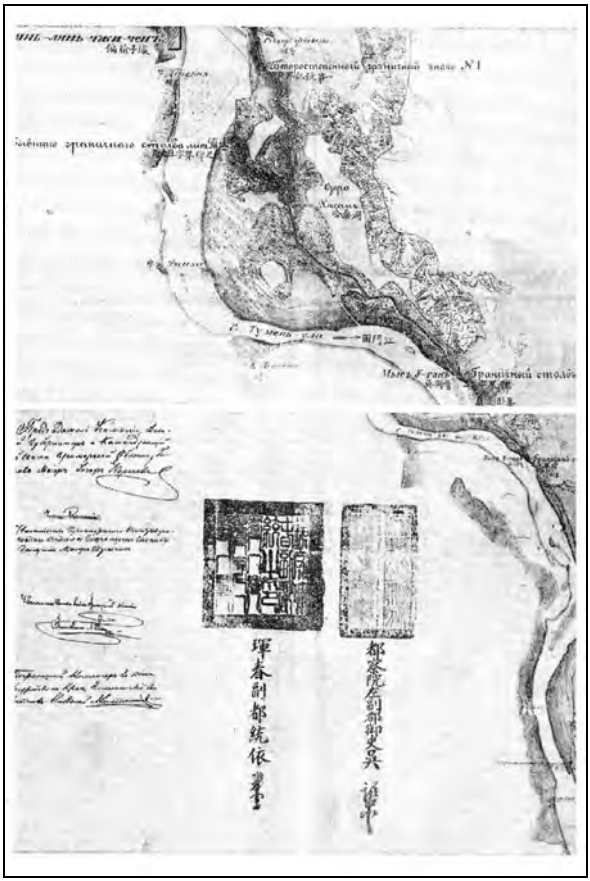
① Граница по Хуньчуньскому соглашению 1886 г.

② Граница по карте трёх северо-восточных провинций (Ляонин, Гирин, Хэйлунцзян) армейского геодезического бюро, составленной в период между 1915–1920 гг.

③ Граница по карте Генерального штаба Российской Империи 1911 г.

Источник: Бо:эйтё: бо:эйкэнкю:дзё сэнсисицу (Бюро военной истории исследовательского института обороны Управления обороны Японии). Сэнсисо:сё 27 канто:гун (1) тайсо сэмби номонхан дзикэн (Военная историческая серия. Т. 27. Квантунская армия (1): Подготовка к бою против СССР — Бои на Халхин-Голе). – Токио. Асагумо симбунся, 1969. – С. 340.

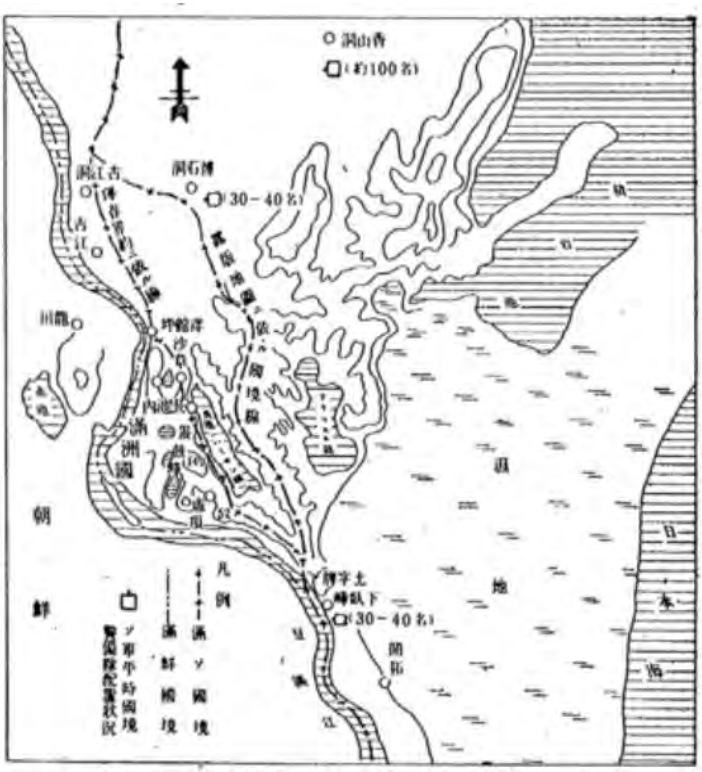
Рис. 6 Карта прохождения границы, составленная согласно Хуньчуньскому соглашению, предъявленная СССР во время переговоров 15 июля 1938 г.



Источник: ИЗВЕСТИЯ (3 августа 1938). (Пограничные линии, оз. Хасан и выс. Заозёрная обозначены автором исследования).

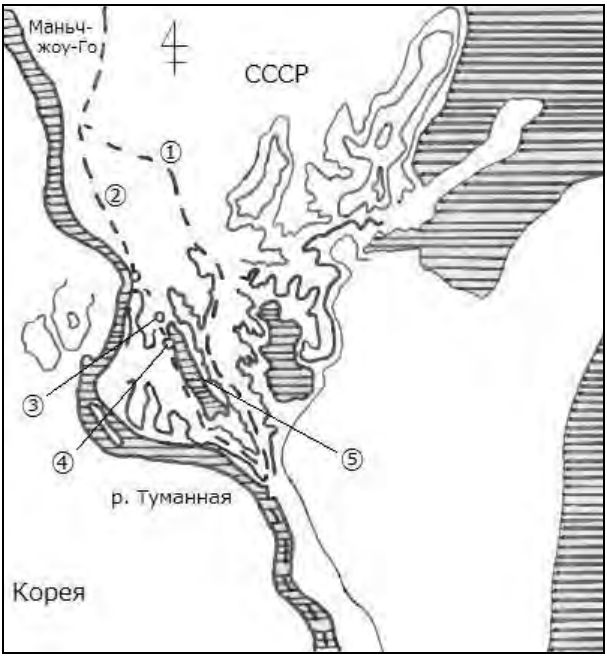
* Оригинал Хуньчуньского договора находится в Архиве Внешней Политики Российской Империи. Ф. Трактаты. Оп. 3.1886. Д. 905. Л. 2–5.

Рис. 7 Линии границы, указанные газетным звеном Армии Японии (7 июля 1938)



Источник: Рикугунсё: симбун хан (Группа газет министерства армии). Тё:кохо:дзикэн но кэйи (Ход Хасанских боёв) // Сю:хо: (Еженедельное донесение). – 1938. – № 93. – С. 22.

Рис. 8 Контурная схема Рис. 7



① Граница по карте Российской Империи (1861 г.).

② Граница по Хуньчуньскому соглашению (1886 г.).

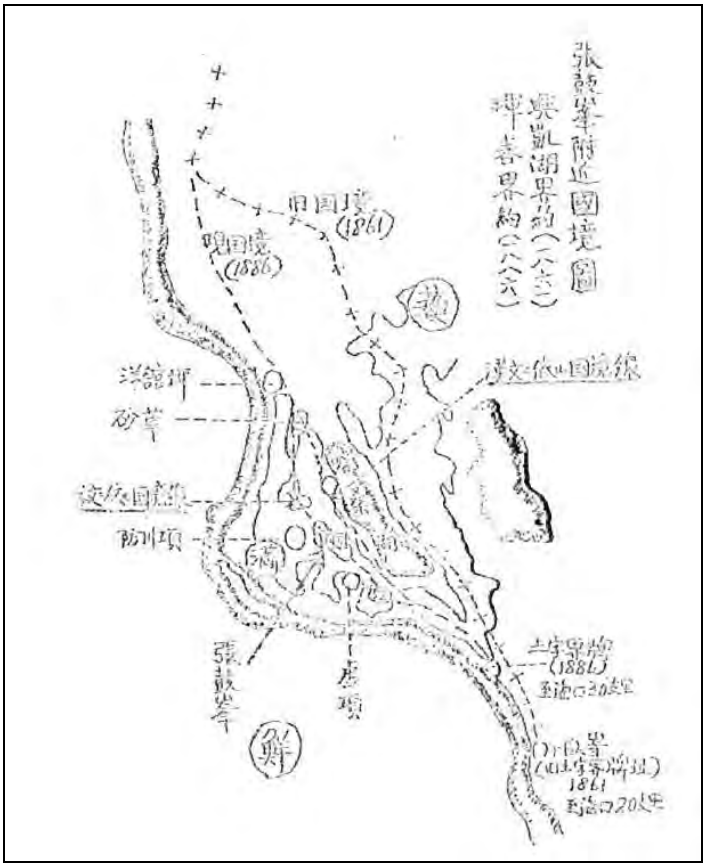
③ выс. Безымянная.

④ выс. Заозёрная.

⑤ оз. Хасан.

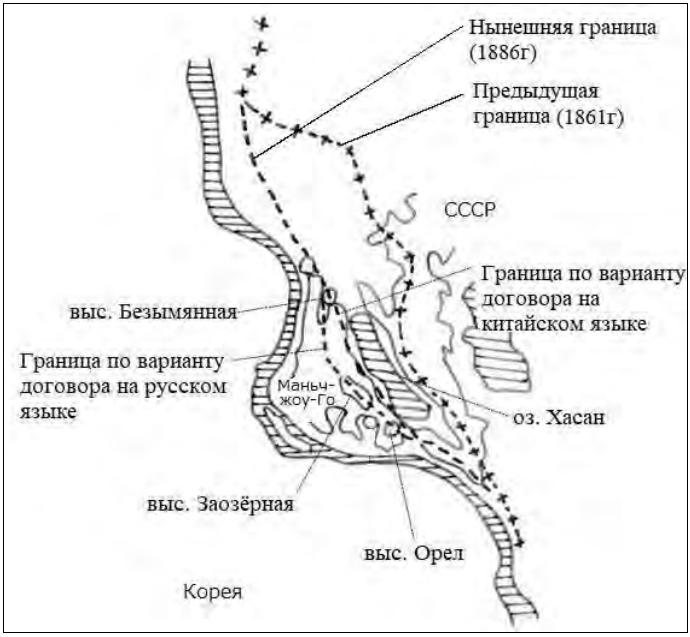
Источник: Составлена автором диссертационного исследования.

Рис. 9. Линия границы по мнению японской международной ассоциации (август 1938 г.)



Источник: Тё:кохо: фукин коккё: дзё:яку ко: «Консюн кайяку о тю:син то ситэ» (Договоры границы у высоты Заозёрная: Взгляд через Хуньчуньский договор) // Japan center for Asian historical records. [Электронный документ]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html (Reference code: B02031259700. C. 12) (дата обращения: 21.10.2017).

Рис. 10. Контур карты на рис. 9



Источник: Составлена автором диссертационного исследования.

Рис.11. Советские солдаты, принявшие участие в первых сражениях у оз. Хасан (фото от 29 июля)

Источник: А. П. Яковец.

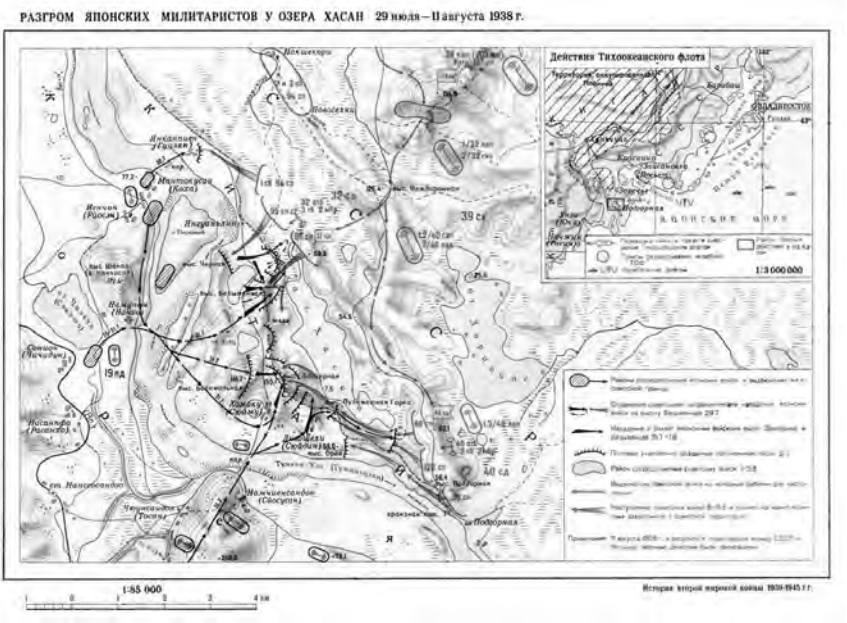
Рис. 12 Сбитый советский самолет. 1 августа 1938 г.

Источник: Синадзикэн токуго: тё:кохо:дзикэн-си со:ан (Специальный номер по Японо-китайской войне: Проект истории Хасанских боёв). 1939. (Бо:эйсё: бо:эйкэнкю:дзё сэнси кэнкю: сэнта / Архив исследовательского центра военной истории исследовательского института обороны Министерства обороны). Самбо: хомбу (Генеральный штаб). – С. 78.

Рис. 13. Советский танк, подбитый войсками под командованием Такэноути

Источник: Синадзикэн токуго: тё:кохо:дзикэн-си со:ан... С. 60.

Рис. 14. Карта боевых действий у озера Хасан



Источник: История второй мировой войны 1939–1945. Т. 2 / А. А. Гречко [и др.]. – М.: Военное изд-во министерства обороны СССР. – 1974. – Карты. – С. 9.

Рис. 15. Представители двух делегаций переговорщиков в белостенном здании младшей школы

В центре фигура спиной к камере — полковник Тё, рядом с ним лицом к камере — комкор Штерн.

Источник: Синадзикэн токуго: тё:кохо:дзикэн-си со:ан... – С. 297.

Рис.16. Японские военные, направляющиеся на повторную встречу делегации (дата фото неизвестна)

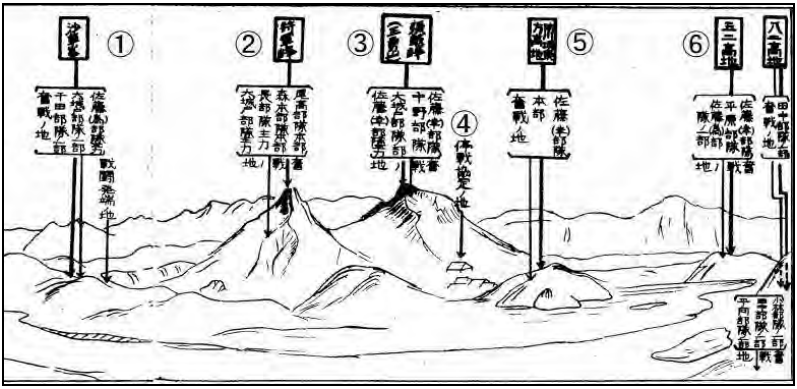
Слева в очках — полковник Тё.

Источник: А. П. Яковец.

Рис.17. Фото советских солдат на высоте Заозёрная

Источник: А. П. Яковец.

Рис. 18. Позиции японских военных на момент подписания договора о прекращении огня 11 августа 1938 года



① выс. Безымянная.

② выс. Богомольная.

③ выс. Заозёрная.

④ место переговоров между Штерном и Тё (младшая школа).

⑤ Дигашели.

⑥ выс.Орёл.

Источник: Дай 19 сидан: Тё:кохо: дзикэн сэнсэки сэцумэйдзу. Сё:ва 13 нэн 7 гацу дзё:дзюн - сё:ва 13 нэн 8 гацу 11 нити. (Схема мест боевых действий у озера Хасан 19-ой дивизии. С начала июля до 11 августа) // Japan center for Asian historical records. [Электронный документ]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html (Reference code: C13071198200. С. 1) (дата обращения: 27.02.2018).

Таблица 1. Потери советских войск в боях у озера Хасан

Виды потерь	Командиры	Мл. командиры	Бойцы	Всего
Безвозвратные				
Убито и умерло от ран на этапах санитарной эвакуации	136	153	470	759
Умерло от ран и болезней в госпиталях	11	11	78	100
Пропало без вести	2	12	81	95
Погибло в катастрофах в результате происшествий	3	2	1	6
ИТОГО	152	178	630	960
% к потерям	15.8	18.5	65.6	100
% к потерям	9.3	5.2	3.5	4.2
Санитарные				
Ранено, контужено, обожжено	290	406	2056	2753
Заболело	37	79	411	527
ИТОГО	327	485	2467	3279
% к потерям	10	14.8	75.2	100
% к численности	20	14.1	13.8	14.3

*Г. Ф. Кривошеев. Россия и СССР в войнах XX век. Книга потерь. М., 2010. С.153.
(так как в книге Кривошеева есть небольшие ошибки в подсчётах внутри таблиц, автор ещё раз пересчитал данные таблиц).

** Общее число советских войск сводится к числу22950 чел.

Таблица 2. Среднемесячная численность советских войск, участвовавших в боевых действиях

Всего личного состава в действующих войсках	В том числе		
	Командиры	Мл. командиры	Бойцы
22950	1636	3442	17872

*Г. Ф. Кривошеев. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 154

* Из таблицы 3 также становится понятно, что общее число советских войск сводится к числу 22950 чел.

Таблица 3. Потери личного состава по родам войск

Рода войск	Категории военнослужащих	Виды потерь		
		Убито	Ранено	Пропало без вести
Стрелковые войска	Командиры	55	268	5
	Мл. командиры	68	391	1
	Бойцы	243	2056	7
	Итого	366	2715	13
	В процентах	91.1	98.7	72.2
Танковые войска	Командиры	10	22	-
	Мл. командиры	23	15	5
	Итого	33	37	5
	В процентах	8.2	1.3	27.8
Артиллерия (корпусная)	Мл. командиры	1	-	-
	Бойцы	1	-	-
	Итого	2	-	-
	В процентах	0.5	-	-
Связь	Командиры	1	-	-
	Итого	1	-	-
	В процентах	0.2	-	-
Всего	**Количество**	**402**	**2752**	**18**

*Г. Ф. Кривошеев. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 155. (Убито всего 960, однако в этой таблице написано только о 402 из них).

Таблица 4. Передвижение раненых и больных

Санитарные потери	**Показатели**	**Всего поступило в медучреждения**	**Из них**		
			Возвращено в строй	**Уволено, предоставлено отпусков**	**Умерло**
Раненые, контуженные, обожженные	Количество	2752	1973	470	93
	%	100	71.7	17	3.4
Больные	Количество	527	271	115	1
	%	100	51.4	21.8	0.2
Итого	Количество	**3279**	**2444**	**585**	**94**
	%	100	68.4	17.9	2.9

*Г. Ф. Кривошеев. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 154.
(Так как в книге встречаются небольшие ошибки в подсчётах внутри таблиц, автор диссертационной работы ещё раз пересчитал данные таблиц).

Таблица 5. Виды ранений

Виды ранений	**Число ранений**	**В % к общему числу ранений**
Пулевые	869	31.6
Осколочные	1498	54.4
От холодного оружия	110	4
Смешанные	275	10
Итого	2757	100

*Г. Ф. Кривошеев. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 154.

Таблица 6. Список потерь Японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове

Виды потерь		Род войск 19 дивизии									Сумма общих потерь
		73 полк	74 полк	75 полк	76 полк	25 гор.-арт. полк	5 зен.-арт. полк	19 инж. полк	Другие	Всего	
Пулевые	Убито	32	-	91	58	2	2	5	2	192	**1438** (*2)
	Ранено	36	13	139	93	5	17	12	8	323	
	Итого	68	13	230	151	7	19	17	10	**515**	
От арт. Орудий	Убито	65	2	96	35	16	-	5	10	229	
	Ранено	43	14	131	48	24	11	11	21	303	
	Итого	108	16	227	83	40	11	16	31	**532**	
От ручных гранат	Убито	2	-	45	40	-	-	-	1	88	
	Ранено	10	-	179	47	1	-	-	2	239	
	Итого	12	-	224	87	1	-	-	3	**327**	
От воздушных бомбардировок	Убито	1	2	2	1	-	2	-	-	8	
	Ранено	2	3	3	6	-	14	-	2	30	
	Итого	3	5	5	7	-	16	-	2	**38**	
От холодного оружия	Убито	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	Ранено	-	-	2	1	-	-	-	1	4	
	Итого	-	-	2	1	-	-	-	1	**4**	
Другие (*1)	Убито	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	Ранено	1	2	13	3	2	-	-	1	22	
	Итого	1	2	13	3	2	-	-	1	**22**	

* Синадзикэн-си токуго: даийккан тё:кохо: здикэн-си фухё: фудзу (Специальный номер истории Японо-китайской войны Т.1. : История боёв у озера Хасан : прилагаемые таблицы и карты). (Бо:эйсё: бо:эйкэнкю:дзё сэнси кэнкю: сэнта / Архив исследовательского центра военной истории исследовательского института обороны министерства обороны Японии). Самбо: хомбу (Генеральный штаб). Список 4 (2).

(*1) 15 полевой тяж. арт. полк, 2 эскадрон 27го кав. полка, пограничные войска 19 дивизии, экстренные санитарные войска, войска связи, штаб 19 дивизии.

(*2) 2 человека пропали из общих потерь Японии (1440 людей).

Таблица 7. Основные части Красной армии, принимавшие участие в боях у оз. Хасан

Дальневосточный фронт			
39 стрелковый корпус			
32 стрелковая дивизия, 40 стрелковая дивизия, 2 механизированная бригада			
Полки	94 стрелковый полк 32 сд	Артиллерийские дивизионы	Отдельный истребительно-противотанковый дивизион 32 сд
	95 стрелковый полк 32 сд		Отдельный зенитный дивизион 32 сд
	96 стрелковый полк 32 сд		Артиллерийский парковый дивизион 32 сд
	32 легкий артиллерийский полк 32 сд		Отдельный истребительно-противотанковый дивизион 40 сд
	118 стрелковый полк 40 сд		Отдельный зенитный дивизион 40 сд
	119 стрелковый полк 40 сд		Артиллерийский парковый дивизион 40 сд
	120 стрелковый полк 40 сд	Роты	Отдельная дегазационная рота 32 сд
Батальоны	Отдельный танковый батальон 32 сд		Отдельная ремонтно-восстановительная рота 32 сд
	Отдельный разведывательный батальон 32 сд	Авиационные звенья	Авиазвено 32 сд
	Отдельный саперный батальон 32 сд		Авиазвено 40 сд
	Отдельный батальон связи 32 сд	Батареи	Штабная батарея 32 сд
	Медико-санитарный батальон 32 сд		Штабная батарея 40 сд
	Отдельный танковый батальон 40 сд	Взводы	Взвод подвоза горючего 32 сд
	Отдельный разведывательный батальон 40 сд	Госпитали	Полевой подвижной госпиталь 32 сд
	Отдельный саперный батальон 40 сд		Полевой подвижной госпиталь 40 сд
	Отдельный батальон связи 40 сд	Ветеринарные лазареты	Дивизионный ветеринарный лазарет 32 сд
	Медико-санитарный батальон 40 сд		Дивизионный ветеринарный лазарет 40 сд
	Мотострелковый батальон 2 мбр	Особый отдел НКВД	Особый отдел НКВД 32 сд
	1 танковый батальон 2 мбр		Особый отдел НКВД 40 сд
	2 танковый батальон 2 мбр	Прочие части и учреждения	Курсы младших лейтенантов 32 сд
	3 танковый батальон 2 мбр		Полевая хлебопекарная 32 сд
	4 танковый батальон 2 мбр		Продовольственный транспорт 32 сд
	Отдельный разведывательный батальон 2 мбр		Полевая хлебопекарная 40 сд
			Продовольственный транспорт 40 сд

Источник: Составлена автором диссертационного исследования на основе приложения 2 из Яковец А. П. «Подвиг на границе 75 лет военному конфликту у озера Хасан 1938-2013». Владивосток, Русский остров, 2013. С. 211-212.

Таблица 8. Основные части 19 дивизии японской армии, дислоцированной на Корейском полуострове, принимавшие участие в боях у оз. Хасан

Штаб и войска		Командующие		Состав
		Звание	Ф.И.	
Штаб 19 дивизии	Ком. див.	Генерал-лейтенант	Сузтака Камадзо: 尾高亀蔵	Ком. див.: 1 чел.; нач-к штаба: 1 чел.; штаб. оф-ры: 4 чел., адъютанты: 3 чел.; др. оф-ры: 29 чел.; унтер-оф. и рядовые: 121 чел. Всего 159 чел.
	Нач-к штаба	Полковник	Накамура Есиаки 中村美明	
Штаб 37 бригады		Генерал-майор	Моримото Нобуки 森本伸樹	Ком. бриг.: 1 чел., адъютанты: 2 чел.; др. оф-ры: 27 чел. Всего 30 чел.
73 пехотный полк		Полковник	Сато: Тамэнори 佐藤為徳	Штаб, 3 батальона, лех.-арт. рота*1, зен. рота. Всего 1234 чел.
74 пехотный полк		Полковник	Тё: Исаму 長 勇	Состав тот же, что у 73 пех. полка. Всего 1471 чел.
Штаб 38 бригады		Генерал-майор	Оно Нобуаки 大野宣明	Состав тот же, что у штаба 37 бригады.
75 пехотный полк		Полковник	Сато: Ко:току 佐藤幸徳	Состав тот же, что у 73 пехотного полка. Всего 1507 чел.
76 пехотный полк		Полковник	Осидо Сандзи 大城戸三治	Состав тот же, что у 75 пехотного полка.
Погран. отряд 76 пех. полка		Подполковник	Сэнда Садасуэ千田貞季	Штаб, 2 роты, 1 временный взвод*2. Всего 292 чел.
2 рота 27 кав. полка		Капитан	Уэсуги Киёси 上杉清	3 взвода. Всего 84 чел.
25 горноарт. полк*3		Полковник	Танака Рюкити 田中隆吉	Штаб, 3 батальона. Всего 609 чел.
19 инж. полк		Подполковник	Кобаяси Сигэёси 小林茂吉	Штаб, 2 роты, 1 приборный взвод*4. Всего 233 чел.
15 тяжелоарт. полк		Подполковник	Судзуки Тадаси 鈴木正	Штаб, 2 роты, 1 звено для наблюдения*6. Всего 213 чел.
5 зен. полк		Подполковник	Хирамуки Цукумо 平向九十九	Штаб, 2 роты, 1 взвод. Всего 199 чел.
Отряд дивиз. связи*7		Подполковник	Такамацу Хисанори 高松久記	Штаб, 2 взвода связи, ответственные за проволочную связь*8, 1 взвод связи, ответственный за беспроволочную связь*9. Всего 108 чел.
2 бронелоездной отряд*10		Подполковник	Морита Сутэдзо: 森田捨三	Командующая группа*11, 20 пушек, 7 зен. орудий, несколько отрядов. Всего 202 чел.
Спец. сан. отряд *12		Майор	Морикава Умэтаро: 森川梅太郎	Штаб, взвод для носилок*13, звено для перевозки*14. Всего 115 чел.
Отд. смешанный 1-й бригадный арт. отряд*15		Подполковник	Наказдима Кэндзо: 中島健三	Штаб, 2 роты, отряд снабжения. Всего 449 чел.
Отд. рота тяж. оружия*16		Капитан	Сасаки Есио 佐々木吉雄	Командующая группа*17, 1 взвод для наблюдения*18, 1 арт. отряд, отряд снабжения. Всего 145 чел.
Запасной зен. отряд 20 дивизии*19		Лейтенант	Танабэ Дзиро 田邊治郎	1 отряд для наблюдения*20, 1 арт. отряд. Всего 45 чел.
Спец. автомоб. рота*21		Капитан	Ивано Ятио 岩野八千雄	Командующая группа, 1 звено для ремонта*22, 2 взвода. Всего 99 чел.
Спец. легкий броневтомоб. Отряд*23		Капитан	Торису Норитоси 鳥巣憲俊	Командующая группа, 1 взвод, отряд снабжения. Всего 36 чел.

Источник: Составлена автором диссертационного исследования на основе списков 1 и 2 из «Синадзикэн токуго: тё:кохо:дзикэн-си со:ан» (Специальный номер по японо-китайской войне: Проект истории Хасанских боёв.). 1939. (Бо:эйсё: бо:эйкэнкю:дзё сэнси кэнкю: сэнта / Архив исследовательского цетра военной истории исследовательского института обороны и министерства обороны.). Самбо: хомбу (Генеральный штаб). Список 1-2.

*1 歩兵砲中隊 *2 臨時小隊 *3 山砲兵第 25 連隊 *4 器材小隊 *5 野戦重砲兵第 15 連隊 *6 観測班 *7 師団通信隊 *8 有線小隊 *9 無線小隊 *10 第 2 装甲列車隊 *11 指揮班 *12 臨時衛生隊 *13 担架小隊 *14 輸送班 *15 独立混成第一旅団砲兵隊 *16 独立重砲兵中隊 *17 指揮班 *18 観測小隊 *19 留守第 20 師団高射砲連隊 *20 観測小隊 *21 臨時自動車中隊 *22 修理班 *23 臨時軽装甲車隊

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY

published in manuscript form

Kota Kasahara

Soviet-Japanese Border Conflict at Lake Khasan in 1938 Described in Archival Materials of Japan. Facts and Assessments.

Specialization:

07.00.03 – General history (Modern history of XX century)

Senior thesis for the degree of

the candidate of historical science

Translation from Russian

Academic adviser:

PhD in History,

Associate professor E. M. Osmanov

Saint Petersburg

2020

CONTENTS

Introduction.....165

Chapter 1. Japan and USSR in anticipation of the conflict at Lake Khasan in 1938.....183

1.1. The worldwide political situation in the 1930s.....183

1.2. Characteristics of the conflict area at Lake Khasan.....187

1.3. Opinions of the USSR and Japan about the Soviet-Manchurian state border line….....189

1.4. The situation on the border of the USSR and Manchukuo until July 29, 1938.....196

Chapter 2. The events of the conflict at Lake Khasan in the archives of Japan.....205

2.1. The incident at the Bezymyannaya Height on 29 July 1938: the beginning of hostilities.....205

2.2. The peak of hostilities of the conflict at Lake Khasan.....215

2.3. The actions of both parties after the armistice on August 10.....226

2.4. Japan's diplomacy in search of a way to end the conflict.....236

2.5. The losses of the parties according to the Soviet and Japanese documents.....242

Chapter 3. The social consequences and experience from the conflict on Lake Khasan for both parties.....248

3.1. The view of the conflict by the population of the Soviet Far East.....248

3.2. The view of the conflict by the population in the territories controlled by Japan.....252

3.3. The lessons from the conflict for the Soviet side.....260

3.4. The lessons from the conflict for the Japanese side.....262

Conclusion.....273

Reference list 277

Annex.....295

INTRODUCTION

Relevance of the Research Topic

Among the most important priorities of the foreign policy of the modern Russian Federation is the establishment of stable partnerships with the surrounding states. Therefore, Russian-Japanese relations are acquiring particular importance, the quality of the establishing of which largely determines the security of the borders of neighboring states. In addition, since Japan is an important strategic and economic partner of Russia, it becomes necessary to minimize the factors complicating productive cooperation.

As is known, the establishment of long-term mutually beneficial relations between the two states is hampered by some interstate problems that are the remnants of the twentieth century. It can be assumed that the effective search for solutions to these problems requires the identification of their sources. Consequently, the study of various aspects of the occurrence of problems in the relations between Russia and Japan is quite important and relevant in contemporary realities.

One of the most significant armed conflicts between the two countries is the hostilities at Lake Khasan, the eightieth anniversary of which was in 2018. In fact, this conflict was the first large-scale military Soviet-Japanese confrontation since the signing of the treaty between Japan and the USSR on the establishment of diplomatic relations, which determined the problematic nature of further interstate relations. In addition, this armed conflict between the Soviet Union and Japan became an integral part of the prelude to the Second World War. The study of this stage contributes to a clearer understanding of the nature of further Soviet-Japanese relations during the bloodiest war in human history.

It should be noted that at present time among the representatives of the Russian and Japanese historical science there are polar approaches to assessing the causes and nature of this armed conflict. Historians, generally, take an apologetic position with regard to the actions of their country in these events. It can be stated that the situation in historical science is a reflection of cautious and contradictory

relations between countries. In this regard, it can be assumed that scientific research, free from ideological and propaganda cliches, as well as aimed at achieving objective truth, are of great importance for overcoming such mutual mistrust. Of particular importance are studies focused on attempts to scientifically comprehend the main motives and orientations that determine the logic of the behavior of the Japanese side in the presented conflict. The solution of this problem requires an unbiased study of archival materials in Japan.

Thus, the relevance of the researched topic is due to the following factors: firstly, its excessive ideological and political engagement, causing a shortage of objective scientific research; secondly, the lack of the source database used by Russian researchers (in particular, the lack of research of Japanese documents in Russia); thirdly, the lack of comprehensive studies of this conflict by Japanese historians; fourthly, the presence of deep-rooted controversial positions that circulate in historical works and prevent obtaining reliable knowledge (in particular, ideas about the intentional nature of the aggression from the Japanese side during the conflict at Lake Khasan). However, it is worth noting that it is impossible to “dot the i's and cross the t's” so the work will continue. In the present study, the author of the research expects to contribute to the filling of this lacuna, introducing the material of the Japanese archives, which was previously unavailable for various reasons, into the scientific circulation of Russian oriental studies.

Level of Progress of the Research

A number of historical events require the long-term and progressive continuation of scientific research by the common forces of the leading scientific institutions of both countries. A considerable contribution was made and continues to be made by such institutions of the USSR / Russia as the Institute of Pacific Studies, the Institute of the Far Eastern Studies, the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, etc. In the Soviet-Russian and

foreign historiography there are works which to some extent affect the events of the hostilities at Lake Khasan. At the same time, it can be noted that there is an almost complete absence of comprehensive monographic studies devoted to this problem, based on Soviet and Japanese sources. Relevant studies are mostly represented by scientific articles.

It is worth noting that research on the study of the border conflict on Lake Khasan, were carried out by representatives of the Soviet-Russian and Japanese historiography within a specific scientific tradition. At the same time, it is possible to ascertain the predominantly superficial attitude of each of the parties to the documentary materials of the opposing country, which were not considered deep enough and were not the object of serious analysis. It seems appropriate to review the degree of elaboration of the problem of research separately in the framework of Japanese and Soviet-Russian historical science.

The first Japanese work dedicated to the conflict on Lake Khasan, was the book of the journalist and historian Nakamura Satoshi[1] "The History of the conflicts between Manchukuo and the USSR" (Manso kokkyofunso-shi), published in 1939. In this book the initial assessment of the main stages of the border conflict reflected by the participants, eyewitnesses or contemporaries from the Japanese side. The fact that it was released just a year after the described events gives great significance to this work, therefore it provides fairly reliable information about the attitude of the Japanese - contemporaries of the event - to the Hasan conflict and its consequences. However, since the book was released "hot on the heels of" the conflict, there was no thorough and comprehensive scientific analysis, especially with regard to the actions of the Soviet side.

The next work worth noticing is the book by Akaishizawa Kunikhiko[2] "The Zaozyornaya Height" (Chokoho), which was published in Japan in 1941. Its scientific value is determined by the presence in the contents of the memoirs of a

[1] Nakamura Satoshi (中村敏) (1908–1981) — Japanese journalist and historian.

[2] Akaishizawa Kunihiko (赤石澤邦彦) (years of life are unknown) — junior non-commissioned officer of the 76th Regiment of the 19th Division.

direct participant in the events under consideration. In addition, this work is also the only source from which one can draw the opinion and perspective on the matter of this conflict by the Commander of the 19th Division Suetaka Kamezo[3], who collaborated with the author Akaishizawa in the process of writing the book.

Among the first analytical studies carried out in Japanese historiography, the work of Tsuji Masanobu[4] "The Khalkhin-Gol" (Nomonhan) should be mentioned. The author of the book was the officer of the headquarters of the Kwantung army during the fighting on Lake Khasan and tried to conduct a deep analysis of the strategy of the Japanese army and plans for its operations during the conflict. At the same time, this study has a drawback, which was also noted in relation to previous work on this topic: there is a lack of information and analysis of the actions of the Soviet side. Here you should pay attention to the fact that in the Japanese historical tradition the events at Lake Khasan and on the Khalkhin-Gol River are most often considered inseparably. Therefore, in the works devoted to the hostilities on the Khalkhin-Gol River, the previous conflict is usually analyzed.

In 1952, the book "Shocks in the Shōwa Period. Vol. 1" (Showa no doran jo) by Shigemitsu Mamoru[5], who was the Japanese ambassador to Moscow during the conflict. The work is the memoirs of the diplomat who conducted negotiations during the Khasan conflict from Japanese side, which is why the content of the negotiations is described in sufficient detail.

A significant milestone in the process of studying the hostilities at Lake Khasan was the publication of the book "Military Historical Series, Vol. 27: The Kwantung army (1): Preparation for the battle against the USSR – The Fights on the Khalkhin-Gol" (Senshisosho 27 kantogun (1) taiso sembi nomonhan jiken) in

---

[3] Suetaka Kamezo (尾高亀蔵) (1884–1953) — during the fighting at Lake Hasan, was Lieutenant General, Commander of the 19th Division of the Japanese Army stationed on the Korean Peninsula.

[4] Tsuji Masanobu (辻政信) (1902–1968) — during the fighting at Lake Hasan was Major, member of the Kwantung army Headquarters.

[5] Shigemitsu Mamoru (重光葵) (1887–1957) — during the fighting at Lake Hasan was the Ambassador of Japan to the USSR.

1969 by Bureau of Military History of the Defense Research Institute of the Ministry of Defense of Japan. This work is interesting as it includes materials from the Japanese national military archive. Thus, it presents the official position of the Japanese military department regarding the events in question. For this reason, modern researchers studying this topic use this publication in their scientific research. At the same time, this work does not pretend to comprehensively research the border conflict at Lake Khasan, since the authors did not use Soviet archival materials, which at the time of writing the book were classified as confidential.

In 1998, a translation of the book by Alvin D. Coox [6] "Another Khalkhin-Gol. Khasan fightings: Reasearch into the Japanese-Soviet conflict in 1938" (Mohitotsu no nomonhan. Chokohojiken. 1938 nen no nisso funso no kosatsu) (the original was published in the USA in 1977). This book contains many data from Japanese archives, but it does not include any archive data from the USSR. The author of his book took a lot of interviews with participants of the events from Japan: officers and diplomats. Due to the fact that the participants in those events are no longer alive, this book is of particular value to modern historians.

In 2014, the most authoritative Japanese historian of the present, Hata Ikuhiko[7] published his work "The Bright and Dark Sides of History of the Fighting at Khalkhin-Gol" (Mei to an no nomonhan senshi). Despite the fact that the direct object of this study is the battles on the Khalkhin-Gol River, it gives a very good general idea of the events at Lake Khasan. Therefore, it is one of the largest and most prominent works devoted to the topic in modern Japanese historical science.

Finally, it is necessary to note his own monographic study "The History of the Japanese-Soviet Conflict at Lake Khasan" (Nisso chokohojiken-shi), published in 2015. This work claims to be comprehensive because it accumulates materials from previous studies by Japanese historians and military experts. In addition, in

[6] Alvin D. Coox (1924–1999) — prominent US historian. The author of a book about the fighting at Lake Hasan, "The Anatomy of a Small War".

[7] Hata Ikuhiko (秦郁彦) (b. 1932-present) — one of the most famous historians of Japan. Professor of Nihon. Retired.

this edition, archival data were used both from Japan and Russia, which allowed the author to carry out their comparative analysis.

Within the Soviet-Russian historical science the study of the border conflict at Lake Khasan was carried out at several stages. In the prewar and postwar period, the conflict was considered primarily in the work of military specialists, which were published for educational purposes. Consequently, there was no task of carrying out a deep and comprehensive analysis of these events. The positive quality of these works was a fairly complete and qualitative description of the hostilities, including through the records of the memories of their participants.

So, one of the first books devoted to the Khasan conflict was published in 1938 under the patriotic title “How we beat Japanese samurai”. The collection includes historical articles, memoirs, letters, translations of personal records of the Japanese participants in the battles and political cartoons. The book gives a multifaceted review of events at Lake Khasan, presenting the historical background of the premises of this conflict, its main participants and driving forces, the role of artillery and tanks in the final result. At the same time, the propaganda nature of the publication should be noted. It contains numerous praises of the ruling party and personally praises I.V. Stalin. Japanese side of the conflict presented in an exceptionally derogatory tone. However, these characteristics were proper to the most of the works of the period.

In 1939, in the USSR, the political department of the Red Army issued several publications for official use. The most interesting of them are the “Fighting at the Khasan: Party-political work in a combat situation” and “Evidences of Soviet patriotism (in the days of fighting at Lake Khasan)”. Both of these publications are propaganda, aimed at maintaining the high morale of the Red Army and illustrating the loyalty to the Bolshevik Party. The consequence of this is a rather high emotional tonality of these works, which use language that reflects the authors' bias (for example, “vile Japanese scoundrels encroached on our borders”). The use of memories of participants, copies of letters to the front with words of support, leaflets and posters lends historical significance to these

publications. Such content allows them to be used as a source of information about the position of the Soviet side of the conflict.

It should be noted that the general trend of research carried out by Soviet historians in the pre-perestroika period was an orientation toward the postulation of the special role of the leadership of the country and the Communist Party in the successful outcome of the hostilities at Lake Khasan. The main drawback of the work was the lack of depth of the source database, which excluded not only documents from the Japanese side, but also classified Soviet archival materials. Some of the official use materials appear recently on book sales.

One of the most interesting works of the post-Stalin period was the monograph "The History of Soviet-Japanese Diplomatic Relations" by L.N. Kutakov[8], which introduces the point of diplomatic negotiations from the side of the USSR. The conclusions given by the author, in general, corresponded to the approach to the assessment of the conflict on Lake Khasan, setting the presumptions to the aggressive and imperialistic policy of militaristic Japan, which was well established in Soviet historiography. It is noteworthy that the author analyzed some of the Japanese materials. In particular, he criticized the work of Shigemitsu Mamoru "Shocks in the Showa Period. Vol.1". Thus, the range of materials used in the study expanded.

The official position of Soviet historical science about the conflict at Lake Khasan is reflected in the corresponding article of the Soviet Military Encyclopedia issued by the USSR Ministry of Defense in 1976. The article is replete with propaganda: "the fighting confirmed the high moral and political qualities, the combat skills of the Soviet soldiers, the reliability of own military equipment" [9] and etc. Along with it, it does not contain information that is negative for the Soviet side of the conflict (about the supply problem, the Red Army's great losses, etc.). The actions of the USSR are greatly extolled, and Japan is represented

[8] Kutakov Leonid Nikolaevich (1919–2000) — Soviet historian and diplomat. Doctor of Historical Science. Counselor of the USSR Embassy in Japan (1958–1960).
[9] Soviet military encyclopedia. Vol. 8. A. A. Grechko [and others] – Publishing house of the Ministry of Defense of the USSR, 1980. – P. 367.

as the aggressor who lost unconditionally, for whom the defeat in this conflict was "a serious blow to their aggressive plans in the Far East, directed against the USSR."

The tone of studies on the border conflict at Lake Khasan is changing in post-Soviet historiography. During this period, some authors undergo revisions to the established positions and assessments by Soviet historians with regard to this conflict. At the same time, in some works, the authors fall into the other extreme, refusal to follow the “Soviet myths” leads them to an apologetics of the actions of the Japanese side of the conflict.

This tendency is most seen in the works by V.E. Molodyakov,[10] who declares the refusal of an approach that placed all responsibility for an armed clash exclusively on the losing side and justified the actions of the winning side.

In 2003, a collection of articles “Military conflict at the area of Lake Khasan: a look through six decades” was published. This collection, published on the results of the Moscow conference, includes articles by more than 20 historians, including: A.A. Koshkin[11], K.E. Cherevko[12], A.A. Kol’tyukov[13] and others. This publication provides information about the contemporary Russian studies of the conflict at Lake Khasan. In addition, it is necessary to note the study of G. F. Krivosheev[14] “Russia and the USSR in the wars of the twentieth century. Book of counting the losses” published in 2010. In this book author conducts a thorough analysis of the total number and nature of losses suffered by the Soviet side in the battles at Lake Khasan.

[10] Molodyakov Vasily Elinarkhovich (b. 1968) — Russian and Japanese historian, political scientist.
[11] Koshkin Anatoly Arkadyevich (b. 1946) — since 1993 professor at the Oriental University.
[12] Cherevko Kirill Evgenievich (b. 1933) — Chief Researcher at the Institute for International Studies at the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry.
[13] Kol’tyukov Alexander Arkadyevich (1952–2013) — 2002–2010 Head of the Institute of Military History, of the Ministry of Defense of the Russian Federation.
[14] Krivosheev Grigory Fedotovich (b. 1929) Soviet and Russian military figure. Retired Colonel-General. Professor of the Academy of Military Science (1995). PhD in Military Science.

In 2013, the illustrated book by A.P. Yakovets[15] “The feat on the border. 75 years of military conflict at Lake Khasan 1938-2013”. The distinction of the work is the involvement of regional archival documents of the Primorsky area, which allowed for a deeper analysis of the essence of this military conflict. In the process of preparing this dissertation research, an interview of A.P. Yakovets was conducted to clarify some controversial issues.

In 2013, a book by Stuart D. Goldman[16] “Nomonhan 1939: The Red Army's Victory That Shaped World War II”. The author’s idea is innovative in nature that the start of the Second World War was the fighting at Khalkhin-Gol, and the Khasan conflict has a direct connection with it.

In general, we can note an insufficient number of comprehensive and in-depth studies of the prerequisites, the process of occurrence and the consequences of the conflict at Lake Khasan in both Japanese and Soviet-Russian historiography. Existing works are characterized by certain vigilance against the other side of the conflict. Many researchers were unable to abandon political engagement and well-established ideological clichés. Another significant disadvantage of the available scientific works is the lack of depth of the source base used, caused by both objective (lack of access to archival materials of the other side) and subjective (reluctance of specific historians to involve archival documents of the opposite side) factors. Thus, it seems necessary to conduct scientific studies containing a comprehensive analysis of the events of the border conflict at Lake Khasan, using a broader base of historical sources from both sides of the conflict.

Purpose and Objectives of the Thesis

The purpose of this dissertation research is – in the context of the involved and introduced new archival materials by the author of the Thesis into a large

[15] Yakovets Alexander Pimenovich (b. 1954) – the author and editor of the book “The feat on the border. 75 years of military conflict at the Lake Khasan 1938–2013”. Director of the publishing house "Russky Ostrov".

[16] Stuart D. Goldman (b. 1949) - American historian and writer. Specialist in Russian and Eurasian political and military affairs in the Congress Research Service of the Library of the Congress. Since 2009 he has been a member of the National Council for Eurasian and Eastern European Studies.

scientific community of Russian Japanese studies – to provide a more accurate understanding and interpretation of the main events and facts of the border conflict at Lake Khasan in the light of the scientific advances of modern science and create conditions for further comprehensive basic scientific research.

It seems that to achieve the goal defined by this study it is required to solve two interrelated groups of tasks. The first of these is related to the analysis of the interpretation and understanding of the border conflict at Lake Khasan in Soviet materials, the works of Soviet historical science, which will reveal the basic position of the Soviet side. The second is determined by an in-depth study of Japanese archival materials in order to trace the main motives and value orientations that determined the logic of the behavior of the Japanese side in the conflict in question. By solving these two groups of problems, it becomes possible to get closer to understanding the essential prerequisites and driving forces of the incident at Lake Khasan (taking into account the political and other interests of both countries in a difficult, in different respects for the USSR and Japan of this historical period).

Among the tasks that need to be addressed in the work, the following should be mentioned:

1. Among the study of the general political context, characteristics of the area - to determine the logic of the behavior of the parties to the conflict, highlighting the interpretation and understanding of the events taking place by the Japanese side; summarize and formulate positive and negative conclusions made by the parties about the conflict;

2. Identify the role of the subjective factor (cases of arbitrariness in the Japanese army) in the context of the official position of Tokyo;

3. To analyze the military positions of both countries at the time of the end of the conflict, since these factors also caused objective difficulties in the negotiations on the truce;

4. Re-evaluate the losses of the parties, based on an analysis of the level of combat readiness of the military contingent of the participating countries, referring

to a comparative analysis and correlating the results with the traditional assessments in the historiography of both countries identify the extent of civilian involvement and reaction to events.

Object and Subject of Research

The object of the study is the Soviet-Japanese border conflict at Lake Khasan in 1938. As the subject of research, data from archives of Japan, approaches and assessments of researchers of Japan, direct participants and contemporaries of the conflict in relation to this event are considered.

The chronological framework covers the period from July 29 to August 11, 1938, during which hostilities took place between the Soviet and Japanese armies.

The territorial boundaries of the dissertation research are determined by the territories directly adjacent to Lake Khasan. In particular, they include the Zaozyornaya Height, which is adjacent to Lake Khasan on the east side, as well as the Tumannaya River, which flows from its west side, bordering North Korea.

The novelty of the dissertation research lies in the fact that it proposed and implemented a broad approach to the consideration of the border conflict at Lake Khasan through the prism of unknown or poorly studied in Russia Japanese sources using Soviet data, while the majority of Soviet and Russian scientific works in this direction rely on materials only from their side of the conflict.

In addition, we can specify the following factors that determine the scientific novelty of the present study:

– in Russian historiography, the events that took place inside the Japanese army during the hostilities at Lake Khasan are not sufficiently studied. In this context, the following theses presented in the work are innovative: a conclusion about the unintended nature of Japan’s attack on the USSR in July 1938, based on Tokyo’s non-aggression orders at the Zaozyornaya Height on July 14, 1938, and a number of others contrary to the assessment of Japan’s actions by Soviet-Russian historians; the conclusion about different understanding in the USSR and Japan o

the Hunchun Protocol of 1886 - the treaty that fixed the border between the Russian Empire, and later the USSR, and Manchuria, as the main reason for the outbreak of hostilities at Lake Khasan;

– for the first time in Russian historiography, the role of the subjective factor in the mechanism of the emergence of armed conflict has been revealed. In this study, special attention is paid to such a historical fact as the arbitrariness of the Commander of the 19th Division of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula, Suetaka Kamezo. This officer's order to attack the Soviet positions at the Zaozyornaya Height with the aim of obtaining positions at the Bezymyannaya Height, ignoring Tokyo's order to ban independent actions on the spot without an order from the center, led to the beginning of an armed conflict between the USSR and Japan;

– the original sources and materials of the Japanese archives on the subjectof the Thesis were introduced into scientific community.

The theoretical significance of the study lies in the fact that it includes the results of a scientific analysis of archival materials from Japan, which were not sufficiently used in previous scientific research on this problem. The work recreates the overall picture of the formation, occurrence and course of the border conflict at Lake Khasan. The objective and subjective prerequisites for the emergence of a conflict standoff are investigated, a quantitative and qualitative analysis of the losses of the parties to the conflict during its course is carried out. In addition, the study revealed the scale of involvement of the civilian population in the course of an armed conflict and, in this context, analyzed the level of preparedness and combat status of both armies. Based on the study, it can be affirmed that this work is a contribution to the study of the Soviet-Japanese border conflicts.

The practical significance of the study lies in the fact that its materials can be used in the process of writing scientific and popular scientific works devoted to the study of the border conflict at Lake Khasan, as well as the Second Sino-

Japanese war, fighting on the Khalkhin-Gol River and the Second World War in general.

In addition, this work can be used in the development of study courses on the history of the countries participating in the conflict, as well as on world history. It can be useful for orientalists and historians.

The methodological basis of the dissertation research is determined by the level of development at the present stage of the social sciences and humanities in general and historical science in particular. The methodology of the present study is based on the principle of historicism, which implies the study of an event in the context of its formation, development and interrelation with the accompanying phenomena of social life. Another methodological basis for the dissertation research is the dialectical principle, according to which the phenomenon under study is considered in the process of its constant and controversial development.

During the study, the author used various methods, due to the tasks that were solved during the work. The historical-systemic method made it possible to identify causal relationships between the events in question and, ultimately, to obtain a complete picture of the border conflict at Lake Khasan as a single whole historical event. The comparative historical method made it possible to carry out a comparative analysis of Japanese and Soviet archival materials and on this basis to identify some features of the events, the loss of the parties, the relationship to the conflict and the consequences for each of the parties.

In the process of studying historical sources, a narrative and biographical method was used. In addition, general scientific methods were used in the work: methods of analysis and synthesis, method from the particular to the general.

The source base of the study is divided into two large groups, in accordance with the parties to the conflict, each of which, in turn, can be further divided into subgroups.

The first and most significant group involved in the study are Japanese sources. They relate to the new scientific archival materials of Japan, which were

previously not available to Russian researchers, introduced by the author of the Thesis. These materials have three subgroups.

The first subgroup is the official documents of the archives. In the archives of the military history research center of the Defense Institute of the Ministry of Defense of Japan, the diplomatic archive of the Ministry of Foreign Affairs of Japan, the library of the Research Institute of Social Sciences of Tokyo University were found the orders of the General Staff, reports of the 19th Division, the Emperor's speech, data on the dead and wounded Japanese side, maps.

The second subgroup includes published diplomatic documents of both countries participating in the conflict, memoirs of combat participants, which are used in analyzing various information, as well as interviews with participants and witnesses of these events.

The third subgroup of sources is represented by periodical materials. First and foremost, research publications that were released during the fighting is the "Tokyo: Asahi shimbun" newspaper.

The Russian source base is widely represented in numerous works of Soviet and Russian orientalists devoted to the covered period. Speaking of which, it can be noted that, basically, it was brought in to confirm or refute certain conclusions in the course of the study, and much less than the Japanese. The first subgroup includes materials from the Archive of the Primorsky area, from where, for example, lists of non-military citizens of the USSR submitted for awards and data on the state of the rear, as well as documents from the Russian State Military Archive describing the course of events from the Soviet side were taken. The second, as well as from the Japanese side, includes memoirs, interviews with participants, eyewitnesses. The third subgroup includes periodical materials - this is the newspaper "Pravda" and "Izvestia" of the period of events (1938).

Reference list includes literature of various orientations, which was published in different countries after 1938 to the present day and concerns the events at Lake Khasan. This includes collections of articles, monographs, reference books, including various kinds of encyclopedias.

Theses for Approval

1. The main prerequisite to the beginning of an armed conflict at Lake Khasan was the difference in the understanding of the border line between the USSR and Manchukuo. Despite the fact that both sides relied on the same document - the Hunchun Protocol, Japan considered the line of the border to be along the western shore of Lake Khasan and the USSR believed that the border lies near the Zaozyornaya Height through the peaks of other nearby heights. Disagreements in the interpretation of the treaty regarding the border line led to the change from the confrontation to the military conflict. Therefore, from the point of view of Japan, all actions during this conflict were defense actions under an allied treaty with Manchukuo.

2. Official Tokyo did not plan to fight on two fronts, because it felt insufficiently prepared for a global clash with the USSR. There is a subjective factor in the outbreak of an armed conflict in the form of the unauthorized decision of the Commander of the 19th Division of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula, not coordinated with the General Staff, which, in turn, was a response to crossing of the border of Manchuria (in its Japanese understanding) by Soviet border guards. This prompted the Japanese army stationed on the Korean Peninsula and returning on orders back to the base, to act contrary to the order from Tokyo.

3. It seems that there is probably no need for a strictly definite conclusion about the victory of the Soviet side in the conflict at Lake Khasan. With the numerical superiority of the Red Army over the Japanese more than 3 times, it is worth considering the triple loss of the Soviet troops. These losses were the results of a certain lack of preparation for such a major military confrontation. The Japanese side, assessing the losses from the strikes of Soviet aviation in numerals, relied on the early views on its own superiority, which played a cruel joke on the Japanese army later, in the battles on Khalkhin-Gol.

4. It is impossible to argue categorically that at the time of the conclusion of a peace treaty, one or another army was at the top of the Zaozyornaya Height, since the laurels were passing from one belligerent to the other.

5. It should be noted the different level of involvement of the civilian population in the armed conflict at Lake Khasan, namely: the multilateral assistance to the Red Army from the civilian population of the USSR and the detachment of civilians in Japan and Manchuria from the support of the Japanese military. An important factor on which the involvement of the civilian population of the rival countries in the events of the border conflict largely depended was the geographical location of the place of conflict relative to the USSR and Japan. For the USSR, the conflict occurred directly on its border, and if the Soviet Union had lost, it would have threatened further claims from Japan on the territory of the Soviet state itself. This increased the consciousness of the civilian population and its willingness to help and stand up for the defense of the Motherland.

6. Each of the warring parties of the conflict has drawn certain conclusions and lessons from it. It should be noted that the Soviet leadership was more serious about the results of the fighting. In particular, problems were identified in both the training of the army and the Far Eastern region as a whole. All these problems together were one of the reasons for the repression of V.K. Blyukher and the division of one too large administrative entity in the form of the Far Eastern area into smaller and easier to manage, the Khabarovsk and the Primorsky areas. In turn, the Kwantung army, in general, ignored the final documents of the hostilities at Lake Khasan, and the analysis of the results of hostilities was not conducted. Therefore, despite the fact that Japan had the first experience of conducting modern battles with the usage of modern (at that time) military equipment, timely conclusions were not drawn by the Japanese leadership, which largely predetermined its unsuccessful nature of subsequent military campaigns.

Approval of the Work

The main results of the research and certain provisions of the work are covered in the reports at scientific conferences:

1) Sorengun shiryo oyobi rosia deno kenkyuseika kara mita Chokohojiken no jitsuzo (The reality of the battles at Lake Khasan examined from the results of research in Russia and the Soviet documents) ソ連軍史料およびロシアでの研究成果からみた張鼓峯事件の実像. Gunjishigakkai nenji taikai (Annual Conference of the Military History Society) 軍事史学会年次大会, 02.06.2012, Japan, Shizuoka.

2) Soren gaikobunsho kara yomitoku Chokohojiken - Gaikokosho o chushin ni (The battles at Lake Khasan considered from the viewpoint of diplomatic documents of the USSR: Diplomatic negotiations) ソ連外交文書から読み解く張鼓峯事件－外交交渉を中心に－. Gunjishigakkai nenji taikai (Annual Conference of the Military History Society) 軍事史学会年次大会, 01.06.2013, Japan, Tokyo.

3) Soren jumin no shienkatsudo karamita Chokohojiken (The battles at Lake Khasan considered in terms of support by the civilian population) ソ連住民の支援活動からみた張鼓峯事件. Rosia too gakkai JSSEES godo kenkyutaikai. (Joint Conference of the Society of Russia and Eastern Europe with JSSEES) ロシア・東欧学会 JSSEES 合同研究大会, 05.10.2014, Japan, Okayama.

4) Soryokusen no koshi toshiteno Chokohojiken (The battles at Lake Khasan as the very beginning of the total war) 総力戦の嚆矢としての張鼓峯事件. Gunjishigakkai nenji taikai (Annual Conference of the Military History Society) 軍事史学会年次大会, 01. 08. 2015, Japan, Tokyo.

5) Did Japan commit aggression during the battles at Khasan / "Our cause is right": Countries and leaders of the anti-Hitler coalition in the philosophical and

historical dimensions. RCHA (Russian Christian Humanitarian Academy), 16.10.2015, Russia, St. Petersburg.

6) The battles at Lake Khasan: an overview of the main publications of Japan and Russia // Japan – world – tradition – changes: to the 110th Anniversary of A.A. Kholodovich. SPbSU, 23.04.2016. Russia, St. Petersburg.

7) "Testimony of Japan's aggressive policy in the 30's. "Tanaka Memorandum" is a fake. // God. Man. World. RCHA, 25.12.2017, Russia, St. Petersburg.

Structure of the work is defined by the set tasks and consists of an introduction, three chapters, conclusion, a reference list and annexes containing tables, maps, illustrations and photographs.

CHAPTER 1. JAPAN AND USSR IN ANTICIPATION OF THE CONFLICT AT LAKE KHASAN IN 1938

1.1. The Worldwide Political Situation in the 1930s

Since the civil war of 1918 on the territory of Russia, the Bolshevik government and Japan had tense relations. The troops of Japan as part of the troops of the Entente participated in the intervention in the territory of the former Russian Empire and until the early 1920s. remained in the Far East. After the withdrawal of Japanese troops from Primorye in 1922, on January 20, in 1925 diplomatic relations were finally established between the two countries in accordance with the Beijing Treaty.

The next decade did not give a break in relations between the USSR and Japan, although the 1930s. were full of events not only for Japan and the Soviet Union, but also for the entire international community. The USSR in December 1932 was able to restore diplomatic relations with China. In 1933, at the initiative of US President F.D. Roosevelt[17], US diplomatic relations with the Soviet state were established. In 1934, the USSR, recognized as the largest world state, was admitted to the League of Nations.

In 1935, the Fascist Italy began to pursue an aggressive foreign policy, starting with the capture of Abyssinia (Ethiopia); and in 1936 several significant historical events took place at once. In July 1936, the Spanish Civil War began between the pro-fascist-minded military under the leadership of General F. Franco[18] and the republican government, which stretched for 3 years. The USSR acted on the side of the republican government, “having sent over 5 thousand military specialists to assist the government of the People’s Front of Spain, and also sold over 1 thousand guns, over 400 tanks and armored cars, more than 600 combat aircrafts to the Republicans”.[19] The same year, an agreement was signed on

[17] Franklin Delano Roosevelt (1882–1945) — 32nd US President (1933–1945).
[18] Francisco Paulino Hermenegildo Teódulo Franco Bahamonde (1892–1975) — Spanish military figure and statesman, Spain's Caudillo (1939–1975).

the creation of the Axis Berlin-Rome, Germany and Japan signed the Anti-Comintern Pact, which Italy joined a year later. Germany, in an effort to revise the Versailles-Washington system, in March 1938 conducted the Anschluss of Austria, as a result of which Austria "reunited" with Germany. In 1936, there was a division of Czechoslovakia, part of which, the Sudetenland, was transferred to Germany, and Cieszyn region to Poland.

If in Europe Germany, recovering from a loss in the First World War, rose to its feet, in the east Japan strengthened its influence. September 18, 1931 on the territory of Manchuria near Mukden[20] on the railway an explosion occurred. This event was called the Mukden Incident (or the Manchurian Incident, in Japanese 満州事変 Manshujihen). This provocative explosion, presented as conducted by China, served as a reason for the seizure of the Manchurian territory. In Japan, it was later recognized to be the result of the unauthorized activities of the Japanese military of the Kwantung army, who risky had not made it clear for the Tokyo.[21]. The Kwantung army occupied Manchuria, and in 1932 the founding of the Manchukuo state (満洲国 Manshukoku) was proclaimed on its territory. On September 15, 1932, Japan, recognizing Manchukuo diplomatically, signed the Japan-Manchuria Protocol (日満議定書 Nichimangiteisho) with this state, under which the parties agreed on joint defense, and Japan received permission to deploy Japanese troops on Manchuria's territory in the "quantity, which will be necessary to ensure its defense and security".[22] Thus, the Kwantung army was officially stationed in Manchuria. At the Head of Manchukuo was put the last ruler of the

[19] A. A. Izedinov. The war in Spain. Chronicle of the hostilities of 1936-1939. – M.: ArtKom publ., 2014. - P. 3.

[20] Mukden (奉天) — now Shenyang, one of the largest cities in North-Western part of China.

[21] Hata Ikuhiko. Nitchu sensoshi (History of the Second Sino-Japanese War). – Tokyo, Kawade shobo shinsho. 2011. – P. 4.

[22] G. F. Zakharova. Politic of Japan in Manchuria 1932–1945. – M.: Nayka, 1990. – P. 37.

Qing Empire, Puyi [23]. In 1934, Manchukuo was officially proclaimed a monarchy, but since the commander of the Kwantung army had the right to veto decisions of the ruler of Manchukuo, it was called a "puppet state" actually controlled by Tokyo. As a result of the rejection of the territorial seizure by Japan of Manchuria, first by China, and later by the strongest states of the first half of the twentieth century, including the United States, Japan left the League of Nations in 1933. The USSR de facto established diplomatic relations with Manchukuo on March 23, 1935 by signing an agreement on the cession of rights of Manchukuo to the USSR Railway to the USSR, and on April 13, 1941, relations were established de jure.

Also significant is the fact that in the 1930s. Manchukuo was not the only Japanese-controlled territory on the mainland, because in 1910 the annexed Korean Empire became part of the Japanese Empire and became the Japanese Governorate-General of Chosen [24], which was in fact a Japanese colony. On the territory of Manchukuo Japan stationed the Kwantung army (by 1939 it had 9 divisions (1 division — about 20,000 men)[25], formed on the basis of the same-titled garrison in 1919, aimed to protect the territory of Manchukuo and played until the end of the Second World War a major role in Japan's foreign policy, as this army actually not only defended the territory of Manchukuo, managed this state, but also fought the Second Sino-Japanese war, which began in 1937. In Korea, "the Korean army" was dislocated, in words: "Chosengun" (朝鮮軍); which in Russian historiography is called the Japanese-Korean army [26]. But the author considers, for good reasons, that "Chosengun" should be named "the Japanese army stationed on the Korean Peninsula", which will be used later as the Russian

[23] Aisin-Gioro Puyi (Àixīnjuéluó Pǔyí) (Chineese. 愛新覺羅溥儀) (1906–1967) — Chineese politician; the last Emperor of the Qing State (1908–1924), Emperor of Manchukuo.

[24] Chosen (朝鮮) — Japaneese version of "Joseon", the Korean State (1392–1897). Instead of "Chosen" (Governorate-General) the version "Joseon" is met in Russian historiography.

[25] Boeicho boeikenkyujo senshishitsu (Bureau of military history research of the research institute of Ministry of Defense of Japan). Senshisosho 27 kantogun (1) taiso sembi nomonhan jiken (Military history series. Vol. 27. The Kwantung army (1): Preparation for the battle against the USSR – The Fights on the Khalkhin-Gol). Tokyo. Asagumo shimbunsha, 1969. P. 194.

[26] K. E. Cherevko. Hammer and sickle against samurai sword. – M.: Veche, 2003. – P. 23.

language version of Chosengun name. Since 1904, “Kankoku chusatsu gun” (韓国駐箚軍), that is, “the garrison army [of Japan] in Korea”was officially deployed on the Korean Peninsula in the city of Seoul to protect the Japanese embassy and Japanese subjects.

After the annexation of the Korean Empire in 1910, the army changed its name to“Chosen chusatsugun”(朝鮮駐箚軍) (in 1914 there were 2 divisions (1 division - about 20,000 people))[27], that is, only the name changed the toponym “Kankoku ” to “Chosen”, both of these words are translated “Korea” where “Chosen” is the phonetic Japaneseization of the Korean name “Joseon”. In 1918, this army became known as “Chosengun” “Korean army [of Japan]”, while the real Korean army, but not the Japanese army, did not exist in Korea. The main task of this garrison army of the Japanese Empire was to protect the Governorate-General of Chosen, which occupied the territory of the peninsula of Korea. The forces of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula were often used to suppress inter-Korean anti-Japanese demonstrations, imposing pro-Japanese orders, etc. The Japanese army stationed on the Korean Peninsula also assisted the Kwantung army in 1931 during the seizure of Manchuria, when without coordination with Tokyo, on the personal initiative of the Commander of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula, Lieutenant General Hayashi Senzyuro an infantry brigade was sent to the Kwantung army.[28]

Owning two (Manchukuo, Governorate-General of Chosen) colonies on the mainland, in July 1937, Japan launched large-scale hostilities in Central China, which in the Russian (Soviet) historiography was called the Second Sino-Japanese war of 1937–1945. Japanese Nitchu senso (日中戦争), that is, the “Japanese-Chinese war.” These hostilities were aimed at gaining control over Chinese raw materials and resources. Since the late 1920s. China was in a state of civil war

[27] Boeicho boeikenkyujo senshishitsu... P. 194.
[28] K. E. Cherevko. Hammer and sickle ... P. 42.

between the Kuomintang and the Chinese Communist Party. In the 1930s the war continued, but in 1937, the Kuomintang and the Chinese Communist Party joined forces for a “full-scale War of Resistance against Japanese aggression” [29], although before that Chiang Kai-shek and his subordinate forces had avoided clashes with the Japanese army, which was one of the factors for the rapid conquest of Manchuria. The Sino-Chinese war of 1937–1945, exhausted the forces of the Japanese side and having limited its resources, ended in 1945 with the complete defeat of Japan with the participation of the USSR and the United States, who opposed it.

In 1938, in a series of large and small military conflicts of the 1930s., the first major armed incident between Japan and the USSR broke out, the Khasan conflict that unfolded during of the Second Sino-Japanese war of 1937-1945.

1.2. Characteristics of the Conflict Area at Lake Khasan

Lake Khasan, near which a military conflict between USSR and Japan broke out in 1938, lies on the eastern side of the Zaozyornaya Height, which is now facing Russia and until 1991 facing the USSR, on the western side, on the border with Korea, the Tumannaya River flows. The Zaozyornaya Height proper is halfway between Lake Khasan and the Tumannaya River, its height is 149 m[30], and it rises high over nearby heights.

In Soviet and Russian historyogpaphy the conflict, turned out to be the military showdown between the Soviet and Japaneese troops, was called after the nearby lake – Lake Khasan, but in Japan the conflict was called "The incident at the Zaozyornaya Height" ("Chokohojiken", 張鼓峯事件) after the Zaozyornaya

[29] Yu. M. Galenovich. Chiang Chung Cheng, or unknown Chiang Kai-shek (Chinese politicians of 20th century). – M.: ID “Muravey”, 2000. – P. 107.

[30] Inada Masazumi. Soren kyokuto gun tono taiketsu – Chokoho, Nomonhan jiken no zembo hiroku (The confrontation with the USSR’s Far Eastern Army: Secret document of the general information about the Khasan battles and battles near Khalkhin-Gol) // Bessatsu Chisei Himerareta showa-shi (Chisei. Separate volume: The Hidden history of the Showa Period). 1956. – P. 178.

Height, next to which the conflict occurred. The Zaozyornaya Height in Japanese is Chokoho (張鼓峯[31]).

The Japanese name of the Height comes from the Chinese name, which is literally translated as “The top of a tight drum” (Changkufeng[32]), and the Japanese, using the Japanese phonetics, picked up a similar word, consonant with the Chinese name of the mountain (see Fig. 1).

Approximately three kilometers north of the top of the Zaozyornaya Height is the Bezymyannaya Height. The Japanese name of the hill is Sasoho (沙草峯[33]), which can be translated as "The mountain of sands and grasses" (see Fig. 3).

For the USSR, the border in this area passed along the ridges of the hills. But according to Japan's idea of the border, these heights were in the territory of Manchukuo, which was tongue-shaped and lied between the USSR and the Japanese Governorate-General of Chosen, which occupied the Korean Peninsula (see Fig. 2). The area of Manchukuo, which adjoined the Korean Peninsula, was populated mainly by ethnic Koreans. This why, in spite of the fact that the Kwantung army had been guarding the borders of Manchukuo since 1932, from 1938 the responsibility for guarding the territory of residing of ethnic Koreans at the border of Manchukuo and the Governorate-General of Chosen was transferred to the Japanese army stationed on the Korean Peninsula, which was responsible for defense of the Governorate-General of Chosen [34] and consisted from Japanese military men, and that was the reason why during the conflict at Lake Khasan the Soviet troops fought with Japanese.

[31] Boeicho boeikenkyujo senshishitsu... P. 337.
[32] Stuart D. Goldman. Nomonhan, 1939: The Red Army's Victory That Shaped World War II. – Maryland, Naval Institute Press. 2013. – P. 55.
[33] Boeicho boeikenkyujo senshishitsu... P. 356.
[34] Chokohojiken (Battles at Lake Khasan). 1952. (Boeisho boeikenkyujo senshi kenkyu senta / Arhive of Bureau of Military History of the Defense Research Institute of the Ministry of Defense of Japan). Dai ichi fukuin kyoku (First Department of Demobilization). P. 3.

1.3. Opinions of the USSR and Japan about the Soviet-Manchurian State Border Line

A prerequisite that was crucial in the development of the conflict is the fact that, in the 1930s., the border at the point of contact of the USSR and Manchukuo was ambiguous for Japan. In the Japanese data, the border area was not clearly marked, and it is possible to find information that there were three views on the state of the border line. [35] The first option is the state of the border line under the Hunchun Protocol of 1886. The second option is the opinion that the border was drawn on the map of the three northeastern provinces (Liaoning, Jilin, Heilongjiang) of the Army Geodesic Bureau, compiled between 1915-1920. The third option is that border line was stated on the map of the General Staff of the Russian Empire of 1911[36] (see Figs. 4, 5).

An interesting point to consider is the extent to which the thesis on the existence of three options for the border, which is found in the Japanese official military-historical encyclopedia [37], corresponded to reality, with the result that the actual line of its passage is unclear. No less important is the consideration of where the border was from the point of view of the USSR.

At first, the Soviet Union and Japan tried not to send military parties to the territory near the border of Manchuria and the USSR, because the border, which was supposed to be in the area of Lake Khasan by the heights, has not been demarcated. However, the establishment of Manchukuo, controlled by Japan, as well as the development of the Far Eastern territories in connection with the "Second Five-Year Plan 1933–1937" (the second Five-Year Plan for the development of the national economy), forced both countries to pay attention to the problem of demarcation of the territory in this area. [38] This problem near the Zaozyornaya and Bezymyannaya heights really existed and was visually

[35] Boeicho boeikenkyujo senshishitsu... P. 340.
[36] Alvin D. Coox. The Anatomy of a Small War: The Soviet-Japanese Struggle for Changkufeng / Khasan.1938. – London: Praeger Pub, 1977. – P. 7.
[37] Boeicho boeikenkyujo senshishitsu... P. 340.
[38] Alvin D. Coox. Op. cit. P. 4.

perceptible for both sides, since "the border marking posts were lost, and the wire or wooden fences of the border were absent".[39] It was almost impossible to navigate the terrain on the exact location relative to the border.

Diplomatic negotiations on the situation around the Zaozyornaya Height in connection with the activity on it of Soviet border guards, the actions of which the Japanese side opposed, took place on July 15, 1938 in Moscow. On that day the Charge d'Affaires of Japan in the USSR Nishi Haruhiko[40] and Deputy People's Commissar for Foreign Affairs B.S. Stomonyakov[41] held two meetings. The Japanese side took part in the negotiations, since Manchuria had concluded the Japan-Manchuria Protocol with Japan, under which Japan assumed the obligations on protecting the security of Manchukuo.

During the talks, the Charge d'Affaires H. Nishi did not mention the circumstances of the "unclear drawing of the border"[42] or "the three options for drawing the border"[43], mentioned above. The Soviet side insisted on drawing the border according to the Hunchun Protocol.[44] B.S. Stomonyakov conveyed to H. Nishi the information that the Far Eastern authorities had confirmed that not a single Red Army soldier or border guard had crossed the Manchurian border and, at the same time, showed him a map compiled on the basis of the Hunchun Protocol and attached thereto, signed by representatives of the Russian Empire and the Qing Empire, and insisted on extending its action on the border with the USSR[45] (see Fig. 6).

Charge d'Affaires H. Nishi turned out to be deaf and blind to the arguments of the Soviet side, peremptory insisting on belonging of the place of location of the

---

[39] K. E. Cherevko. Hammer and sickle... P. 80.

[40] Nishi Haruhiko (西春彦) (1893‑1986) - during the battles at Lake Khasan Chargé d'Affaires of Japan.

[41] Stomonyakov Boris Spiridonovich (1882-1940) - during the battles at Lake Khasan, Deputy Commissar of Foreign Affairs of the USSR.

[42] Documents of foreign policy of the USSR. Vol. 21 / editing by A. A. Gromyko [and others.]. – M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury publ., 1977.- P. 365.

[43] ibid.

[44] ibid.

[45] ibid. P. 365–366.

Soviet border guards to Manchuria.[46] In response, B.S. Stomonyakov sharply accused the representative of Japan saying that when it was favourable for the Japanese government, it stated that the matter of the border should be resolved between the Manchurian and the Soviet sides, but now when Japan had its own interests in this region, it started to insist on the mutual agreement of Japan and Manchukuo and also insisted on its own participation in resolving the matter of the border line.[47]

The representatives of the USSR during the negotiations relied on the Hunchun Protocol and on the map attached to it; therefore, their position regarding the border line had clear grounds, in contrast to the representatives of the Japanese side, who did not give clear arguments in defense of their position and only insisted on crossing the border by the Soviet border guards.

The content of the negotiations shows that the representatives of Japan never mentioned the existence of alternative borders to the Hunchun Protocol. Therefore, it can be concluded that the idea of an unclear state of the border, as well as the existence of three variants for the border line is later than the conflict itself and did not exist during the Khasan conflict. Although information about this view appears in the official Japanese military-historical encyclopedia.[48]

It is necessary to analyze the Japanese historical materials to determine the sources of misconceptions about the existence of three versions of the border. The source, which is referred to in many Japanese studies, is the materials of the 1st Demobilization Department compiled in 1952. Thus, the materials relating to the Second World War became the basis for the Japanese studies on the incident at Lake Khasan.

The three border lines mentioned by Japanese researchers are: the border line under the Hunchun Protocol of 1886, the line drawn by the Russian military men and the line drawn by the Chinese military men, but none of them, except for

[46] ibid. P. 366–367.
[47] ibid. P. 368–369.
[48] Boeicho boeikenkyujo senshishitsu... P. 340.

the line of 1886, appears in the official agreements on the state borders (see Figs. 4, 5). The lack of official agreements on these two border lines [49] made it difficult for the Japanese side to put forward counterarguments during diplomatic negotiations with the USSR. There are also big doubts as to whether, indeed, for Japan in 1938, the border line was unknown.

During the escalating conflict in July 1938 the weekly periodical "Weekly" (週報)»[50] which belonged to the Information Section of the Cabinet of Ministers of Japan, published the information about two, and not three possible, lines of the border, and enclosed the relevant maps (see Figs. 7, 8).

The eastern border, "the border after the map of the Russian Empire" coincides with “the border after the map of the General Staff of the Russian Empire of 1911" shown in Figs. 4, 5. The western border, “the border under the Hunchun Protocol", also coincides with "the border under Hunchun Protocol of 1886" shown in Fig. 7 and Fig. 8. The border of the three northeastern provinces (Liaoning, Jilin, Heilongjiang) by the Army Geodetic Bureau, which was shown in Figs. 4 and 5, is absent in Fig. 7 and Fig. 8.

In addition, in the above-mentioned "Weekly" it is made clear that the border between the Russian Empire and Manchuria is interpreted differently in the text of the Hunchun Protocol in Russian and Chinese. In particular, in Russian it is stated that the Zaozyornaya Height rises on the border line between the USSR and Manchukuo. [51] The western border of the map from the "Weekly" corresponds to the Chinese text of the Hunchun Protocol, but this map does not show that there is another possible interpretation - the Russian one. If we refer to the original text of the Hunchun Protocol, in Russian it says: "From the letter T. the border goes north-west, over the mountains, on the western side of Lake Khasan” [52], and in Japanese

[49] Chokohojiken (Battles at Lake Khasan)... P. 1.
[50] Rikugunsho shimbun han (A collection of newspapers of the Ministry of the Army). Chokohojiken no keii (Course of the Khasan battles) // Shuho (Weekly report). – 1938. – No. 93. – P. 22.
[51] ibid. P. 21.
[52] Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRE). F. Tractates. Op. 3.1886. D. 905. L. 3.

(translated from Chinese): «土字界標より西北し、嶺を越えハサン湖の西を経る»[53] (from the letter T. the border goes to the north-west, crossing the mountains on the western side of Lake Khasan). The word 越え (koe)'to move, to get across, to cross over smth.'allows to interpret the phrase in two ways:

the first is consonant with the Russian language version of "over the mountains", that is, along the ridges, and the second - "crossing the mountains", that is, "stepping over" through them, leaving the mountains below the line. However, despite the ambiguity of the meaning of 越え (koe), the Japanese government preferred to take a more advantageous sense for itself as the main and even the only possible one, which resulted in a corresponding foreign policy.

Thus, from the materials of the newspaper of the press department of the Ministry of Land Forces of Imperial Japan (陸軍省新聞班), published during the conflict, we can derive the Japanese side's idea about the existence of not three, but two border lines, and only one of them, officially recognized in the text, is the border line under the Hunchun Protocol, as understood by the Japanese side.

There is, however, a map on which the Japanese side vividly demonstrates the difference in perception of the border line between the USSR and Japan - this is a map drawn up by the Japanese International Association [54] in August 1938 (see Figs. 9, 10). If we turn to it, then on it the border "according to the map of the General Staff of the Russian Empire", indicated in Figs. 4, 5, coincides with the boundary line indicated in the Supplementary Article to the Beijing Treaty of 1861,

[53] Konshun kaiyaku (the Hunchun Protocol) // Japan center for Asian historical records. [Electronic document]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html (Reference code: C13010035100. P. 92) (reference date: 06.10.2018).

[54] Japanese International Association (日本国際協会- on April 23, 1920, the "Association of the League of Nations (国際連盟協会) was founded in Japan; and on May 11, 1933, it changed its name to the "Japanese International Association". This Association was engaged in the studies of international relations.

and here it is indicated as “the previous border”.[55] The border is also not indicated on the map of the three northeastern provinces of the Army Geodesic Bureau. The western border, being the border line under the Hunchun Protocol, is indicated as “the current border” (see Fig. 10), thus, in fact, the Japanese side had a clear view of the border line between Manchuria and the USSR in 1938. Also this line of “the current border” in the west of Lake Khasan is divided into two directions. One is the border line connecting the Bezymyannaya Height and Zaozyornaya Height along their ridges, we can see the border in accordance with the treaty in Russian language, and this line coincides with the border line on which the USSR insisted during negotiations[56] (see Fig. 6). Another direction is the border, which is here referred to as “the border according to the Chinese language version of the treaty” (see Fig. 10) and goes along the western shore of Lake Khasan. And if we consider this line, then the Zaozyornaya Height lies completely in the territory of Manchukuo. The Association's map is a valuable source, thanks to which the divergence between Japan and the USSR regarding the understanding the Hunchun Protocol is clearly visible, which was the reason why both countries relied on the Hunchun Protocol, but did not come to a common denominator.

Thus, during the next round of negotiations between the parties on July 20, the Japanese Ambassador to the USSR, Shigemitsu Mamoru, said the following:

“According to the text of the Hunchun Protocol, the border line goes to the north-east and along the western shore of the Lake Chanchi. It is completely clear in the Russian and Chinese texts. ”[57]

This quote signals that Japan, like the USSR, recognized that the border line runs along the western shore of Lake Khasan. However, the sticking point was where exactly it runs on the western side of the lake.

---

[55] Chokoho fukin kokkyo joyaku ko “Konshun kaiyaku o chushin to shite” (Border treaties at the Zaozyornaya Height: A look through the Hunchun Protcol) // Japan center for Asian historical records [Electronic document]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html (Reference code: B02031259700) (reference date: 21.10.2017).
[56] Documents of foreign policy of the USSR. – Vol. 21. – P. 365–366.
[57] ibid. P. 381.

But if Japan was so convinced in its rightfulness, then why, during the negotiations, the Japanese representatives did not object to the Soviet diplomats and did not present a map confirming their understanding of the border crossing on Manchuria side.

In fact, on July 15, during the negotiations, B.S. Stomonyakov addressed the Japanese diplomat with the words: “As for the question of the map, Mr. Nishi is a sufficiently knowledgeable diplomat so that he may not be not aware of the Hunchun Protocol and the enclosed maps”,[58] and offered to the Japanese side to present the maps that are in Manchuko or Japan. However, Japanese diplomats, both Chargé d'Affaires H. Nishi and Ambassador M. Shigemitsu, saw maps attached to the agreement for the first time only during negotiations with the USSR.[59]

The reason for this lies in the fact that Japan did not have its own copy. There are historical materials indicating that the map belonging to the Qing Empire was lost during the Boxer Rebellion in 1900. [60] The map attached to the Hunchun Protocol was never published[61], and thus the Japanese side had never seen this lost map before negotiations with the USSR.

The USSR, in turn, also could not know about the loss by the Japanese side of the Manchurian copy of the map during the riots in the Qing Empire and negotiated, not knowing if Japan knew or not about the map. During the negotiations, Soviet diplomats had only to reinforce their position on the belonging of the Zaozyornaya Height to the territory of the USSR by demonstrating a map and to make it clear to Japan that it is self-evident for USSR that Japan had its own copy.

This becomes completely understandable from a telegram on July 25, which M.M. Litvinov sent to the plenipotentiary representative offices of the

[58] ibid. P. 372.
[59] ibid. P. 418.
[60] Chokoho fukin kokkyo joyaku ko “Konshun kaiyaku o chushin to shite”... (Reference code: B02031259700. P. 11) (reference date: 21.10.2017).
[61] Documents of foreign policy of the USSR. – Vol. 21. – P. 381.

USSR: “Japan perfectly knows that the height it disputes is on the Soviet territory on the basis of all the existing agreements and official maps”.[62]

Based on the this analysis, we can conclude that, despite the fact that both sides relied on the same document - the Hunchun Protocol, Japan recognized the border line along the western shore of Lake Khasan, and the USSR believed that the border goes near the Zaozyornaya Height through the peaks of the nearby heights. Disagreements in the interpretation of the treaty regarding the border line became the main prerequisite for the beginning of the hostilities at Lake Khasan.

1.4. The Situation on the Border of the USSR and Manchukuo until July 29, 1938

For a long time, the Soviet Union and Japan tried not to aggravate the situation in the region of the triple border of the USSR, Manchukuo and the Governorate-General of Chosen. Despite the territorially controversial situation in the eyes of the Japanese representatives on this border, Japanese documents for 1936 mention that in March 1936 the Commander-in-chief of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula, General Koiso Kuniaki [63] decided not to send troops to the disputed territory.[64] On the other hand, the USSR also did not deploy its armed forces in the area of the future conflict at that time.[65] Thus, for a long time both countries did not send their military units there, and in this area was possible to maintain in peace without serious clashes.

However, on June 13, 1938, an event occurred that violated the peaceful course of events. Fearing Stalin's repressions, the Head of the NKVD (People's Commissariat for Internal Affairs) Administration for the Far East, G.S.

---

[62] ibid. P. 390.

[63] Koiso Kuniaki (小磯國昭) (1880−1950) - during the battles at Lake Khasan was Army General, Commander of the Japanese Army stationed on the Korean Peninsula, until June 14, 1938

[64] Chokohojiken (Battles at Lake Khasan)... P. 2.

[65] K. E. Cherevko. Soviet-Japanese conflict in the area of Lake Khasan in 1938 / K. E. Cherevko Military conflict near Lake Khasan: a look through six decades. – M.: 2003. – P.155.

Lyushkov[66] crossed the border of Manchukuo and, having surrendered to the Japanese military men, asked the Japanese for a political asylum. After this incident, the relations between Japan and Russia abruptly became quite tense.

It can be confidently asserted that the flight of the Head of the NKVD Administration for the Far East, for the border troops, subordinate to the NKVD, became an extremely serious incident. Immediately the Commander of the 59th Border Detachment which was guarding the area was replaced, and Colonel K.E. Grebennik [67] was appointed to this post. On June 6, he contacted the Headquarters for guarding the borders in Khabarovsk, to which he expressed the opinion that the Soviet troops should take the Zaozyornaya Height as well as other uplands close to the state borders earlier than the Japanese military men.[68]

At the same time, the Kwantung army carrying out the information reconnaissance, after receiving this information, sent a telegram on June 7 with new information to the Hunchun military mission of the Hunchun expedition army of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula, as well as to the General Headquarters of the Emperor. [69]

Two days later, the activity at the border intensified even more. On July 9, the 76th Infantry Regiment of the 19th Division ascertained that more than ten Soviet soldiers had risen to the Zaozyornaya Height. This fact does not cause any stipulations among the Russian researchers, since it was self-evident for the Soviet and now the Russian side, for the territory to which the Soviet border guards had risen belonged to the Soviet Union in the understanding of the USSR. However, in the interpretation of the Japanese side, the border guards of the USSR appeared in

---

[66] Heinrich Samoilovich Lyushkov (1900–1945) - 3rd rank state security commissioner, Head of the NKVD Department for the Far East (1937–1938).

[67] Grebennik Kuzma Evdokimovich (1900–1974) - during battles at Lake Khasan was Colonel, Commander of Posyetsky Border Detachment.

[68] Nakayama Takashi. Chokohojiken saiko (Revision of the Khasan fights) // Boeidaigakko kiyo (Bulletin of the National Academy of the Defense of Japan). – 1995. – No.70. – P. 93.

[69] In 1893–1945 - The governing body of the Supreme military command in the Japanese Empire. The headquarters consisted of the Army and Navy divisions. Each department consisted of the relevant minister, the chief of the relevant operational department and the chief of the relevant general staff, the imperial adviser was also a member.

the territory of Manchuria. On July 11, about 40 border guards were found who started building fortifications, and small ships appeared on Lake Khasan, which were engaged in transportation.[70]

Although the Commander of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula, Koiso Kuniaki, from the 19th Division, received a message that the border guards appeared at the Zaozyornaya Height, he decided to follow the development of events and did not order to conduct an attack immediately. It was planned first to try and resolve the situation through diplomatic methods – by negotiations, and only if the diplomatic measures did not lead to proper results, to pass on to the countermeasures.[71]

Observing the actions of the USSR, the Japanese General Staff held a meeting with the War Ministry and defined the "Basic Principles of the Height of Chokoho (Chokohojiken shoriyoko 張鼓峯事件処理要綱)». On July 14, the General Staff informed the Kwantung army and the Japanese army stationed on the Korean Peninsula about them.

The contents of the document "Basic Principles…":

"First. To firmly protest through the governments of Japan and Manchukuo and demand withdrawal of the USSR troops using diplomatic methods.

Second. In case the diplomatic means are not effective, to concentrate the military forces directly in front of the border line to react immediately. These forces should be put under the command of the Commander of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula.

[70] Shinajiken-shi tokugo daiikkan chokohojiken-shi fuhyo fuzu (Special Edition of the History of the Second Sino-Japanese War. Vol. 1. History of Khasan Hostilities: Attached tables and maps). (Boeisho boeikenkyujo senshi kenkyu senta / Arhive of the military history research center of research institute of the Ministry of Defense). Sambo hombu (General staff). List 1.
[71] Boeicho boeikenkyujo senshishitsu... P. 345.

Third. The beginning of the use of military force should only be carried out by order from Tokyo."[72]

At the same time, the Ministry of Foreign Affairs of Japan filed a demand-protest against border violation by the USSR.[73]

From this document it is clear that Japan did not attack, its priority was peaceful settlement of the conflict by diplomatic methods. The Japanese army stationed on the Korean Peninsula, concentrated the troops of the 19th Division on the front near the Zaozyornaya Height, but they could take actions only if the diplomatic means did not lead to any results. That is, it was written that any armed action could be carried out only on the order from the Centre.

On July 15, 1938 there were two major events, which concerned the Japanese army stationed on the Korean Peninsula, and affected the course of the history. The first was the appointment of the Commander-in-Chief of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula, Lieutenant-General Nakamura Kotaro[74] instead of General Koiso Kuniaki, though, that apparently had no direct relationship to the unfolding conflict, but was a planned personnel substitution.[75] Another event: shooting by the Soviet side the Japanese military men, guarding the territory near the part of the border in dispute, in the southwestern part of the slope piedmont of the Pulemyotnaya Gorka, during which the younger non-commissioned officer Matsushima Sakuji [76], officer of the gendarmerie [77], showing the area to Sakuma Masatoshi [78], was killed.

---

[72] Gendai-shi shiryo (10) Nitchu senso (3) (Data of the Newest History Vol. 10: The Second Sino-Japanese War No.3) / editing by Sumita Jun. – Tokyo. Misuzu shobo, 1963. – P. xxxiii.

[73] Shinajiken-shi tokugo daiikkan chokohojiken-shi fuhyo fuzu... List 1.

[74] Nakamura Kotaro (中村孝太郎) (1881−1947) - Lieutenant-General, Commander of the Japanese Army stationed on the Korean Peninsula, since July 15, 1938

[75] Nakayama Takasi. Kantogun (Kwantung army). – Tokyo. Kodansha, 2000. P. 186.

[76] Matsushima Sakuji (松島朔二) (1912−1938) - Junior Non-Commissioned Officer of the Gendarmerie. The first to be killed during the incident at the Zaozyornaya Height.

[77] Shinajiken-shi tokugo daiikkan chokohojiken-shi fuhyo fuzu... List 1.

[78] Sakuma Masatoshi (佐久間正俊) (years of life are unknown) - during the fights at the lake Khasan was Ensign, Platoon Commander of the 19th Division.

In Moscow, they were also trying to resolve the conflict: Deputy People's Commissar for Foreign Affairs of the USSR B.S. Stomonyakov and Chargé d'Affaires of Japan Nishi Haruhiko conducted diplomatic negotiations. Despite two diplomatic meetings, no agreement was reached.[79]

In the evening of July 16, in connection with arrival of the Soviet border guards on the territory contested by Japan, the Imperial Headquarters ordered the Commander of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula, K. Nakamura, to concentrate the troops controlled by him near the border. K. Nakamura, who received this order, ordered the Head of the 19th Division Suetaka Kamezo in accordance with Order No.24, to alert four infantry battalions, two mountain artillery battalions, one heavy artillery battalion, a part of the anti-aircraft artillery regiment, the main forces of combat engineers. Head of the 19th Division K. Suetaka, whose duties included the execution of the Order, on July 17 brought to a state of high alert the Headquarters of the 38th Infantry Brigade, the 75th Infantry Regiment, one battalion, troops of infantry artillery and emergency sanitary unit from the 76th Regiment, the 27th Cavalry Regiment, the 25th Mountain Artillery Regiment, the 15th Field Heavy Artillery Regiment, the 25th Anti-aircraft Artillery Regiment, the 19th Combat Engineers Regiment, the Armoured Vehicle School and the Driving School of the 19th Division as well as the signal troops of the 19th Division.[80]

On July 17, at 18:00, it was ordered to unite the mobilized units of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula, in Shikai (四會), Keiko (慶興) and Agochi (阿吾地).[81] The night time was used for deployment of the troops, and by the morning of June 19, 1938 the army was stationed at designated points.

---

[79] Shinajiken-shi tokugo daiikkan chokohojiken-shi fuhyo fuzu... List 1.

[80] Chokohojiken no keii (Course of the Khasan battles). 1938. (Boeicho boeikenkyujo senshi kenkyu senta / Arhive of the military history research center of research institute of the Ministry of Defense). Chosengun shireibu (Japanese army stationed on the Korean Peninsula Headquarters). P. 4–7 on cov.

[81] Shikai (四會), Keiko (慶興), Agochi (阿吾地) are now cities in North Korea. Fig. 2

In 1938, Japan was deeply involved in the war with China. In 1938, was planned the annexation of Wuhan. In such conditions, Japan prioritized solving the problems arising on the border with the USSR to diplomatic negotiations, which, however, were unsuccessful.[82] Contrary to the firm position of the Japanese Foreign Ministry, by July 17, the Imperial Headquarters began to feel that hope for a peaceful solution was weak.[83] Japan did not plan to fight on two fronts and was not ready for a global clash with the USSR, as reported by the famous spy Richard Sorge in 1938: "The war against the USSR will start neither in spring nor summer 1938" [84] and "This incident (near Khasan – F. Volkov) will not lead to a war between the Soviet Union and Japan" [85], the conclusion which was made on the database obtained through the German Embassy in Tokyo, from the Japanese military through Ozaki Hotsumi. [86]

In this situation, the combat units of the 19th Division were concentrated in the area near Lake Khasan, where they were put on alert. And if orders were received from the Emperor, the military would be ready to attack the Soviet side at any time.

On July 19, Japan's General Staff officer Inada Masazumi [87], awaiting orders from the Emperor, handed over to the staff officer Arao Okikatsu [88] a duplicate of the draft of the imperial order on the military resolution of the conflict. It was decided to urgently send O. Arao to the Commander of the 19th Division, thus heating the atmosphere even more. According to the report of the

---

[82] Boeicho boeikenkyujo senshishitsu... P. 347.

[83] Gendai-shi shiryo (12) Nitchu senso (4) (Data of the Newest History Vol. 12: The Second Sino-Japanese War No.4) / editing by Kobayasi Tatsuo [and others]. – Tokyo. Misuzu shobo, 1965. – P. 502.

[84] F. D. Volkov. Heroic act of Richard Sorge – M.: Znanie publ., 1976. – P. 36.

[85] ibid.

[86] Ozaki Hotsumi (尾崎秀実) (1901−1944) - Japanese Communist, journalist, extrabudgetary staff member of the Cabinet of Ministers of Japan, informant for R. Sorge.

[87] Inada Masazumi (稲田正純) (1896−1986) - during the battles at Lake Khasan was Colonel, officer of the General Staff of Japan.

[88] Arao Okikatsu (荒尾興功) (1902−1974) - during the battles at Lake Khasan was Major, member of the General Staff of Japan.

reconnaissance squads, the alleged military actions by the USSR were to begin with a night attack on July 20 or 21.[89]

On July 20, the Minister of the Army Itagaki Seishiro [90], not yet having an agreement to conduct military operations from the Minister of Foreign Affairs Ugaki Kazushige [91] and the Minister of the Navy Yonauti Mitsumasa [92], appealed to the Emperor with a petition stating that all the 5 ministers (Prime Minister, Minister of Army, Minister of the Navy, Minister of Finance, Minister of Foreign Affairs) allegedly had agreed to use weapons against the USSR in the area of Lake Khasan, wishing also to obtain the consent of the Emperor to the beginning of hostilities. But the Emperor knew in advance from K. Ugaki's report that at that time the Minister of Foreign Affairs, that is, K. Ugaki himself, and the Minister of Navy M. Yonauti agreed only to concentrate the troops, and not to use weapons. The Emperor, realizing that was a lie, said: "By nature, the army mode of action is rude (a part of the text is omitted), from time to time my army is behaving inappropriately. I sincerely believe that this is unacceptable". Having scolded S. Itagaki, the Emperor declared: "From this moment on, no soldier is allowed to move without my order." [93] Minister S. Itagaki, hoping to easily obtain the imperial permission to start military operations, was so scared that he couldn't even think about using weapons.

On the other hand, the combat fervor of the 19th Division, which was in place, awaiting the order to start using weapons any moment, was growing, and desire to test oneself in a real battle was growing too. On July 20, the Commander of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula, K. Nakamura (on July 15

[89] Boeicho boeikenkyujo senshishitsu... P. 349.

[90] Itagaki Seishiro (板垣征四郎) (1885–1948) - the 46th and 47th Minister of Army of Imperial Japan (1938–1939).

[91] Ugaki Kazushige (宇垣一成) (1868–1956) - the 55th Japanese Foreign Minister (May 26, 1938 - September 29, 1938).

[92] Yoneuchi Mitsumasa (米内光政) (1880–1948) - 19th Minister of the Navy of Imperial Japan (February 2, 1937 - August 30, 1939).

[93] Harada Kumao. Saionjiko to seikyoku dai 7 kan (Prince Saionji and political situation. Vol. 7). – Tokyo. Ivanami shoten, 1952. – P. 51.

the Commander was replaced), watching the situation and seeing that the imperial order for the beginning of hostilities did not come, sent a telegram (No. 985) to the Chief of the General Staff and the Minister of Army stating that the Soviet troops were constantly strengthening their positions. And given that the diplomatic negotiations did not give any result, in such a situation, as K. Nakamura telegraphed, the attack should start immediately.[94]

On July 21, the troops that were waiting received instruction No. 204. Its content was as follows:

"1. The actions of the troops concentrated at the Manchurian-Korean border, especially the preparation of battles, require special care. It is necessary to strictly avoid the actions that could lead to an escalation of the conflict.

2. The actions of the border troops, which have long been at the border of the USSR and Manchuria, also should not provoke the Soviet army."[95]

That is, the Centre not only did not allow the use of weapons, but even demanded not to provoke the Soviet side. Such content of the order for the local troops was surprising. On the same day, Commander K. Nakamura received a reply from the Chief of the General Staff to Telegram No. 985 (Telegram No. 220).

Telegram No. 220

"... The Centre continues to study the situation and the possibility of using weapons. The international situation requires caution, at least, for the time being, instruction No. 204 was given, the provisions indicated in your telegram are not accepted."[96]

Tokyo was afraid of unforeseen developments at the border with the USSR, so on July 26, an order was given to withdraw the troops of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula, except for a small detachment required to guard

[94] Chokohojiken no keii... P. 19–19 on cov.
[95] ibid. P. 14 on cov. – 15.
[96] ibid. P. 20 on cov.

the border. Upon accepting the order, on July 27, Commander K. Nakamura conveyed an order for an urgent withdrawal of the Japanese troops the Soviet-Manchurian-Korean border to the Head of the 19th Division, K. Suetaka. Based on this order, on July 28 at 7:00 am the K. Suetaka ordered the troops to start returning in the evening.[97] While the Division was returning to the base, the Commander of the Division K. Suetaka stayed in one of places of concentration of the troops of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula, in Keiko to the utmost as the person responsible for the transportation and redeployment.[98]

Thus, the conflict in its very beginning had to be resolved by peaceful means. With withdrawal of the main units of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula, from the sites of events, it had to be resolved without developing into an armed clash.

[97] ibid. P. 28–31.
[98] Shinajiken-shi tokugo daiikkan chokohojiken-shi fuhyo fuzu... List 1.

CHAPTER 2. THE EVENTS OF THE CONFLICT AT LAKE KHASAN IN THE ARCHIVES OF JAPAN

2.1. The Incident at the Bezymyannaya Height: the Beginning of Hostilities

On July 29, at 9:30 am, when the main forces of the troops that were at the border were still en route to the base, Kanda Yasuo [99], the Commander of the Border Detachment of the 76th Regiment, discovered the Soviet border guards who had advanced to the height south of the Bezymyannaya Height and started digging trenches on it. [100] The Chief of the Japanese Border Detachment, Lieutenant-Colonel Senda Sadasue [101], took Y. Kanda with him, rose to the Bogomolnaya Height, to make sure with his own eyes that the information was correct.

When S. Senda got to the height of the Bogomolnaya Height, the Soviet border guards building fortifications on their positions really appeared to his eyes. Regarding what he saw, S. Senda decided that the primary mission of the Japanese military should be the quick expulsion of the Soviet border guards from the height, so he called to Keiko, where the 19th Division Commander Suetaka Kamezo remained, and gave him a detailed report on the situation and his opinion.

Due to the fact that at this time there were a poor communication and audibility, K. Suetaka did not understand the details. After half an hour of reflection, he fully agreed with S. Senda's assessment of the situation and ordered the Soviet border guards to be ousted from the height at which they were, but in order to avoid escalation of the conflict, do not gain a foothold there, but immediately go back to the rear.[102]

---

[99] Kanda Yasuo (神田泰雄) (years of life unknown) – during the fights at Lake Khasan was Captain, commander of the border detachment of the 76th Regiment.

[100] Shinajiken-shi tokugo chokohojiken-shi soan (Special Edition of the History of the Second Sino-Japanese War). 1939. (Boeicho boeikenkyujo senshi kenkyu senta / Arhive of the military history research center of research institute of the Ministry of Defense). Sambo hombu (General staff). P. 17.

[101] Senda Sadasue (千田貞季) (1892−1945) - during fights at Lake Khasan was Lieutenant Colonel, Commander of the Japanese Border Detachment

[102] Shinajiken-shi tokugo chokohojiken-shi soan... P. 17, 20–21.

K. Suetaka decided to strengthen the detachment of Y. Kanda with one battalion of infantry of the 76th Regiment, which returned to the base, as well as by the artillery troops. And, at the same time, he also decided to suspend the movement to the base of the troops that were still staying in Keiko and send them to the height where the Soviet border guards were present. In addition, the Headquarters of the Division that returned to the place of their permanent location Ranan (羅南)[103], as well as the main forces of the 25th Mountain Artillery Battalion, which was at the railroad, were again called to the place of the emerging military conflict, and they started preparation in accordance with changing circumstances.

Even though it was necessary to take care of preventing the conflict, S. Senda, who had received approval and support from the Chief of the Division, ordered Captain Y. Kanda to take one platoon and immediately attack the border guards of the USSR occupied with construction on the height south of the Bezymyannaya Height.[104] Captain Noguchi Shigeyoshi [105] also occupied the height between the Zaozyornaya and Bezymyannaya heights and ordered to fire support the troops of Captain Y. Kanda.[106]

Thus, because of the division by the Japanese military men of the Soviet troops advancing on July 9 to the Zaozyornaya Height and on July 29 to the Bezymyannaya Height, and because of the decision to attack the Soviet border guards, the situation became more and more tense and swiftly rolled down to a military conflict.

On July 29, at 13:30, Ensign Sakuma Masatoshi called by Captain Y. Kanda, leading a platoon of 25 soldiers arrived at the height indicated by the commanders on the western coast of the Nachalny Prud. Since the detachment of Y. Kanda almost at the same time arrived at the same height, Y. Kanda included M.

---

[103] Ranan (羅南) is a city in North Korea (now one of the districts of Chongjin).

[104] Shinajiken-shi tokugo chokohojiken-shi soan... P. 17–18, 21.

[105] Noguchi Shigeyoshi (野口重義) (years of life are unknown) - during the fights at Lake Khasan was Captain of the 19th Division of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula.

[106] Shinajiken-shi tokugo chokohojiken-shi soan... P. 17–18, 21.

Sakuma's troops to the ranks of his detachment, and so moved to the Soviet border guards. Y. Kanda ordered not to open fire until an attack began from the Soviet side and ordered to retreat from the height as soon as the Soviet border guards were driven out.

Although Y. Kanda's platoon when advancing was attacked by the Soviet border guards, it, without responding to the fire, continued to move forward into the valley, but, eventually, the Japanese platoon started fire, as there were wounded.[107] And, thus, the fire exchange between the local Soviet and Japanese sides started, which marked the beginning of the battles at Lake Khasan.

Ensign M. Sakuma led three compartments which could approach the enemy from the rear at 30 m. Y. Kanda and his units could approach the Soviet border guards at 50 m. In response to the enemy's fire Y. Kanda's troops started a bayonet assault, Commander Y. Kanda himself struck the Soviet border guard with his bayonet.

Ensign M. Sakuma was wounded in the face and shoulder, but he himself struck two enemies with his bayonet. The remaining border guards were killed by fire weapons; at 15:10, there was no one Soviet boarder guard in the area near the Zaozyornaya Height.[108]

There was also a petty officer Miyasita Kiyohito [109], who commanded the platoon, in the troops of S. Noguchi. Three quarters of the troops subordinated to him advanced to the Zaozyornaya Height, another quarter to the Bezymyannaya Height, where they encountered the Soviet border detachment which opened fire from the eastern side of Lake Khasan. However, K. Miyasita's detachment acted very decisively, and the Soviet border guards had to flee, while one border guard was shot.[110]

---

[107] ibid. P. 18.
[108] ibid. P. 19.
[109] Miyashita Kiyohito (宮下清人) (years of life unknown) - during the fights at Lake Khasan was Head, Platoon Commander of the 19th Division.
[110] Shinajiken-shi tokugo chokohojiken-shi soan... P. 19.

Lieutenant-Colonel S. Senda forbade Y. Kanda's troops to pursue the Soviet border guards beyond the border of Manchukuo, in the Japanese understanding. At 16:30, to avoid an unnecessary clash with them, Lieutenant Colonel S. Senda took command of the detachments of Y. Kanda and M. Sakuma, led the troops to the height 800 m south-west of the Bezymyannaya Height and took a position there.

At 17:00, in place of the retreating Soviet border guards, the Red Army units numbering 80 persons came to replace the Japanese who had retreated from the height. Attacking the height south of the Bezymyannaya Height, eventually, the Soviet troops marched for 500 meters beyond the border line (as the Japanese interpreted it), where they started to construct the fortifications. Following the first military men, tanks and reinforcements from the Soviet rear arrived (see Fig. 11).

S. Senda in response to these movements of the Soviet troops, ordered the detachment of S. Noguchi (who returned to K. Miyasita's detachment) to occupy the Bogomolnaya Height, and the detachment of Y. Kanda to occupy the upland west of Lake Nachalny Prud. Chief of the Division K. Suetaka placed the troops into a state of high alertness, and the detachment of Imagawa Shigeo's[111] company of the 1st battalion of the 76th Regiment occupied the western height at Lake Nachalny Prud. S. Senda reported this to the Division Chief K. Suetaka in Keiko and demanded to send the reinforcement.

A little earlier, at 4 am, the 19th Division contacted the Head of the 75th Regiment, who was preparing to return to the base, Colonel Sato Kotoku [112]. The message described the battles on that day. Colonel K. Sato, having received such information, stated that it would be useful for the future of the Japanese troops to capture the Pulemyotnaya Gorka Height. This opinion was accepted by the

[111] Imagawa Shigeo (今川茂男) (years of life are unknown) - during the fights at Lake Khasan was Lieutenant, Company Commander of the 76th Regiment of the 19th Division of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula.

[112] Sato Kotoku (佐藤幸徳) (1893–1959) - during the fights at Lake Khasan was Colonel, Commander of the 75th Regiment of the 19th Division of the Japanese Army, stationed on the Korean Peninsula.

authorities; therefore, Colonel K. Sato gave the order to the 3rd Battalion under the command of Major Hirahara Shijuo[113] to advance to Kojyo, and to other units to concentrate at Agochi. Since the situation was difficult, the Colonel hastily personally joined the troops in Agochi.[114]

At 18:20, Chief of the Division K. Suetaka ordered Colonel K. Sato to add two companies from the 15th Regiment of heavy artillery to the 1st and the 3rd battalions, after which to urgently concentrate at Kojyo preparing the troops for combat operations in the area of the Zaozyornaya Height. The same order stated that the troops of S. Senda, which had previously retreated 800 meters from the border, were fighting with the Red Army military men, that is, it could be assumed that the Red Army occupied the territory between the border line, in the Japanese sense, and the troops of S. Senda.[115]

K. Suetaka was not going to miss the "such a favourable situation sent by Heaven" (天与の機会)[116], and, despite of the presence in his troops of those who considered the military conflict with USSR undesirable[117] (Morimoto Nobuki [118], Okido Sanji [119], Tanaka Ryukichi [120]), decided to attack the Soviet positions which had moved out the border by the forces of the 75th Regiment headed by Colonel K. Sato. Nothing is known about how this decision was carried out. There are no

---

[113] Hirahara Shizuo (平原静雄) (? −1938) - during the fights at Lake Khasan was Major, Commander of the 3rd Battalion of the 75th Regiment of the 19th Division of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula.

[114] Shinajiken-shi tokugo chokohojiken-shi soan... P. 19–22.

[115] Chokohojiken no keii... P. 36–36 on cov.

[116] Aruvin D. Kukkusu. Mohitotsu no Nomonhan Chokohojiken 1938 nen no nisso funso no kosatsu (Another Khalkhin-Gol. Khasan fights: Review of the Japanese-Soviet conflict in 1938). – Tokyo. Hara shobo, 1998. – P. 89.

[117] Alvin D. Coox. Op. cit. P. 98.

[118] Morimoto Nobuki (森本伸樹) (years of life are unknown) - during the fights at Lake Khasan was Commander of the 37th Brigade of the 19th Division of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula.

[119] Okido Sanji (大城戸三治) (1891−1962) – during the fights at Lake Khasan was Commander of the 76th Regiment of the 19th Division of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula.

[120] Tanaka Ryukichi (田中隆吉) (1893－1972) - during the fights at Lake Khasan was Commander of the 25th Mountain Artillery Regiment.

records of reports to the General Staff of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula about clashes or specific movements of the Soviet military men and border guards until 17:30 on July 29. Probably, this time it was an action at one's own discretion.

At 21:20 on July 29, K. Suetaka informed the Commander of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula K. Nakamura through the officer of the Headquarters of the 19th Division: "This incident is a consequence of an illegal provocation of the Soviet troops. I am convinced that the nature of the current events is completely different from the incident that we encountered when the Soviet troops came to the Zaozyornaya Height, this why it should be regarded as a separate incident."[121] In such a way the events involving the Soviet side at the Zaozyornaya Height were separated from the actions near the Bezymyannaya Height and ajoining heights.

Commander K. Nakamura received the message of K. Suetaka and agreed with the actions of the 19th Division, but decided that the Japanese troops should not pursue the USSR troops after expelling them from the territory of Manchuria, so as not to escalate the conflict. Having taken the decision to act in this way, K. Nakamura sent the Chief of Staff Kitano Kenzo [122] to the border so that he would be guiding the situation at the scene of the fighting in the way chosen by K. Nakamura.[123]

The conclusion drawn by K. Suetaka about the difference in conflicts deserves special attention, as K. Suetaka by his decision divided his incidents on July 9 and 29: he withdrew the incident on July 29 from the Emperor's order of non-aggression. In this case, it turned out that initially the main task of the 19th Division deployed at the Zaozyornaya Height was guarding of the border; thus, it quietly and without much permission of the Emperor had the right to fulfill its duty

[121] Chokohojiken no keii... P. 39.

[122] Kitano Kenzo (北野憲造) (1889−1960) - during the fights at Lake Khasan was Chief of Staff of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula.

[123] Chokohojiken no keii... P. 39 on cov.

to guard the border, if it was suddenly needed. That is, the Centre did not want to fight with the Soviet Union, but local chiefs ardently desired to participate in a fight where they could show themselves, and they were sure that the USSR had violated the border, so it was necessary to drive its troops beyond the border, in the Japanese understanding. In Russia, the reason for the battles at Lake Khasan was the attack by Japanese troops on the Bezymyannaya Height on July 29, 1938 [124], and this very day is called the first day of the conflict. For Japan the cause of the conflict was the arrival of the USSR border guards to the Zaozyornaya Height on July 9, 1938, which is considered to be the first day of the conflict near the Zaozyornaya and the Bezymyannaya heights in Japan, and July 29 for Japan is only the beginning of the stage of fights. Thus, there is a difference not only in the vision of the causes, but also in dating of the conflict. However, the point is that the reason for the outbreak of hostilities, from the point of view of Japan, was not the arrival of the USSR border guards to the Zaozyornaya Height, but the arrival of the Soviet border guards to one of the ridges on the south of the Bezymyannaya Height on July 29, 1938. That encouraged the Japanese army stationed on the Korean Peninsula, which was returning to the base on orders, to take actions despite the order of Tokyo.

At 1:25 on July 30, K. Nakamura informed the Chief of the General Staff, the Minister of Army and the Commander of the Kwantung army that he agreed to a separate control of the 19th Division by K. Suetaka, but in order to maximally rule out the development of the conflict, K. Nakamura personally was going to lead the military operations for the time of this incident. [125] Therefore, K. Nakamura ordered K. Suetaka: "If you need to use weapons before the attack from the side of the USSR, the permission for such actions will come from above”.[126]

---

[124] V. N. Kuzelenkov. Documents of the Russian State Military Archive on the history of the military conflict in the area of Lake Khasan in 1938 / V. N. Kuzelenkov // Military conflict near Lake Khasan: a look through six decades. – M.: 2003. – P. 22.

[125] Chokohojiken no keii... P. 39 on cov. – 40.

[126] Shinajiken-shi tokugo chokohojiken-shi soan... P. 28.

Despite the existence of this order, K. Suetaka took a motor boat and sailed along the Tumannaya River to the Matsuotsu Height.[127] At this Height, there was already the 75th Regiment under the leadership of K. Sato, whom K. Suetaka met. Colonel K. Sato said: "The present enemy continues to build up military strength and is active. It is clear that the enemy has a pre-prepared provocative plan, and the situation is very complicated. At 15:30, I gave the order to seize the initiative and strike a strong blow".[128]

The contents of the order given by K. Sato is as follows: "On July 31st, from 2:00 am to conduct an attack in the area of the Bezymyannaya Height and on the Zaozyornaya Height." Why the Zaozyornaya Height was included into the order too, though earlier the local troops decided that the incident associated with it was a separate event? This was done for tactical reasons: to attack the direction of the Bezymyannaya Height successfully, it was necessary to capture the Zaozyornaya Height, which is higher than the Bezymyannaya Height.

The Chief of Division K. Suetaka, who received the message from Colonel K. Sato, realizing the importance of the forthcoming attack, to make it clear who had given the order for the attack, who was responsible for what was happening, and so that there would be a material testimony, wrote about this on the business card that was at hand.

First, the message of Lieutenant Colonel S. Senda states that 10-11 tanks and 70-80 infantrymen were present behind the position of the enemy which was south-west of the Bezymyannaya Height, in the territory of Manchukuo. "Since this morning, there has been an extraordinary activity".[129]

And also, under paragraph 2 it is written "If you understand that the invasion of the enemy begins, strike a blow decisively and drastically".[130] Having

---

[127] Matsuotsu (松乙峯) - height on the western bank of the Tumannaya River. See Fig. 2
[128] Shinajiken-shi tokugo chokohojiken-shi soan... P. 28–29.
[129] Boeicho boeikenkyujo senshishitsu... P. 360.
[130] ibid.

written the order based on his own decision, K. Suetaka, having thus witnessed his responsibility in writing, returned to the Headquarters in Keiko.[131]

On July 30, from the evening, in the area south of the Bezymyannaya Height, the Soviet infantry troops and several tanks were supposedly deployed and were preparing for an attack. The Japanese troops heard the sound of tanks even in the area of the Zaozyornaya Height. When the night came, these sounds subsided, but Colonel K. Sato, aware of the actions of the USSR until that time, concluded that on the next day the Soviet side would continue its activities, and, that is why, in the night from July 30 to July 31 he decided to act according to a preconceived plan, that is, to attack. As the agreed password that day, the words of the motto of the 75th Regiment were used: "Honesty 正直 (shojiki)" and "Courage 勇猛 (yumo)". [132]

On the Zaozyornaya Height, the first battalion of the 75th Infantry Regiment led by Major Nakano Tositi [133], having destroyed the Soviet wire fences in advance, attacked and moved forward. The Soviet troops used illuminating shells and furiously fired back trying to resist, but the Japanese troops attacked, at the end having switched to bayonet attack and, thus, won. On July 31, at 5:15 am, the Japanese troops captured the Zaozyornaya Height. In the area of the Bezymyannaya Height, the first battalion of the 76th Infantry Regiment led by Major Takenouti Shigeo[134] attacked the enemy and in the morning at 6:00 captured the Soviet positions at the Bezymyannaya Height.[135]

---

[131] Boeicho boeikenkyujo senshishitsu... P. 360–361.

[132] Shinajiken-shi tokugo daiikkan chokohojiken-shi fuhyo fuzu... List 1. (continued).; Shinajiken-shi tokugo chokohojiken-shi soan... P. 56.

[133] Nakano Toshichi (中野藤七) (years of life are unknown) - during the fights at Lake Khasan was Commander of the 1st Battalion of the 75th Infantry Regiment of the 19th Division of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula.

[134] Takenouchi Shigeo (竹ノ内繁男) (years of life are unknown) - during the fights at Lake Khasan was Major, Commander of the 1st Battalion of the 76th Infantry Regiment of the 19th Division.

[135] Hohei dai 75 rentai chokohojiken sento shoho 1/2 (Detailed combat report of the 75th Regiment 1/2). (Boeicho boeikenkyujo senshi kenkyu senta / Arhive of the military history

Weather was also an ally of Japan. Since the Japanese troops captured the Zaozyornaya Height, thick fog rose from the Tumannaya River, and heavy rain began; that is why, because of poor visibility, the Soviet troops stopped the artillery operations.[136] Thus, thanks to favourable weather conditions, Japan could gain two heights.

After the night assault organized by the personal decision of the Chief of the Division K. Suetaka, the Commander of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula, K. Nakamura ordered to hold the already seized positions, but he demanded that every effort be made to ensure that the situation did not deteriorate even more. The Imperial Headquarters also supported the decision not to aggravate the current situation, but to leave the resolution of the problem to the diplomats.[137] Deputy Chief of the General Staff of Japan, Lieutenant-General Tada Hayao [138] reported on what was happening on the border to the Emperor. H. Tada was very nervous in expectation of the Emperor's reaction to the fact of the attack of the Zaozyornaya Height by the decision of local troops, though the Emperor himself had once already banned the attack of this Height. But then H. Tada explained that the night attack had not been planned by Japan, it was the answer to the crossing of the Manchurian border by the Soviet border guards, while Japan's troops did not cross the border line, they only forced the Soviet forces to withdraw from the Manchurian territory while remaining in Manchukuo, so the Emperor said the following about the actions of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula: "What has happened has already happened. It's good that the troops stayed on the won positions, without trespassing the border. Give my opinion: the military men at the front should not make even one step beyond the border line.

---

research center of research institute of the Ministry of Defense). Hohei dai 75 rentai (75th Regiment). P. 39–40, 43, 50–51.

[136] ibid. P. 33.

[137] Boeicho boeikenkyujo senshishitsu... P. 366.

[138] Tada Hayao (多田駿) (1882–1948) - during the fights at Lake Khasan was Deputy Chief of the General Staff of Japan, Lieutenant General.

However, one also should not give back the positions that have been won".[139] Thus, the Emperor showed a certain understanding of the problem.

Lieutenant-General H. Tada informed the troops of the 19th Division about the Emperor's decision, and together with K. Suetaka, who was present, they, touched to tears, vowed to fulfill their sacred duty even at the cost of their lives.[140]

Based on the foregoing, it can be concluded that the actions of the Japanese military men in response to the advancement of the Soviet border guards on July 9 and their advancement in the area of the Bezymyannaya Height on July 29 were the unauthorized decision of the Head of the 19th Division of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula, not agreed with the Japanese government, which due to the discovery of Soviet border guards at the Zaozyornaya Height on July 9, gave a clear order not to act without communication with Tokyo and not to attack without additional instructions. However, this decision was the reason for the beginning of a serious military conflict.

2.2. The Peak of Hostilities of the Conflict at Lake Khasan

Since the Zaozyornaya and Bezymyannaya heights appeared to be in the hands of the Japanese, both armies began to prepare for even more massive military actions.

On July 31, the Japanese attacked at night the positions of the Red Army, thus, the Soviet troops had to retreat, but already on August 1 they started a counter-offensive to get back the heights. In Japan, this attack was called "the first attack to get back the height" (daiichiji dakkai kogeki 第一次奪回攻撃)»[141].

On August 1, around 9 am, the Soviet troops started shooting at the Zaozyornaya and Bezymyannaya heights. However, this shooting was erratic, and almost all the shells fell on the western side of the Bogomolnaya Height without

[139] Alvin D. Coox. Op. cit. P. 180.
[140] Boeicho boeikenkyujo senshishitsu... P. 367–368.
[141] ibid. P. 368.

harming the Japanese military men.[142] The Soviet army from that day also started to use aviation: on that day, 13-15 aircrafts participated in military operations.[143] They appeared in the sky above the Japanese army in the afternoon dropping shells from a high altitude, so they could not bomb effectively. The Japanese anti-aircraft attacks were also not precise, and the Soviet aircrafts could descend from the altitude of 600 m to 500 m. Then the Japanese military men stopped random shooting and shot at the aircrafts only after they descended to the altitude suitable for shooting. Such tactics was useful, and at 16:30 they could shoot down one aircraft [144] (See Fig.12).

Then the Soviet military men stopped military actions till the evening and moved 3,000 soldiers with artillery to the area of Zarechye (12 km northeast of the Zaozyornaya Height).[145]

Colonel K. Sato, foreseeing the attack of the Soviet troops at dawn, ordered Major S. Hirahara, Commander of the 3rd Battalion, to send the 10th Company under the command of Takeshita Shumpei [146] to the Pulemyotnaya Gorka Height. He also decided to assign the overall command at the Height to Captain S. Takeshita, and the 1st machine-gun platoon of the 1st Company also strengthened positions under his command.[147]

On August 2, the battle for the Pulemyotnaya Gorka Height started again. From about 8 am, the Soviet military men started a massed fire of the Height, as a result, monitoring of the enemy's position became very difficult. At about 9 am, air attacks also began, simultaneously with which two infantry battalions started to advance.[148]

---

[142] Hohei dai 75 rentai chokohojiken sento shoho 1/2... P. 79.
[143] Shinajiken-shi tokugo daiikkan chokohojiken-shi fuhyo fuzu... List 1. (continued).; Hohei dai 75 rentai chokohojiken sento shoho 1/2... P. 80.
[144] Hohei dai 75 rentai chokohojiken sento shoho 1/2... P. 80–82.
[145] Shinajiken-shi tokugo daiikkan chokohojiken-shi fuhyo fuzu... List 1. (continued).
[146] Takeshita Shumpei (竹下俊平) (years of life are unknown) - during the fights at Lake Khasan was Captain, Commander of the 10th Company of the 75th Regiment of the 19th Division of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula.
[147] Hohei dai 75 rentai chokohojiken sento shoho 1/2... P. 83.
[148] ibid. P. 92.

Major S. Hirahara, who was watching the situation from the Zaozyornaya Height, together with a detachment of combat engineers accompanying the battalion cannons, arrived at the height 800 m south-east of the Zaozyornaya Height, where the 6th Company, the 9th Company as well as the 3rd Machine-gun company had already been grouped, and taking command, moved north from the Pulemyotnaya Gorka Height.

Deputy Chief of the 1st Battalion, Lieutenant Inagaki Takeharu [149], who failed to contact the Regiment Headquarters by phone, took command of the 1st Machine-gun detachment and battalion cannon detachment, and also went to the Pulemyotnaya Gorka Height.[150]

Thanks to such measures on strengthening the defense of their positions, on that day it was possible to repel all the three attacks of the Soviet troops. However, a unit of the Soviet military men managed to stop 300-400 m from the area of deployment of the Japanese troops, where they immediately began to build fortifications.[151]

The attack by the Soviet troops on the Zaozyornaya Height was carried out practically simultaneously with the attack on the Pulemyotnaya Gorka Height, but there the battles were fought with the assistance of the artillery without close-in combat. Therefore, the Japanese military men concentrated on repelling the attacks of the Soviet troops due to a massive use of regimental cannons and antiaircraft artillery. However, as was already mentioned, Major S. Hirahara with his battalion set off to the Pulemyotnaya Gorka Height; and, as a result, the Zaozyornaya Height was defended only by two battalions of the 9th Company led by the platoon chief, but they lacked forses. This why at 8:30 a message was received about the shortage of military personnel at the Zaozyornaya Height and, at the same time, about the advance of the Soviet troops. In that situation, Colonel K. Sato ordered the main

---

[149] Inagaki Takeharu (稲垣毅治) (years of life are unknown) - during the fights at Lake Khasan was Lieutenant, Deputy Commander of the 1st Battalion of the 75th Regiment of the 19th Division of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula.
[150] Hohei dai 75 rentai chokohojiken sento shoho 1/2... P. 92–95.
[151] ibid. P. 99.

forces of the 1st Battalion to go to the rescue and support with fire those who were at the Zaozyornaya Height. The soldiers set out from the Pulemyotnaya Gorka Height at 9 pm and at 10 pm were attacked by the Soviet reconnaissance detachments at the Zaozyornaya Height. Nevertheless, two detachmentss, being inspired, repelled the attack using hand grenades.[152]

The Red Army was also fighting for the Bezymyannaya Height with the help of artillery and bombing. One infantry battalion accompanied by tanks started an attack from the northern side of the Height, and though the attempts to attack continued from morning to sunset, the S. Takenouti troops successfully repelled them.[153]

Also, on this day Kawame unit [154] consisting of 26 soldiers led by Lieutenant Colonel Kawame Taro [155] arrived on the site of the conflict from the Kwantung army for collecting the information on the USSR, for communication with the Japanese army stationed on the Korean Peninsula and for the implementation of secret propaganda.

On August 3, the Japanese repelled all the three attacks, but by morning another attack of the Height started. In response the Japanese troops which were on the summits of the heights, started punishing cannonade on the Soviet troops. As a result, the Red Army was forced to retreat and by 3 am all the Soviet military men retreated to the 29th Height.[156]

The Bezymyannaya Height was fired on by the Soviet artillery and from the air; however, there was no attack by the infantry. As in the previous days, the artillery bombardment of the Soviet positions from the heights proved to be most effective against the advance of the Soviet troops.

---

[152] ibid. P. 99–101.
[153] ibid. P. 101–103.
[154] Shinajiken-shi tokugo chokohojiken-shi soan... P. 255.
[155] Kawame Taro (川目太郎) (years of life unknown) - during the fights at Lake Khasan was Lieutenant Colonel of the Kwantung army.
[156] Hohei dai 75 rentai chokohojiken sento shoho 1/2... P. 117–118.

On the Pulemyotnaya Gorka Height, a unit of the Red Army troops managed to gain a foothold near the enemy's positions. However, the troops under the command of S. Takenouti fired the Soviet positions from artillery and small arms, which prevented their further advance. At about 3:30, the Red Army troops retreated.[157] Thus, the first attack of the Soviet troops on the Zaozyornaya and Bezymyannaya heights failed (see Fig. 13).

On August 4, the Soviet army attacked the Japanese positions on the Zaozyornaya and the Pulemyotnaya Gorka heights with the help of tanks and artillery weapons. Also, with the help of tanks and aircraft, a long-term reconnaissance was carried out. Nevertheless, on this day there were no strong attacks, which became a sign for the Japanese that the Soviet army was preparing for a new massive attack, to which the Japanese military men had to prepare in advance.[158]

In particular, Colonel K. Sato regrouped the troops that carried out the defense. The main change was as follows: the battalion headed by Major S. Hirahara had to defend the territory stretching for 800 m from the Pulemyotnaya Gorka Height southeast to the Zaozyornaya Height. One platoon of the 9th Company, one platoon of the machine-gun company, guns of the 1st Battalion were also stationed there, which significantly strengthened their positions.[159]

On August 5, the Red Army again started the artillery fire, and it should be noted that from this day the hitting accuracy increased [160]: people were killed throughout the area of the Japanese positions. However, on this day, there was no significant advance of the infantry, the aircraft made only reconnaissance flights.[161] All these actions point to the preparations for the assault.

At 5 am, the Commander of the Division K. Suetaka noted that constant dropping of shells from a 100-mm cannon beyond the limits of the fire zone of the

---

[157] ibid. P. 119–121.
[158] Boeicho boeikenkyujo senshishitsu... P. 380.
[159] Hohei dai 75 rentai chokohojiken sento shoho 1/2... P. 148.
[160] ibid. P. 163.
[161] ibid.

Japanese troops, brings the morale of the army to a depressed state. In this connection, he appealed to the General Staff of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula for additional armament. In particular, he asked for one battery of railway artillery, one or two batteries of guns of 89 15 cm type, three batteries of guns of type 90.

The Staff of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula carefully treated his request and sent a request for a possibility of using heavy artillery of the Kwantung army.

At this time, Chief of the Staff of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula K. Kitano also sent an additional telegram requesting weapons reinforcements, so the General Staff approved these requests and provided two batteries of guns of type 90, one battery of heavy artillery with 15-cm cannons, one armoured train as well as a field antiaircraft artillery unit[162] controlled by the North China Front[163] (Japan).

On August 6, the second series of attacks began for getting back the two heights. At dawn, the Japanese military men discovered that about 70 Soviet tanks advanced toward the 29th Height, and from the Pulemyotnaya Gorka Height to the 29th Height on both sides the artillery positions were built, and 40 more tanks were from the southern side of the ridges of the heights.

Colonel K. Sato ordered at dawn to start mass fire of the area surrounding the 29th Height, and from 6 am mass fire began on the Soviet positions. In response, the Soviet military men also opened fire. The Japanese army used all the weapons that it had including the trophy antiaircraft artillery which it successfully used against tanks. However, from 11 am, the Red Army troops augmented the artillery fire, and many Japanese soldiers were wounded at the Pulemyotnaya Gorka Height. From around 11:30 am, the aviation joined the combat operations and started dropping bombs on the area of the Pulemyotnaya Gorka and

[162] Chokohojiken no keii... P. 62 on cov. – 64 on cov.

[163] The North China Front (Kita shinahomengun 北支那方面軍) - a group of Japanese troops operating in North China in 1937−1945.

Bezymyannaya heights. Almost immediately the advance of the tanks and infantry began.[164]

Major S. Hirahara, who was guarding the territory from the Pulemyotnaya Gorka Height to the southern slope of the Zaozyornaya Height, after deciding to liquidate the Soviet troops, attacked the approaching tanks with the help of 3 quick-firing cannons and immobilized 14 tanks.

Each battalion used regimental cannons in the battle, the captured anti-aircraft artillery, the battalion cannons. Nevertheless, they could not completely stop the tank attack, and in the end, 22 tanks broke through to the northern slope of the Pulemyotnaya Gorka Height. Losing the soldiers who were killed and wounded, the Japanese, nevertheless, fired at the enemy with mass fire, and the detachments of combat engineers entered hand-to-hand fighting which continued until sunset, and this helped to slow the advance of the tanks and infantry.[165]

On the Zaozyornaya Height, at night, two companies of the Soviet troops unexpectedly began to assault the Japanese positions on the summit, and at 8:30 am even could invade the positions of the Japanese. The attack was unexpected for Colonel K. Sato, however, to repel it, he quickly mobilized the main forces of the 1st Battalion. At the summit, the Japanese military men fought with all their might using hand grenades, throwing stones at the Red Army soldiers, managed to seize the initiative in the battle and the next day on July 7 at about 6 am, the Soviet troops retreated.[166] However, the troops of the USSR increased their numbers, which complicated the situation at the front for the Japanese military men.

On August 7, at approximately 5:30 am, the Pulemyotnaya Gorka Height as well as the position of the 9th Company (junction of the Zaozyornaya Height and the Pulemyotnaya Gorka Height) were even more heavily fired by the Red Army troops, and the precision of the shots increased noticeably. From 11 am, fierce air attacks also began. Especially strong attacks were recorded between 13:30 and

[164] Hohei dai 75 rentai chokohojiken sento shoho 1/2... P. 171–173, 175–176.
[165] ibid. P. 176–178, 180–181.
[166] ibid. P. 193–196.

14:30; at this time, the infantry headed by tanks began to advance, and 4 tanks could break through to the Japanese positions.[167]

Major S. Hirahara ordered the combat engineers platoon to start hand-to-hand fighting, and he himself headed the 1st Company, a battalion cannon platoon, one company of the 76th Regiment, whose mission included an attack of the enemy, and at 15:00 the Japanese army started a counteroffensive. The leader of the counterattack, Major S. Hiraraha, received a fatal wound in his heart. Deputy Commander of the battalion was also seriously wounded, so Lieutenant T. Inagaki, the commander of the 1st Company, and Lieutenant Kunida, the Chief of the Battalion gun platoon, jointly took command of the troops and managed to destroy two infantry companies of the USSR. At that time, in the central part of the location of troops, as well as on the left flank, the assault from the Soviet side was prevented. A platoon of the Japanese combat engineers, who used the explosives and anti-aircraft guns, completely disabled four tanks.

Colonel K. Sato, having received news of the death of Major S. Hirahara, sent Major Kojima Saburo [168] to the Pulemyotnaya Gorka Height. The remaining troops went under his command, and later Major S. Kojima commanded a unit of the Japanese army in this area of military activities. Throughout the night, the Japanese troops reinforced their positions in connection with a change in the area of location.[169]

At the same time, about two infantry companies of the troops of the Red Army approached the location of the 9th Company, coming close from different sides, and the commander of the Japanese company was seriously wounded. Therefore, at the order of Colonel K. Sato, just after noon the troops left their positions and retreated.[170] The Soviet troops also made an attempt to storm the

[167] Hohei dai 75 rentai chokohojiken sento shoho 2/2... P. 5–7.
[168] Kojima Saburo (小嶋三郎) (years of life are unknown) - during the fights at Lake Khasan was the Major, Commander of the 1st Battalion of the 73rd Regiment of the 19th Division of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula.
[169] Hohei dai 75 rentai chokohojiken sento shoho 2/2... P. 8–10.
[170] Boeicho boeikenkyujo senshishitsu... P. 388–389.

Zaozyornaya Height at night, but at 2:30 the attack was repelled by the Japanese military men.[171] The main target of attacks of the Red Army during these two days was to reconquer the Pulemyotnaya Gorka Height. However, because of the fierce struggle of the Japanese soldiers, they had no success, and it was decided from the next day to intensify the attacks.

On August 8, the units the Red Army, having reached the summit, after the offensive of 5 am, began an artillery attack. Approximately at 5:30 am about half of the battalion of the Soviet infantry began to advance as a wedge from the left and right sides. Nevertheless, the defending Japanese troops managed to take control of the battle, and within 5 hours they forced the units of the Red Army to retreat to Lake Khasan. Then, at 13:20, about two companies accompanied by three tanks resumed the attack but were again forced to retreat under the pressure of the inspired Japanese army.[172]

In the first half of the day, the Commander of the 19th Division K. Suetaka, who received front reports from the Bogomolnaya Height, ordered Major-General Morimoto Nobuki (Chief of 37th Brigade) to dislodge the Soviet troops occupying the southeastern part of the Zaozyornaya Height.

Based on this order, Major-General N. Morimoto, in turn, entrusted the execution of the order to the Commander of the Reserve Corps of the 76th Regiment, Colonel Okido Sanji, who leading the 3rd Battalion, at night time had to dislodge the Soviet troops from their positions. Colonel S. Okido began the attack around 9 pm, but the resistance of the Red Army troops was very powerful, and the battle continued until dawn on the 9th.[173]

The Soviet troops also did not cease to fight for the Pulemyotnaya Gorka Height, aerial bombardment was also conducted.[174]

On August 9, the troops of the Red Army continued to occupy the southeastern part of the Zaozyornaya Height, and thanks to the fact that they

[171] Hohei dai 75 rentai chokohojiken sento shoho 2/2... P. 12, 17–19.
[172] ibid. P. 48–49.
[173] Boeicho boeikenkyujo senshishitsu... P. 392.
[174] Hohei dai 75 rentai chokohojiken sento shoho 2/2... P. 48.

placed the guns well, their shelling became more and more precise. At 3:40 am, the Soviet troops attempted a night attack, but because of a bitter struggle at about 7 am, the Japanese troops forced them to retreat.

On that day, the Soviet aircraft practically did not appear in the sky, but the Pulemyotnaya Gorka Height was subjected to three massive artillery shellings. The first shelling began at 10:40 am; at that time, the main forces of the Red Army troops located at that time in the area of the conflict approached. The Japanese army had to bring down the strongest fire on the Soviet troops to prevent their attack.

The second attack lasted from 12:30 to about 16:00. The attack lasted for 3.5 hours, and because of artillery wounds, there were losses in each unit of the Japanese army, and the number of wounded persons reached 66. The positions of the troops were also badly damaged.

The third attack lasted for one hour starting at 7 pm. After this attack, all the military units of the Japanese army were forced to rebuild the reinforcements at night [175] (see Fig. 14).

The Japanese troops fought hard for all the heights, but they suffered heavy losses during the artillery and night attacks that lasted several days, which led to great losses on the first front line and created an unforeseen situation.

On August 10, on the Zaozyornaya Height, two attacks of the Soviet troops were repelled: at 5:20 the Soviet company's attack was repelled, and then at 13:30 the battalion attacking the Japanese troops was repulsed. There were also air attacks which, however, made no harm.

On the Pulemyotnaya Gorka Height, the troops of the Red Army approached the positions of the Japanese army at 200-300 m, from where they delivered sniping fire. There, the artillery shelling, which continued for several days, decreased markedly and practically ceased.[176]

[175] ibid. P. 60, 63–64.
[176] ibid. P. 76–77.

Starting from August 7, the position of the Japanese army became more and more serious, and though the Japanese troops continued to repulse successively the attacks of the Soviet army, it became more and more difficult to resist it, as the Red Army was constantly receiving reinforcement. At the same time, the Japanese army gradually continued to decrease in numbers, and in some military units in connection with the losses of the staff, including officers, the troops management became difficult and low performing.[177]

After the attack at 22:00, the Chief of Staff of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula, K. Kitano received a telegram from the Chief of Staff of the 19th Division. The telegram read that according to the Chief of Staff, the Japanese troops could still maneuver for 1-2 days, and while the army was still operational, it was necessary to resolve the conflict through diplomacy.[178] This is one of rare examples of how during the fierce battles the person junior in rank addresses the leadership with a demand on cessation of hostilities.

By coincidence, on the same day (at midnight on August 11) in Moscow, the parties to the conflict agreed on an armistice, and on the same day at noon it was decided to end the hostilities.

Major General N. Morimoto estimated this decision as adopted "at the right time."[179] By that time, the defensive forces of the Japanese troops had come to an end.

On August 11, among the last attacks was the attack of 3 battalions of the Red Army, which began at 8:30 am; however, the Japanese army could force these troops to retreat at 10:30. At the Pulemyotnaya Gorka Height, there were no special movements; so, it was quite calm at noon there.

At 11 am, the Main Headquarters gave to the Japanese army stationed on the Korean Peninsula an order that at noon, unless there are attacks by the Soviet

[177] Alvin D. Coox. Op. cit. P. 288.
[178] Chokohojiken no keii... P. 83.
[179] Alvin D. Coox. Op. cit. P. 360.

troops, it would be necessary to completely stop the fire. But it was also conveyed that it was necessary to take all the necessary measures if the USSR resumed military operations contrary to the agreements reached.[180] In an official telegram of 11:20 it was written about the cessation of hostilities, and, based on the Moscow agreements, both armies stopped at the lines at which they were at midnight on August 11.[181] This was the end of the hostilities in the incident at Lake Khasan.

2.3. The Actions of Both Parties after the Armistice on August 10

After receiving the noon announcement of a ceasefire on August 11, the Commander of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula K. Nakamura, on the same day, at 18:50, to avoid the resumption of the clashes, ordered Commander of the 19th Division K. Suetaka to choose the following persons as candidates for the delegation to sign the peace agreement:

Head of the Commissionr: Chief of Staff of the 19th Division Colonel Nakamura Yoshiaki[182];

Member of the Commission: Staff Officer of the Japanese army stationed on the Korean PeninsulaLieutenant Colonel Yoshida Eijiro [183];

Member of the Commission: Tanaka Tetsujiro[184], Chief of the Hunchun Military Mission, Major[185]

However, the Commander of the 19th Division K. Suetaka proposed the following candidates as members of the delegation:

---

[180] Hohei dai 75 rentai chokohojiken sento shoho 2/2... P. 91.
[181] Chokohojiken no keii... P. 88–88 on cov.
[182] Nakamura Yoshiaki (中村美明) (years of life are unknown) - Colonel, Chief of Staff of the 19th Division of the Japanese Army stationed on the Korean Peninsula, during the fights at Lake Khasan.
[183] Yoshida Eijiro (吉田栄治郎) (? −1944) - during the fights at Lake Khasan was Lieutenant Colonel, staff officer of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula.
[184] Tanaka Tetsujiro (田中鉄次郎) (?–1945) — during the fights at Lake Khasan was Major, Chief of the Hunchun Military Mission.
[185] Shinajiken-shi tokugo chokohojiken-shi soan... P. 288.

Head of the Commission: Commander of the 74th Infantry Regiment, Colonel Cho Isamu [186];

Member of the Commission, interpreter: Colonel Ukai Yoshio [187] (the Kwantung army);

Member of the Commission: Chief of the Communications Brigade of the 74th Regiment, Katsuki Norimasa [188], Junior Lieutenant. [189]

The commander of the 19th Division K. Suetaka was forced to exclude Colonel Y. Nakamura, who was very busy in his position as Division Chief of Staff, so it was decided to appoint Colonel I. Cho instead. The reason Colonel I. Cho was selected for this mission was his neat appearance, since he arrived on the battlefield on August 8 at night, and no longer had to take part in the battles, as a result his appearance corresponded perfectly with the status of a member of the diplomatic delegation.[190]

Colonel Ukai Yoshio was appointed as the interpreter of the delegation, since he was the only one who knew the Russian language, not beihg a military man of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula he happened to be on the site of the conflict as one of the members of the unit under command of the above mentioned Lieutenant Colonel T. Kawame. Junior Lieutenant Katsuki was also appointed a member of the delegation as the only participant of the 74th Infantry Regiment who studied Russian.[191]

As a result, the candidates proposed by Commander K. Suetaka were approved at the Main Headquarters, and the Colonel was appointed Head of the delegation.

---

[186] Cho Isamu (長勇) (1895−1945) - during the fights at Lake Khasan was Colonel, Commander of the 74th Infantry Regiment of the 19th Division.

[187] Ukai Yoshio (鵜飼芳男) (years of life are unknown) - during the fights at Lake Khasan was Colonel of the Kwantung army.

[188] Katsuki Norimasa (香月範正) (years of life are unknown) - during fights at Lake Khasan was Junior Lieutenant, commander of the brigade of the 74th Regiment of communication.

[189] Shinajiken-shi tokugo chokohojiken-shi soan... P. 289–290.

[190] Tominaga Kametaro. Warera chokoho o shishusu (We defended the Zaozyornaya Height at the cost of our lives). – Tokyo. Fuyo shobo, 1981. – P. 251.

[191] Shinajiken-shi tokugo chokohojiken-shi soan... P. 290.

K. Suetaka handed over to Colonel I. Cho the following three tasks, which had to be resolved during negotiations with the Soviet delegation:

1. Based on the Moscow agreements, the troops stop on the site as of August 11, 00 o'clock.

2. Cessation of hostilities, to avoid the resumption of hostilities.

3. To the extent possible, to exchange the bodies of the dead soldiers.[192]

On August 11, at 15:35, the Soviet parliamentarian with a white flag appeared in front of the Pulemyotnaya Gorka Height. He stopped at 100 m from the positions of the Japanese troops and asked for a representative of the Japanese troops. Then Colonel I. Cho sent two lieutenants who formulated to him the question of the Soviet side about the time and place of the meeting of the delegations for the negotiations. This was also reported at 16:20 to Commander K. Suetaka.

However, already at 4:00 pm, K. Suetaka sent Junior Lieutenant N. Katsuki from the Staff to the eastern slope of the Bezymyannaya Height to negotiate with the Soviet parliamentarians. Having learned about the negotiations with the participation of Colonel I. Cho, he relieved Junior Lieutenant N. Katsuki from the duties of the negotiator, and handed over to Colonel I. Cho the directive, according to which "The negotiations should be held during the meeting of the two armies at 18:00 near the Zaozyornaya Height".[193]

Colonel I. Cho together with members of the delegation arrived at the top of the Zaozyornaya Height shortly before 6 pm. However, at that time, a message came from the Soviet delegation that, because of the distance, they asked to move the meeting to the area of the southeastern ridge of the Zaozyornaya Height. When the delegation arrived at 18:18 at the indicated place, 13 Soviet soldiers met them there with machine guns aimed at them.

---

[192] ibid.
[193] ibid. P. 291.

Two minutes after the arrival of the Japanese delegation to the negotiators at 18:20, Corps Commander G.M. Stern[1] came out with the wounded head bandaged. From the Soviet side, the following persons came to the negotiations:

Chairman: Corps Commander G.M. Stern;

Delegates: Commissar Semyonovsky, Colonel Fedotov, Major Vavilov;

Accompanying persons: one soldier;

Interpreter: Kim Alexey.[194]

(In Japanese documents only the surnames and ranks of the main members of the delegation are fixed).

At the first meeting of the delegations, Colonel I. Cho congratulated with the conclusion of the peace agreement and paid tribute to the courage of the Soviet soldiers. G. M. Stern in response to this also pronounced the words of praise to the Japanese soldiers noting their courage. Further, Colonel I. Cho offered to draw up a local agreement based on a peace treaty that would prevent the resumption of hostilities in the region. G. M. Stern accepted this proposal noting that it was necessary to strictly prohibit the advance of the troops beyond the boundaries of the site on which they were at the time and suggested that the text of the agreement be drawn up the next day.

Colonel I. Cho proposed to draw up the text of the agreement at noon in a building with white walls (shirakabe no ie 白壁の家)[195] (junior school), which was in the north of Digasheli (防川項)[196]. G. M. Stern accepted this offer and noticed, regarding the exchange of bodies of the dead, that at first it was necessary to conclude an agreement on preventing the resumption of hostilities (see Fig. 15).

Negotiations at the first meeting of the delegation were very short - from 18:20 to 18:45. However, Colonel I. Cho was able to seize the initiative in the negotiations being the first to reach out for handshakes and starting to speak first.

---

[194] ibid.

[195] Shinajiken-shi tokugo chokohojiken-shi soan... P. 294.

[196] Digasheli (防川項) is a village 1 km south-west from the Zaozyornaya Height.

He also allowed himself some comments, for example, during the exchange of greetings, looking at the bandages on G. M. Stern's head, he threw a remark that "this is a wound from a projectile of the Japanese troops" and etc. [197]

On August 12, before the second meeting at 11 am, K. Suetaka outlined the following goals for the Japanese negotiators:

1. Starting from noon of the previous day (August 11), the cessation of hostilities.
2. Guarantee of non-movement of the troops beyond the boundaries of their current location. If this happens suddenly, and the military actions resume, then the Soviet troops will be responsible for this.
3. Conclude an agreement on removing the bodies of the dead and, during the current and the next day (August 13), to allocate the necessary number of people for this and complete this operation. At the same time, the Japanese and the Soviet troops should provide each other with the necessary assistance.[198]

On the second day of the negotiations, the Soviet negotiators were one hour late. Also, on that day, G. M. Stern changed the bandages on his head for a patch. Then the negotiations on the three items of the agreement put forward by the Japanese side followed.

The Soviet side agreed completely with the first item. Concerning the second item, the Soviet negotiators demanded to correct the wording "guarantee of the preservation of the borders of the troops location as of today" by a more specific description: "Guarantee of non-movement of the troops beyond the borders as of 00:00 hours on August 10". The Japanese side agreed with these corrections. G. M. Stern also demanded that, in case of violations of the borders, the responsibility should fall not only on the Soviet, but also on the Japanese side. Colonel I. Cho confirmed to the Soviet delegation that if the Japanese military men

[197] Shinajiken-shi tokugo chokohojiken-shi soan... P. 292–294.
[198] ibid. P. 294–295.

crossed the border of their location, the Japanese side would be responsible for this. The Soviet side accepted the third item without corrections.

Thus, almost all the items were adopted by the Soviet delegation without problems. However, as for the second item, G. M. Stern indicated the boundaries of the location of the Japanese troops.

Such a concern of G. M. Stern was related to the alleged incident at 19:20 on August 11, when approximately 40 Japanese soldiers with machine guns advanced 100 m from the northern part of the Zaozyornaya Height. He demanded that the Japanese military men return to their original location. Colonel I. Cho expressed doubts about the validity of the incident and promised to find out everything.[199]

Protesting against this statement, already Colonel I. Cho said that on August 11 at night the Soviet troops approached the location of the Japanese troops and hid the machine guns. The Soviet side, in turn, also denied that. Thus, during the negotiations, the sides slid to mutual accusations. G. M. Stern indicated the territory occupied by the Japanese as "a point on the northern slope of the Zaozyornaya Height" and the territory occupied by the Soviet troops as "a 70-80-meter line located below the northern part of the Zaozyornaya Height ridges". He pointed out that the main area of the Soviet troops' location was in that territory, and that there were sentries in different places below the Height on a 250-meter line".[200]

However, since the views of the negotiators on the deployment of the troops differed, the Japanese side demanded a re-examination of the disposition of the troops and drawing this disposition in the maps. The Soviet side agreed with this, therefore, at 16:00 the representatives of both diplomatic parties stopped the

[199] ibid. P. 296.
[200] ibid. P. 295–299.

negotiations and headed to the southeast of the Zaozyornaya Height to determine more precisely the disposition of the troops.[201]

At 16:30, they arrived at the southeastern part of the Zaozyornaya Height. At first, Commissar Semyonovsky and Major Tanaka involving the interpreters examined the disposition of the troops on the Pulemyotnaya Gorka Height. As a result, it became clear that the Pulemyotnaya Gorka Height was occupied by the Japanese army. Then, the members of the Commission went to examine the Zaozyornaya Height. At that time, the Japanese army occupied 100 m along the ridge of the Height, away from the northern extremity of the Height summit in the southeastern direction, and the Soviet troops were located at 5-6 m from the Japanese troops. In addition, on the southern slope there was also an incident during which the Soviet military men crossed the Height and approached the locations of the Japanese army, and the Red Army military men pointed machine guns to the Japanese negotiators during the talks.

When the inspection of the disposition of the troops on the ground was completed, the third meeting of the delegations was held, at which Colonel I. Cho pointed out that those actions of the Soviet army clearly contradicted the current agreement on the armistice. G. M. Stern, as during the second meeting, insisted that these were the actions in response to the advance of the Japanese military men. Colonel I. Cho still denied the advance of the Japanese troops. In addition, he presumed that the Soviet military men took measures to deliver food and exchange military men for the advancement of the military men and suggested that the two armies should retreat to the positions at which they were at 00:00 on August 11.[202]

The Soviet side agreed with this proposal but insisted that both armies withdraw their main forces for more than 80 m from the northern slope of the Zaozyornaya Height. The Japanese military men, in turn, demanded that the Soviet army withdraw its main units below the crests of the heights on which they were at the time of the signing the peace agreement.

---

[201] ibid. P. 299–301.
[202] Shinajiken-shi tokugo chokohojiken-shi soan... P. 303.

Then, in the Annex to the Memorandum, the disposition of both armies was drawn in the map, and the Japanese delegation, having signed the document, also demanded the signature of the Soviet delegation. However, the Soviet military men refused to do this referring to the fact that if signed in pencil, the Memorandum would be stained, and offered to stop the meeting on that day. Then, the Japanese side insisted that on the next day, on August 13, at noon, the delegations would meet again, and both sides would sign a completely rewritten Memorandum. This concluded the meeting. At the end of the meeting, the date already changed, it was already 1:30, August 13.[203]

On August 13, the 4th meeting of the delegations was held, to which the Soviet delegation was late again. Also, the Soviet delegates demanded a review of the decision to draw the disposition of both armies in the map, but to describe this disposition in words in the text of the Memorandum. The Japanese delegates stated that they objected. Nevertheless, when they saw that the Soviet negotiators were not going to change their decision, the Japanese side asked, what disposition of the troops the Soviet side intended to indicate in the text of the Memorandum.

The Soviet side changed its mind this time and stated that the Zaozyornaya, Bezymyannaya, Pulemyotnaya Gorka heights were occupied by the Soviet troops. They especially considered the southeastern crest of the height, which was fenced with barbed wire and the sentries along it as the territory occupied by the Soviet troops. Of course, Colonel I. Cho and the delegation were categorically against such wordings stating that by such manipulations with the location of the Soviet troops, the USSR was trying to expand the territory which it actually occupied. He also proposed to stop the negotiations.

Immediately after the proposal, G. M. Stern handed over a letter with a note of protest concerning the advance of the Japanese troops on August 11, after which Colonel I. Cho again proposed to end the negotiations. Although the Soviet side wished to continue them, Colonel I. Cho realized that with such a position of

[203] ibid. P. 303–308.

the Soviet negotiators, even if the negotiations would continue for many more days, they would not bring results.

The Soviet negotiators demanded that it was necessary within the next few days to return to the signing of the Memorandum, to which Colonel I. Cho said that "if the military leaders issue such an order, possibly, the negotiations would resume. However, it is now difficult to give an answer, whether it is necessary for our government to return to the negotiations". [204] The Soviet side accepted the words of the Japanese side, and this was the end of local negotiations (see Fig. 16).

On August 11, next day after the end of hostilities, to avoid the resumption of the conflict, the Chief of the General Staff, in accordance with the plan of Commander K. Nakamura, ordered the troops to retreat to the right bank of the Tumannaya River. [205] The next day, on August 12, at 00:00, Commander K. Nakamura ordered the troops to retreat to the area of the Tumannaya River, and in the evening of August 12, Commander K. Suetaka ordered the subordinates to get ready. And already on August 14, the Japanese army returned to the positions at which it had been before the conflict began.[206]

Thus, the territory, which had been previously occupied by the Japanese army, again turned out to be deserted. However, when in March 1939 Major Tzuji Masanobu visited the Headquarters at the Bezymyannaya Height, he saw that the territory was occupied by the Soviet soldiers. He recorded this in the photographs which he sent to the Staff, but from there the answer came: "Leave it as it is."[207]

Thus, the Japanese military men were compelled to return the Zaozyornaya Height (see Fig. 17). Military operations in the area of Lake Khasan ended, but the matter of demarcation of the Soviet-Manchurian border remained.

The battles at Lake Khasan were the result of a night attack by the Japanese troops on the Soviet positions and the subsequent military response of the USSR.

---

[204] Shinajiken-shi tokugo chokohojiken-shi soan... P. 308–313.
[205] Chokohojiken no keii... P. 91–91 on cov.
[206] Boeicho boeikenkyujo senshishitsu... P. 409.
[207] Tsuji Masanobu. Nomonhan (Khalkhin-Gol). – Tokyo. Ato shobo, 1950. – P. 40–41.

However, this does not mean that Japan planned to violate the border with the Soviet Union in the area of the Zaozyornaya Height and, moreover, to obtain the Soviet territory.

At first, Japan gave the prerogative to resolving the conflict to the means of diplomacy. Even when the diplomatic means did not bring the desired result, the Japanese command ordered the troops at the border to return to the base. When the Soviet border guards appeared in the area of the Bezymyannaya Height, the Japanese troops were banned from striking before the attack from the USSR and persecution of the Soviet troops. If we consider the actions of the Japanese side at the time of the beginning of the conflict, there are no facts which would confirm the planned attack on the Soviet Union.

Though the battles at Lake Khasan continued until August 11, Japan did not engage in battle a single tank or aircraft, and the Soviet Union resorted to the huge support of aviation and tanks. Also, Japan never crossed the ridge of the Zaozyornaya Height, in other words, that line which it considered to be the border between Manchukuo and USSR.

The main evidence that there was no planned aggression was the Emperor's order to protect the Zaozyornaya Height in no case resorting to an attack on the USSR.

The Khasan conflict arose because of the difference in drawing the border line between Japan and the USSR, so for the USSR all the battles took place in the territory of the USSR, and for the Japanese side, the presence of the USSR in positions on the heights was a violation of the border with Manchuria and the arrival of the Red Army troops and the Soviet troops beyond the borders of their state. For Japan, all the actions during this conflict were acts of self-defense withing the frameworks of the allied treaty with Manchukuo. Japan didn’t have any plan to capture the Soviet territory.

2.4. Japan's Diplomacy in Search of a Way to End the Conflict

From the very first days of increasing tension at the border of the USSR and Manchuria, the representatives of the USSR and Japan tried to come to common agreements in the diplomatic area. From July 15 to July 20, 1938 the negotiations were held by Deputy People's Commissar for Foreign Affairs of the USSR B. S. Stomonyakov and Chargé d'Affaires of Japan Nishi Haruhiko.

On July 20, the diplomatic negotiations between the USSR and Japan were held directly between the Japanese Ambassador to the USSR Shigemitsu Mamoru and People's Commissar for Foreign Affairs M. M. Litvinov. For Japan, the priority was diplomatic resolution of the conflict, so the Japanese diplomats sought to reach an agreement on the restoration of the situation that existed before July 11.

On July 19, Japan's Foreign Minister Ugaki Kazushige issued a directive to Ambassador M. Shigemitsu, which pointed to the primary need to resolve the question of the Soviet troops withdrawal, but at the same time, it was worth delaying the negotiations on the border line. And having received these instructions, Ambassador M. Shigemitsu was forced to begin negotiations with M. M. Litvinov.

M. Shigemitsu several times brought forward a proposal to settle the conflict by diplomatic means, to cease the fire from the both sides and restore the border, but the terms brought forward by the Ambassador of Japan didn’t suit the Soviet Union. For example, on August 4, the USSR did not object to a peaceful resolution of the conflict, but refused the proposal to withdraw the troops. [208] M. M. Litvinov insisted on not restoring the border which existed before July 11, but the one that was set for July 29, that ran counter to the desire of Japan, and the both parties didn’t come to an agreement. [209] On August 7, another refuse from M. M. Litvinov’s side to the proposal of the Ambassador of Japan followed.

[208] Documents of foreign policy of the USSR. – Vol. 21. – P. 415–416.
[209] ibid. P. 419.

On August 10, M. Shigemitsu made a new proposal that only the Japanese army would retreat by 1 km, and the Soviet troops would remain on the current line.[210] This proposal was based on the desire of the Japanese to terminate the hostilities at all costs, and then with the help of peaceful means to reach agreements on the border. One may think that M. Shigemitsu proposed a concession at negotiations about the unilaterial withdrawal of troops, knowing about the difficult condition of the Japanese troops on the site of the battles for the heights (see above), but he writes in his Memoirs that, during the talks with Litvinov, he was sure that the Japanese army had positions of advantage that time [211]; at that moment the information of the poor condition of the Japanese troops in the area of Lake Khasan didn't reach the Ministry of Internal Affair.

The proposal of Japan of August 10 was accepted, but the Japanese army didn't have time to retreat by 1 km [212] because on that very day M. M. Litvinov called the Japanese Embassy with the message that there was no need to retreat only for the Japanese army and that both armies could remain in their current positions. Such an unexpected concession surprised the Japanese Ambassador.[213] Thus, on August 11, the military operations were stopped, and both armies remained at the same positions which they occupied exactly at midnight on August 11.

Why, in the end, did Kremlin so unexpectedly made concessions, when more favourable agreements for the USSR had been reached? In Japan, there are different versions concerning this matter.

M. Shigemitsu will make a further assumption that the Soviet Union, having attacked the Japanese units on August 10, forced them to retreat and occupied the Zaozyornaya Height. Apparently, the interests of the USSR did not

---

[210] Shigemitsu Mamoru. Shigemitsu Mamoru gaiko kaisoroku (Shigemitsu Mamoru. Diplomatic Memoirs). – Tokyo. Mainiti simbunsha, 1978. P. 180.
[211] ibid. P. 181.
[212] Nitta Mitsuo. Kyokuto kokusai gunji saiban sokkiroku dai gokan (Transcript of the international military tribunal for the Far East. Vol. 5). – Tokyo. Yushodo shoten, 1968. – P. 508.
[213] Shigemitsu Mamoru. Op. cit. P. 180.

extend beyond this Height, and, therefore, they insisted on the current border line.[214]

The Ministry of Foreign Affairs of Japan also made assumptions on that matter which contain errors in facts, dictated by the lack of cooperation and the lack of organized information exchanging between ministries which took place in 1930–1945s. The four assumptions of the Ministry of Foreign Affairs of Japan were the following:

1. The USSR demanded that the Japanese retreat by 1 km, but the Japanese troops did not do so, and the USSR was afraid that a reverse situation might arise. [In fact, Japan itself proposed to the USSR to withdraw the Japanese forces by 1 km.[215]]

2. The fact that the military operations ceased after the Japanese army retreated by 1 km means that the Japanese army advanced deep into the Soviet territory; this would contradict the propaganda that the Soviet troops were guarding the border, and this could expose the Soviet army in an unfavourable light. [In fact, the Japanese army didn't retreat by 1 km, because Moscow made a counter-proposal: the both sides should remain in their current positions.[216]

3. The central leadership of the USSR believed V. K. Blyukher's [217] assurances that the Zaozyornaya Height was fully and reliably occupied by the Soviet army, and that there was no need for the Japanese army to retreat by 1 km.

I.V. Stalin [218] was afraid of the strengthening V. K. Blyukher's influence in the Far East and was looking for an excuse to remove him, so he took advantage of these circumstances to find out whether V. K. Blyukher was telling the truth about gaining back the Height. At midnight on August 10, the

[214] ibid. P. 181.
[215] ibid. P. 180.
[216] Nitta Mitsuo. Op. cit. P. 508.
[217] Blyukher Vasily Konstantinovich (1890-1938) - Marshal, Commander of the Far Eastern Front (July 1, 1938 - September 4, 1938).
[218] Stalin Joseph Vissarionovich (real name - Dzhugashvili) (1878-1953) - Russian revolutionary, Soviet political, state, military and party leader. Leader of the USSR (1924–1953).

military operations were stopped, and G. M. Stern was asked to find out the situation on the ground, to learn “whether Blyukher's report was true” [219] [In fact, military actions ceased on August 11, at noon [220]].

It is unknown, which of these assumptions put forward by the Japanese side are true. For each of these versions, there are many counterarguments. However, perhaps, the reason can be found in the telegram that M. M. Litvinov sent on August 11 to the plenipotentiaries of the USSR in different countries.

"The current location of the troops is quite satisfactory for us; that is why, we proposed to stop the military actions by leaving the troops from both sides in their positions." [221] Except the words about the satisfaction with the current positions, there are words “we and proposed” which bring a sense that the USSR had the last word: not Japan proposed and the Soviet side accepted, but the USSR proposed and the Japanese accepted its proposal. This statement also indicates that the USSR was absolutely confident in its force and did not doubt that it would be able to maintain the achieved successes. That is, this is the third reason from the list of assumptions regarding the reasons for the actions of the USSR.

However, I would like to note that, despite the statement of M. M. Litvinov about the satisfaction of the USSR with its positions, one should not be fooled and imagine that all heights have been cleared from the presence of the Japanese military, as it sometimes appears in Russian historiography, for example, on the official website of the Ministry of Defense of Russian Federation: “On August 9, the entire territory captured by the Japanese was returned to the USSR, but the enemy’s counterattacks did not weaken. Soviet units firmly held their positions. The enemy suffered heavy losses and on August 10 was forced to withdraw.”[222]

---

[219] Shitsumu hokoku. Showa jusannendo oakyoku dai ikka / 1938 nen (Oa ichi-hachi). (Report of the 1st Division of the Ministry of Foreign Affairs: Showa, 13th year) // Japan Center for Asian Historical Records. [Electronic document]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html (Reference Code: B10070094600) (reference date: 11.12.2016).
[220] Shinajiken-shi tokugo chokohojiken-shi soan... P. 287–288.
[221] Documents of foreign policy of the USSR. – Vol. 21. – P. 434.
[222] The defeat of the Japanese troops at Lake Khasan in July-August 1938 // Ministry of Defense of the Russian Federation: [Electronic document]. URL:

From the Soviet and Japanese data it becomes clear that the Japanese military continued to occupy most of the Zaozyornaya height. For example, I. V. Katuntsev, working with archival materials compiled by combatants at Lake Khasan uses the words from the report dated August 14 of Lieutenant of State Security Chulichkov, describing the situation at Zaozyornaya in the following way: "In fact, the Zaozyornaya Height was not taken completely, but only its south-eastern slopes, but the ridge of the northern part and its north-western slopes were in the hands of the Japanese ... The Japanese were on the northern part of the Zaozyornaya ridge from August 6 to August 13 and occupied command points of the Height ... ".[223]

Many Japanese participants of the battle who wrote their memoirs testify to the same: "Immediately after the end of hostilities on the evening of August 11, Colonel Sato of the 75th regiment, having received permission from the Commander of the Division Suetaka, raised the military flag with the help of two majors on the Zaozyornaya Height[224] (Commander of the Battery of the 73rd Regiment of Tominaga Kametaro[225]); "Our army defeated the Soviet troops near the top, occupied it, and then successfully repelled attempts to counterattack, reinforcing the victory"[226] (Suetaka Kamezo); "It is obvious that the Japanese army came close to the border line, while the Soviet troops did not"[227] (Member of the second section of the General Staff, Colonel Nishimura Toshio[228]).

The Russian State Military Archive has documents in which it is said, that despite the fact that the Japanese occupied the Zaozyornaya ridge for some time,

---

http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=11800884@cmsArticle (reference date: 18.12.2015).

[223] I. V. Katuntsev. Incident of the background of the Khasan events / I. V. Katuntsev // Rodina. – No. 6–7. – 1991. – P. 16.

[224] Tominaga Kametaro. Op. cit. P. 245

[225] Tominaga Kametaro (冨永亀太郎) (1904 -?) - during the fights at Lake Khasan was Captain, Commander of artillery battery 73th Regiment of the 19th Division.

[226] Akaishizawa Kunihiko. Chokoho (the Zaozyornaya height). – Tokyo. Koa shobo, 1941. P. 348.

[227] Gendai-shi shiryo (12) Nitchu senso (4)... P. 509–510.

[228] Nishimura Toshio (西村敏雄) (1898−1956) - during the fights at Lake Khasan was Lieutenant Colonel of Aviation. In February 1941 became a member of the Headquarters of the Kwantung army.

they were knocked out by the Red Army. But at the same time, the Bezymyannaya, Pulemyotnaya Gorka and Bogomolnaya Heights, on 10, and 11 August were completely occupied by the Japanese. In the research institute of the Ministry of Defense of Japan there is a map of the location of the Japanese units during the fighting at Lake Khasan (see Fig. 18).

According to this map, the Soviet units could not reach the top of the Zaozyornaya Height, so it is on a par with Bezymyannaya, Bogomolnaya and Pulemyotnaya Gorka shown as occupied by Japanese military.

It turns out that the only controversial point in assessing the location of opponents is the Zaozyornaya Height, but if you look closer at the mentioned map, it will become noticeable that the Japanese positions are no on the entire the Zaozyornaya Height. But even, if so, from the Japanese data it follows that the Red Army did not occupy the top.

In Japan, there is a statement that the negotiators' commission at the scene of the fighting, when examining the summit of the Zaozyornaya Height, found that the Soviet positions were 5-6 meters away from the positions held by the Japanese, as described. This indicates that the situation at the Zaozyornaya Height was complex and ambiguous: it is possible that the ridge was taken in some place by the Soviet military men, and in another place by the Japanese ones. Obviously, on Zaozyornaya there was a situation in which the summit passed "from hand to hand". And yet, after analyzing the Soviet, Russian, Japanese sources and literature on this conflict, it can be concluded that in most of them the view prevails that the Zaozyornaya Height was occupied by the Japanese military.

Although the USSR suffered much greater losses, it did not have driven out the Japanese army from the heights near Lake Khasan.

When K. Suetaka made his sole decision to attack the positions of the Soviet border guards on July 29, 1938, his goal was to push the "violators" out of the border line in Japan's understanding, despite the fact that the Japanese army had reached the height in dispute by the end of the conflict, it was not able to oust the Soviet army to the border that the Japanese side considered correct. Moreover,

after the withdrawal of the Japanese military, the Soviet units occupied the height. And although this was a violation of agreements, however, as a result, the USSR achieved its goal.

2.5. The Losses of the Parties According to the Soviet and Japanese Documents

At the end of the chapter on the hostilities at Lake Khasan it is very important to consider the mutual losses of the parties suffered as a result of fighting at Lake Khasan. At present, the combat equipment of the Red Army and the scale of its own losses as a result of these hostilities are well studied in Russia. However, as for the losses of Japan, the exact data on them in the XXI century still remain in Russia little known. Therefore, here, based on Russian sources and materials, information about the losses of the Red Army will be reviewed and, using sources from the Defense Institute of the Ministry of Defense of Japan, for the first time in Russian historiography a detailed comment will be given on the losses of the Japanese army during this conflict.

The Russian researcher G. F. Krivosheev analyzed the losses of the USSR in the Khasan battles based on declassified historical sources and received a number of casualties - 4,239 people[229] (Tab. 1). Against these losses among the Soviet fighters, the number of losses of the Japanese side was 1,440 people[230], i.e., about 3 times less.

The balance of power was 22,950 people from the USSR [231] (Tab. 2), and 6,814 people from the Japanese side[232], so the number of Soviet troops exceeded the number of Japanese troops 3.3 times. And if we calculate the ratio of the dead from the Soviet and Japanese sides, based on these data, then from the Soviet side the percentage of the dead was 18.4%, and from the Japanese side - 21.1%.

---

[229] G. F. Krivosheev. Russia and the USSR in the wars of the twentieth century. Book of counting the losses. – M.: Veche publ., 2010. – P. 150–155.
[230] Shinajiken-shi tokugo daiikkan chokohojiken-shi fuhyo fuzu... List 4 (1).
[231] G. F. Krivosheev. Op. cit. P. 154.
[232] Shinajiken-shi tokugo daiikkan chokohojiken-shi fuhyo fuzu... List 4 (1).

If we consider only the death toll, then from the Japanese side 526 people died[233], and from the Soviet side 960 people, i.e., the casualties of the Red Army were by about 1.8 times. The ratio of the wounded reached 914 people from the Japanese side[234] and 2,752 people (Tab. 3) from the Soviet side, and the number of Soviet losses of wounded are more than 3 times higher than the Japanese.

Also, if we take a closer look at the data on the wounded, it becomes clear that, with the exception of cases of illness, 98.7% (2715 people) of the wounded were personnel of the rifle division[235] (Tab. 3). Looking at this data, one can understand how great the losses were in the Soviet infantry in comparison with any other kind of troops.

Sick or injured were not always evacuated from the front line, and about 70% of the military returned to service (Tab. 4).

Thus, we can conclude that, despite the numerical superiority of the Red Army over the Japanese more than 3.3 times, its losses were also three times greater. This clearly indicates that not only Japan suffered significant loss as a result of the conflict. In addition, this leads to the conclusion that the victory of the USSR was a very high price.

Among the Soviet military, the greatest number of victims (2752 people) suffered shrapnel wounds, which is 54.4% (Tab. 5) of all the wounded, this may indicate both the high efficiency of the Japanese artillery and the poor readiness of the Red Army for an armed conflict with the participation of enemy artillery: “As a result of hasty actions to create a powerful group of troops, problems arose in their recruitment and supply. There were flaws in combat training, including artillery units”[236], — the Special Red Banner Far Eastern Army points to other problems on

[233] Ibid.
[234] ibid.
[235] G. F. Krivosheev Op. cit. P. 155.
[236] V. V. Dyatlov. It was possible to solve everything only with artillery. The use of Soviet artillery in armed conflict at Lake Khasan / V. V. Dyatlov // Voenno-istoricheskij zhurnal. – 2012. – No. 7. – P. 43.

the eve of the hostilities at Lake Khasan in his article, Lieutenant-General V. V. Dyatlov.[237]

On July 31, 1938, the Emperor of Japan gave an order to his army to ban the escalation of the conflict, and although the order reached the Japanese army stationed on the Korean Peninsula, on August 1, 1938, the Japanese military in the conflict near Lake Khasan could not use tanks and aircraft, which increased the role of heavy and anti-aircraft artillery, which was actively used.[238]

Also of interest are data on casualties in bayonet attacks (Tab. 5). During them, the Japanese practically did not suffer casualties, and only 4 people were injured, while 110 Soviet soldiers 110 suffered (Tab. 5, 6). There is no data on the Red Army men killed in such battles, but it can be assumed that this was also an impressive number. Thus, the damage inflicted to Soviet troops in bayonet attacks amounted to 4% of the total number of casualties. And although this is not a big indicator, but judging by the number of wounded, we can conclude that the Japanese were well aware of the tactics of such battles, which is confirmed by various records made by the Japanese. For example, the report remained in the military journal says:

> "On the night of 31st at 2 h. 15 min. <...> we went on the offensive. The Red Army used flare bombs and desperately resisted our attack with heavy and light artillery. However, our military then took bayonets and several times entered into fierce hand-to-hand combat, and by dawn they were able to reach the top of the hill".[239]

The reason for the night attack was the activity of the Soviet border guards near the Bezymyannaya and Zaozyornaya heights, and common claims on the territory of Lake Khasan from both Japan and the USSR, which resulted that the Head of the 19th Division, Suetaka Kamezo, solely decided to go on the offensive.

---

[237] Vladimir Vasilyevich Dyatlov (born in 1958) - Doctor of History Science, Head of the Mikhailovsky Military Artillery Academy (2009–2013), Deputy Commander of the Western Military District (2013–2016).
[238] Inada Masazumi. Op. cit. P. 283.
[239] Boeicho boeikenkyujo senshishitsu... P. 363.

Despite the fact that the attack on July 31 was not planned, it caused great damage to the Red Army.

Further, the Soviet troops also continued to suffer losses in hand-to-hand combat, and among the Red Army men even had cases of desertion and panic.[240] If we analyze the losses of the Japanese army, then the losses from the aerial bombardments of the USSR turn out to be somewhat unexpected. They are few in number (Tab. 6). As indicated in the Russian materials, on August 6, the Red Army for the first time during the hostilities at Lake Khasan used a 1000-kilogram bomb.[241] However, the effect of this bomb turned out to be rather psychological. The Japanese soldiers were jolted by a shock wave, thrown into the ground, and, finally, simply led to a state of shock.

As early as August 8, the number of aircrafts departing to defeat the Japanese positions lowered considerably in accordance with the Voroshilov's telegram.[242] After that, the SB fighters switched to passenger, and the TB-3 to freight traffic. In addition, as a result of the floods, Soviet troops were cut off from the rear, and the aircraft had to deliver almost everything to the combat area, from ammunition to food.[243]

This is confirmed by Japanese sources: until August 7, the Japanese military recorded the appearance of 100–150 Soviet aircrafts, after August 7 this number decreased to 70, and, starting from August 9, it largely decreased to 6–7 aircrafts.[244]

Thus, we can conclude that if the Japanese military properly prepared to repel attacks from the air, the air strikes would not pose a serious threat to them. But even without proper training, the damage from aviation was so small that, over time, it was practically no longer afraid of it.

---

[240] Hohei dai 75 rentai chokohojiken sento shoho 2/2... P. 109.
[241] V. Kotel'nikov. It happened near the Khasan / V. Kotel'nikov // Aviamaster. – 2003. – №2. – P. 17.
[242] ibid.
[243] M. A. Zhirokhov. A big sky of long-range aviation. Soviet long-range bombers in the Great Patriotic War of 1941–1945. – M.: Tsentrpoligraf publ., 2014. – P. 43.
[244] Boeicho boeikenkyujo senshishitsu... P. 390, 396–397.

The air attacks of Soviet aviation disorganized and significantly suppressed the morale of the Japanese army. However, despite the fact that 250 Soviet aircrafts made 1003 sorties during the continuation of the conflict, the damage to the Japanese troops was insignificant - 30 wounded and 8 dead (Tab. 6). Thus, the aircraft could not cause serious damage to the Japanese troops. The ineffective use of air forces by the Soviet troops was to the advantage of the Japanese military, who did not use aviation during the conflict.

But if we look at the loss, it becomes clear that the air attacks were not effective, but at the same time, the Japanese felt a great threat from the shelling and gunfire of the Red Army.

Although the size of the Red Army was 3.3 times the number of the Japanese military, its losses were also 3 times greater. However, the percentage of casualties was higher for the Japanese army, and if the Red Army still had the strength to continue military operations, then Japan no longer had it, so the troops fought to the limit. The USSR in a given military conflict occupied a more advantageous position in terms of access to resources — human and material.[245]

As already noted, the Japanese army received an order banning the expansion of the conflict zone and could only hold on to their current positions, and the Red Army, on the contrary, actively attacked with the help of aviation and heavy artillery, therefore in Japan they say about this military incident that Japan "went through the first partial modern martial baptism in history (初めて近代戦の洗礼の一端を受けた)"[246].

To summarize, on the basis of the loss analysis presented here, it is impossible to make a clear conclusion about the victory of the USSR in the hostilities at Lake Khasan. The losses of the Red Army were great, as it was not prepared for such a large military confrontation. Japan, considering the losses from the attacks of Soviet aviation and hand-to-hand fighting, made sudden conclusions

[245] Kasahara Kota. A new assessment of the Battle of Lake Khasan based on calculation of casualties of the USSR and Japan // Loberal arts in Russia. – 2017. – Vol. 6. – №4. – P. 308.
[246] Boeicho boeikenkyujo senshishitsu... P. 344.

about the superiority of its bayonets, which played a cruel joke with the Japanese army in the battles at Khalkhin-Gol. If we consider the conflict at Lake Khasan in terms of losses, it can be said, that despite the fact that this was a major military conflict between the USSR and Japan, it was still local.[247]

[247] Kasahara Kota. A new assessment of the Battle of Lake Khasan based on calculation of casualties of the USSR and Japan // Loberal arts in Russia. – 2017. – Vol. 6. – №4. – P. 308.

CHAPTER 3. THE SOCIAL CONSEQUENCES AND EXPERIENCE FROM THE CONFLICT ON LAKE KHASAN FOR BOTH PARTIES

3.1. The View of the Conflict by the Population of the Soviet Far East

In 1937, about 2.5 million people lived in the Far Eastern area (counting the Jewish Autonomous Region),[248] with ethnic Russians being the majority - 1518206 people, followed by Koreans - 651651 people. In the Far Eastern area also lived Belarussians, Ukrainians, Chinese, Jews, etc.[249] At the end of the hostilities at Lake Khasan the Soviet government awarded orders and medals not only to the soldiers who participated in the battles, but also to common people. The total number of awards among the civilian population of the USSR reached 6,500. For that time, such massive awards were a very significant event.[250] Orders were awarded only to those people who sacrificed themselves for the Red Army, but other citizens also provided the army with versatile support.

When it became clear that a serious military confrontation was brewing, a large-scale rally was held in the Ussuriysk region, which brought together workers, collective farmers, workers of state farms and other institutions that promoted the main slogan: “Crush and destroy the fascist bandits”.[251] At this rally, workers at the oil and fat factory, sugar, steam engine repair and other factories made an oath to strengthen the defense power of their homeland more persistently, to overfulfill their production plans, to give the country more locomotives, cement, sugar, oil and other products.[252] The workers' morale in the Far East was exceptionally high. Many of them not only worked as workers, but if necessary were ready to go to the front. So, for example, reached our days the record of the statement of the old production worker Comrade Shaykov, made by him during the rally: “When it is

---

[248] Soviet population census: General Results. Collection of documents and materials editing by Yu. A. Polyakova [et al.]. – M.: Rosspan publ., 2007. – P. 44–45.
[249] ibid. P. 105–106.
[250] A. A. Kol’tyukov. The armed conflict at Lake Khasan: a look of the XXI century (instead of introduction) / A. A. Kol’tyukov [and others] // Clouds are gathering near the border… (To the 65th anniversary of the events at Lake Khasan). – M.: Kuchkovo pole publ., 2005. – P. 8.
[251] A. P. Yakovets Op. cit. P. 128.
[252] ibid. P. 128.

necessary, we, the workers, will stand up to defend our sacred land, at the first call of the Party."[253]

Women, along with men, declared their support for the Red Army. Thus, in the city of Voroshilov on August 9, more than a hundred women expressed their desire to immediately go to the front as nurses.[254] From the saved archival records, it follows that indeed 50 female volunteers were sent to the front as nurses to work in hospitals.[255]

But, of course, this does not mean that the entire population was ready to cooperate with the Soviet army, there were women who wanted to leave places close to the field of armed conflict, or, for example, collective farmers who did not consider it necessary to go to work in the fields, as they believed that military battles will nullify all their efforts.[256] However, there are very few records of such behavior of the civilian population, and it becomes obvious that the population was unanimous in its desire to support the army, uniting under anti-Japanese slogans. At the same time, the population of the Primorye and the Ussuriysk region experienced a growing anxiety about this conflict.

The population in the rear of the Soviet army did not flee, and the citizens provided diverse support for the army. Among them were a large number of Komsomol members. For example, the age of nine people from the village Posyet, presented to the award for active participation in provisioning the army, was from 15 to 50 years. Village women provided unprecedented assistance in maintaining hygiene, caring for the wounded, brought from the front. All of them were not professional nurses, among them were students, housewives, even the principal; nevertheless, during the conflict, without rest, they provided versatile assistance to the wounded and hospital workers.[257] Women from the village Posyet, who looked after the wounded, were helped by a teenager, a student of the school, Alexander

[253] ibid.
[254] ibid. P. 130.
[255] ARCHIVE of Primorsky Krai (P. K.). F.85. Op. 1. D. 210. L. 76.
[256] ARCHIVE of P. K. F. 89. Op. 2. D. 64. L. 13.
[257] ARCHIVE of P. K. F. 2. Op. 1. D. 78. L. 15–17.

Brazhnikov. He brought food, water, bedpans to the soldiers.[258] He is considered to be one of the youngest Soviet participants in a military conflict. At that time, there was a constant shortage of personnel in Soviet hospitals, and if there were no assistance from women, the wounded probably would not have received the care they needed.

Vasily Danilovich Pinchuk, chairman of the Posietsky Village Council, was able to organize local citizens and Komsomol members to help to care for wounded Red Army soldiers, and organized the remaining population to refit and repair the roads. Thanks to this, unrestricted delivery of goods and people to the front became possible. The commanders of the 59th Frontier Detachment highly appreciated the contribution of V. D. Pinchuk, and he was awarded the Order "Badge of Honor".[259]

The activities of the population using water transport are well documented. Workers and fishermen of the seiner fish factory independently loaded products and ammunition on the ships, and also helped in sending the wounded to the rear. Their activity in archival records is often described by such words as "uninterruptedly", "permanently for several days" or "tirelessly". It is emphasized that their assistance was not one-time, but constant, that is, returning to the rear, the fishermen again went to the conflict zone to help the army.[260]

Collective farmers also supported the military. Collective farmers of Posietsky district sent tractors necessary for agricultural work to Khasansky district, also at least fifteen tractor drivers went to the front. Three people went to the combat zone on July 29, that is, by the date of the start of the fighting at the Zaozyornaya Height, they had already begun to carry out various works on the front line. The remaining eleven people (the fate of one person is unknown) set off after the first three tractor drivers and assisted the army from the beginning of August.[261] Thus, even before the beginning of the massive night attacks of the

[258] ARCHIVE of P. K. F. 2. Op. 1. D. 78. L. 6.
[259] ARCHIVE of P. K. F. 2. Op. 1. D. 78. L. 15.
[260] ARCHIVE of P. K. F. 2. Op. 1. D. 78. L. 1-14.
[261] ARCHIVE of P. K. F. 89. Op. 2. D. 64. L. 19.

Japanese side, which began on August 31, the Soviet collective farmers directly on the front line helped the Soviet army. There is no record of their activity in Soviet sources, but we can learn about it from Japanese documents.

On August 9, when the Headquarters of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula telephoned to the General Staff in Tokyo, information was transmitted that tractors appeared on the battlefield, dragging regimental guns. The appearance of tractors seems to have surprised the officers of the General Staff a lot, and a request was made to clarify this information.[262] Thus, the collective farmers transported guns and other heavy loads on tractors.

The materials recorded another fact, to which, as the author seems, we should pay attention. In the records about workers who assisted on ships, it is often referred to severe weather conditions, natural disasters: flood, storm, gale. As for Manchukuo, after the end of the conflict, starting from August 13, flood occurred due to heavy rains, and Koreans who sheltered from military actions found themselves in a difficult situation.[263] Another important source of information from which we can learn about the great damage inflicted by the natural elements to the Red Army is a document recommending that citizens be presented for reward. This document contains the names of fifty-four people, as well as their merits, and indicates the type of recommended award. In these records, information about disaster management often slips, for example:

Gennady Lvovich Dyachenko: "... During the period of the natural disasters and the separation of military units from food, without regard to any difficulties, he worked day and night to deliver the products to the operating parts of the Red Army ..."[264]

---

[262] Chodenjo dai 62 go, Shimada bunsho 111: Manso kokkyo jiken kankeiden tsuzuri sono 2 (Korean Army Telegram No. 62 in Shimada documents No. 111. Book of telegrams of the events on the border between Manchukuo and the USSR. Vol. 2) (Tokyo daigaku shakaikagaku kenkyujo toshokan / Library of the Institute of Social Sciences of Tokyo University).
[263] Shinajiken-shi tokugo chokohojiken-shi soan... P. 316.
[264] ARCHIVE of P. K. F. 2. Op. 1. D. 78. L. 10.

On the 5th August, Headquarters sent transporting means to the construction of the crossings, and engineer troops were sent to the construction of the road from Zarechye to Mramornoye. Engineer troops built the road, partially through the flooded space. People tore up grass and various weeds with their hands, knitted bundles, made fascines of them, and covered them with sand. It was not until 13.00 that to the engineer troops scythes were delivered, thanks to which they quickly mowed the grass, made a road and allow the wagon train to pass.[265] On the way from Zarechye to Mramornoye, along the whole road stood tractors and cars stuck in the way. On the flooded spaces, the movement of boats began, mainly to the machines and tractors, on which there was food (to be reloaded). Thus, the natural disasters have caused serious damage to the Soviet army.[266]

Due to flooding and heavy rain it became impossible to use ground transportation, and part of the troops were in an isolated position. And if civilians had not arrived in time on boats to help the military, then perhaps the army would not be able to continue to conduct military operations. It can be assumed that in the case of the flight of civilians, the damage to the army of the Soviet Union would be much more serious.

3.2. The View of the Conflict by the Population in the Territories Controlled by Japan

The conflict broke out on the border of the USSR and Manchukuo, and since this territory was close to Korea, there were many ethnic Koreans in the rear of the Japanese army, as well as other civilians consisting of Japanese, Chinese, and Manchus. In addition, the White emigrants who left the USSR after the October Revolution of 1917, as well as numerous Soviet citizens, lived in the territories controlled by Japan. Thus, we can conclude about the multinational composition of the population that was in the rear of the Japanese.

---

[265] Clouds are gathering near the border (To the 65th anniversary of the events at Lake Khasan) / A. A. Kol'tyukov [and others]. – M.: Kuchkovo pole publ., 2005. – P. 288.
[266] ibid.

When the conflict broke out, most Japanese citizens believed that it was necessary to give a decisive rebuff to the Soviet Union. However, more informed people mainly presumed that it was necessary to finish the Second Sino-Japanese war first, and it would be better to try and avoid collision with the USSR.[267] For this reason, when the conflict was resolved on August 11 during the diplomatic negotiations, the Japanese population in the rear welcomed it. The Japanese extolled their efforts, thanks to which Japan was able to withstand this conflict. At the same time, in Japan there was an opinion that if a military clash between Japan and the USSR would soon reoccur, then all the Japanese would have to act as a united front.[268] In fact, the Japanese did not so much support their army, as they feared that Japan would have to fight against the two countries.

Next, it is worth considering the behavior of ethnic Koreans, since they lived near the territory where the conflict broke out, whereas representatives of other ethnic groups were far from the battlefields, and could not, as for example, residents of the border Soviet villages, provide instant assistance to their state and army. In the territories lying directly within the conflict zone, the total number of Koreans was 15 thousand. However, according to the sources, most of them preferred to leave the territory before the conflict started.[269] Only those Koreans remained who somehow cooperated with the Japanese army, for example, those who were supplying the army, or whose cattle was requisitioned by the Japanese military men.[270] In general, the statements of the Koreans varied depending on the success of the attacks of the Soviet army: they expressed fears before its attack, they made statements about friendship with the USSR. When it came to the conclusion of an agreement on the cessation of hostilities, and the Japanese army

[267] Chokohojiken no manshukoku minshin ni oyoboshitaru eikyo ni kansuru ken (The file of Manchukuo people's feelings influenced by the conflicts at Lake Khasan) // Japan Center for Asian Historical Records. [Electronic document]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html (Reference Code: C01003421300) (reference date: 11.12.2016).
[268] ibid. P. 8.
[269] Shinajiken-shi tokugo chokohojiken-shi soan... P. 317.
[270] ibid. P. 317–318.

was in a subordinate position, people appeared among the Koreans who doubted the strength of the Japanese army.[271]

There is the document “The file of Manchukuo people’s feelings influenced by the conflicts at Lake Khasan (Chokohojiken no manshukoku minshin ni oyoboshitaru eikyo ni kansuru ken)” dated December 1, 1938, created by the Kwantung army Headquarters and classified as “extra-confidential”, but declassified already in XXI century. This document contains the researches of the public order, opinions among Manchukuo civil people, their attitude towards Japan and Manchukuo people’s reaction to the conflict at Lake Khasan in summer of 1938. In particular, it says that the Koreans who lived in the main territory of Manchukuo rather unanimously put forward the slogan: "To give a decisive rebuff to the Soviet Union". But together with that pro-Japanese expression some actions contradictory to its content took place: when the battles at Lake Khasan started, many Koreans employed in the construction of the Tyumen railway, left the work and ran away.[272]

After the military incident, many Koreans carried around, greatly exaggerating, the news about the defeat of the Japanese army. However, later they learned about the situation from the newspapers in detail, in particular, about the actions of the Japanese side, about the conclusion of an armistice reached, in a greater degree, during the diplomatic negotiations, and gradually the Koreans started praising the Japanese. They also predicted new territorial disputes between the Soviet Union and Japan, and among the Koreans the opinion prevailed that they needed to cooperate with the Japanese side.[273]

Thus, the Koreans did not incline either to the Japanese, or to the USSR; they were primarily interested in their own welfare and position, and even though the Japanese army had obligations to protect the territory of their residence, the ethnical Koreans did not give the Japanese army much support.

---

[271] ibid.
[272] Chokohojiken no manshukoku minshin ni oyoboshitaru eikyo ni kansuru ken... P. 4.
[273] ibid. P. 8–9.

The main population of Manchukuo indicated in the document in Japanese "Manshukokujin" (満洲国人), in other words "Manchukuo citizens", generally trusted the Japanese army and their attitude didn't change when the conflict started, but they were also mostly worried about their own position, a possible increase in prices if their state became a place of military actions. Despite the sympathy of the Manchukuo citizens to the Japanese, they hoped for a peaceful resolution of the territorial dispute. Of course, there were also those who were spreading rumors about the imminent defeat of the Japanese army; however, after the armistice was concluded, the majority of citizens of Manchukuo gladly accepted this news, but some concern would the Soviet Union respect the terms of the agreement or not was fixed [274], so the anxiety of the population didn't subside completely.

The White emigrants who were in Manchukuo were at first not very much interested in the impending territorial dispute, but when they saw the seriousness of the emerging conflict, they began to hope for the development of the Soviet-Japanese war. Also, with the participation of one of the founders of the Office for the Russian Emigrants in the Manchurian Empire, G.M. Semenov, more than two hundred White emigrants applied for admission to the Japanese army. The Japanese government, having received these petitions, concluded that the idea of overthrowing the Soviet power was popular among the emigrants. After the end of the conflict, the White emigrants felt disappointed, because of the loss of the chance to realize their long-standing dream of restoring the former state, but they foresaw new clashes between the USSR and Japan, during which the White emigration again, as in the situation with the conflict at Lake Khasan, intended to support Japan.[275] The nostalgia of the emigrants from Tsarist Russia was very strong, and it can be said that among the entire multinational population in the rear of the Japanese army, it was in their face that the Japanese saw the strongest support.

[274] ibid. P. 4–5, 9.
[275] ibid. P. 5, 9.

Also, the information about the Soviet citizens who were in the territory of Manchukuo was preserved. At first, they did not believe the Japanese newspapers reporting the start of the conflict, and they also could not obtain concrete information from the Soviet consulate. Therefore, initially they did not take this conflict seriously. However, as the confrontation increased, they began to think about returning to the USSR. The Soviet citizens in Manchukuo also feared persecution by the Japanese authorities, and generally felt uncertain.[276]

On the other hand, after the military operations began on July 1 to 12, 1938, 45 persons applied for a change of the Soviet citizenship. When the hostilities started in the Khasan district between July 13 and August 9, their number increased sharply to 153. Among those who applied for the change of citizenship were many representatives of the intelligentsia. The Japanese military men, who investigated the reasons that prompted these people to change their citizenship, identified two main causes. First, they were satisfied with the well-run life in Manchukuo, and if the war began, they would have to leave everything and go back to the USSR. Another reason was that they were not sure of the victory of the USSR.[277] However, the second reason seems rather unlikely to the author of this Thesis. Probably, there was an element of boasting from the military men of the Kwantung army. Basically, all the Japanese military forces were involved in the Second Sino-Japanese War, and, therefore, it is hard to believe that, in fact, people could be so confident in the military strength of the Japanese military men. Probably, the main reason is the reluctance to leave the well-run life in Manchukuo.

I would also like to consider the impact of the incident on the Manchurian economy which directly affects the population. After the military actions started, the cost of soybeans dropped from 3,000 yen per 1 railway car to 2,500 yen. This is due to the fact that the entrepreneurs foreseeing the war of Japan with the Soviet

[276] ibid. P. 5.
[277] ibid. P. 9–10.

Union, assumed that grain exports to Europe would soon become impossible, and did not enter into transactions for buying soybeans.[278]

Besides changes in the prices of soybeans, little other information about how the incident affected the economy is preserved. Therefore, it can be assumed that economically the population did not suffer heavy losses. During the attacks of the Soviet troops, 14 animals (cows) requisitioned from the Koreans were killed, but Japan compensated their cost, and, therefore, the civilians did not incur major financial losses.[279]

And, thus, the Koreans who lived close to the border practically did not help Manchukuo, and even the citizens of this country and the Japanese, who verbally supported the Japanese army, in reality did not make any actual actions to help it. These people were not united by assistance, but by concern about the possible beginning of a war between Japan and the USSR.

Those who really supported Manchukuo rending assistance to the Japanese army were the Russian White emigrants who hoped for a revival of the Russian Empire.

Compared with the population in the rear of the Japanese army, the population in the Far East of the USSR was prepared for self-sacrifice, acted unselfishly and had a firm spirit. The conflict to the end remained local, not capturing other territories, because, including, due to the reason that Japan didn't have any plan to capture the Soviet territory, however, the Red Army was assisted not only by the citizens of the USSR from the Primorsky area, but also from a more remote area of the conflict - the Ussuriysk region. In the Khabarovsk region,

[278] ibid. P. 6.
[279] Bakushi sengyu ni taishi hoshokin fuyo no ken (Compensation for cows killed in the explosion) // Japan Center for Asian Historical Records, [Electronic document]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html (Reference Code: C01002277200) (reference date: December 11, 2016).

various preventive measures were also taken against possible attacks by the Japanese military men.[280]

Having studied the morale of the citizens of the USSR, their activities and their extent, it becomes clear that the Soviet population regarded the conflict not as a territorial dispute, but as a "national war in the Far East", during which it defended its country from the Japanese invaders.

On the other hand, the beautiful phrase "Defense of the Motherland", actively used by the Soviet propaganda during the conflict, seemed to belittle the strength of the Soviet army which the civilian population was supposed to help. As a result of this, after the end of the conflict, the Soviet propaganda often used the world combination "Strong Soviet Army" in its slogans, and though among the civilian population there were persons awarded for assisting the army during the conflict, the attention was not focused on the heroic feat of the common people, the details of the activities of the civil population were not emphasized.

The Korean population living at the front in Manchukuo, unlike the Soviet population in the Far East, did not render assistance to the Japanese army. Of course, this can be explained by the fact that the Koreans, unlike the Soviet citizens, lived in a country created by Japan, and were not Japanese themselves. They fled from the places close to the scene of armed actions, and the reason for this was that the Koreans did not trust the Japanese, and the fact that the Koreans who lived on the very edge of Manchukuo were extremely poor: they had nothing to give to the army, and they themselves would hardly have the strength to hold weapons. So, in the author’s opinion, the main reasons for the escape of the Koreans were that they did not see themselves involved in the armed conflict between Japan and the Soviet Union and wanted to save their lives and the lives of their families.

No help was coming from other citizens, as the citizens of Manchukuo lived far enough from the front and were unhappy with the beginning of the military actions. And for the Japanese, Manchukuo was not the Motherland; that is

[280] ARCHIVE of P. K. F. 1. Op. 1. D. 749a. L. 6.

why, their desire to protect this country was weak. Thus, Manchukuo could not communicate to all their citizens the understanding and perception of danger at the same level as the USSR could in respect to its citizens.[281] As a result, the Japanese army didn't have any support from not military sources, unlike the Soviet army.

An important factor, which the involving of the civil population of the competiting countries into the events of the border conflict depended on, is: the geographical position the site of the conflict in relation to USSR and Japan. For the USSR, the conflict occurred directly on the border, and if the Soviet Union lost, there would be a threat of further claims from Japan to the very territory of the Soviet Union. This increased the responsibility of the civilian population and its readiness to assist and stand for defendance of the Motherland.[282] There were organized on the top propaganda meetings, but there was quite a number of ideologic assistants, one must only refer to the lists from the Russian achieves of the Soviet citizens put forward for various awards. The Japanese, because the conflict was conducted in a foreign territory, did not perceive this war as necessary and did not realize the importance of rendering assistance to the army. The Koreans from Manchukuo boarder territories wanted to save their lives in the fight of the countries they had nothing to do with. The citizens of Manchukuo of the Chinese origin were concerned about the influence of the conflict on the internal life of the country, but not so as to shed their heart's blood for their composure together with the Japanese military men; but the White emigrants expressed their desire to fight, not because of their loyalty to the country they found a new home, but because of their hate to the Soviet state and hope for the revival of the lost Russia.

[281] Kasahara Kota. Attitude of the civilian population of the Soviet far east and Manchukuo to the battles near Khasan Lake // Science Journal of Volgograd state university. History. Area Studies. International Relations. – 2017. – Vol. 22. – No. 2. P. 134.
[282] ibid. P. 135.

3.3. The Lessons from the Conflict for the Soviet Side

When the military operations ended, the Soviet Union made official statements about the end of the conflict. Many participants received various awards, including the title Hero of the USSR.[283] 6,500 persons were awarded orders and medals. For that time, such mass awards were a very notable event. In the "Soviet Military Encyclopedia V. 8" the following is written about the victory of the USSR:

> "The defeat of the Japanese in the H. area was a serious blow to their aggressive plans in the Far East directed against the USSR. The combat operations confirmed the high moral and political qualities, military training of the Soviet soldiers, reliability of the Soviet military equipment, correctness of the main provisions of the Soviet statutes and instructions. The Soviet troops acquired a certain combat experience, which was used to further enhance the combat preparedness of the Soviet army, working out the matters of interaction between different types of troops and the management of troops." [284]

However, in his studies, the American M. Makintosh sharply assesses the "combat experience" gained, which is mentioned in the SME, since it "was acquired at a high price of large losses and exposed serious defects in the organization of mobilization and training of the troops".[285] This statement is based on the words from K. E. Voroshilov's[286] order dated September 4, 1938, the main final Soviet document "Order 0040', which summarises the consequences of the

[283] Boeicho boeikenkyujo senshishitsu... P. 414.
[284] Soviet military encyclopedia. Vol. 8. P. 367.
[285] Mackintosh, J. Malcolm. Juggernaut: A History of the Soviet Armed Forces. – London: Secker and Warburg, 1967. – P. 101.
[286] Voroshilov Clement Efremovich (1881–1969) - Russian revolutionary, Soviet military leader, state and party leader, participant in the Civil War, one of the first Marshals of the Soviet Union. Since 1925 the People's Commissar for Military and Naval Affairs, in 1934-1940 the People's Commissar of Defense of the USSR.

conflict at Lake Khasan and analyses its events, problems in the leadership and disadvantages of the preparation stages:

> "The events of these few days have revealed enormous shortcomings in the state of the Red Banner Far Eastern Front. The combat training of the troops, staffs and commanders-officers of the front was at an unacceptably low level. The troops were discomposed and unfit for action; the supply of the military units was not organized. It was discovered that the Far Eastern theatre of military operations was not prepared for war (roads, bridges, communications)..."[287]

K. E. Voroshilov's order contains even more detailed indication of the mistakes and shortcomings on which the top party leadership focused its attention when analyzing the results of the battles at Lake Khasan.

"The main shortcomings in the preparation and organization of the troops revealed during military operations at Lake Khasan are:

a) criminal detachment of fighters from combat units for all kinds of extraneous work is inadmissible. <…>

b) the troops went to the border on a military alert absolutely unprepared. The emergency supplies of weapons and other military equipment was not pre-distributed and prepared for delivery to the troops in parts, which caused several outrageous disgraces during the entire period of hostilities. The head of the front department and the commanders of the units did not know what, where and in what condition the weapons, ammunition and other combat supplies were available. In many cases, the entire artillery batteries appeared to be on the front without shells, spare gun barrels were not pre-fitted in advance, the rifles were not shot, and many fighters and even one of the rifle units of the 32nd Division arrived at the front without rifles and gas masks. Despite the huge stocks of military uniforms and accessories, many fighters were sent into battle in completely worn shoes, half-

[287] Russian State Military Archive. F. 4. Op. 11. D. 54. L. 19.

barefooted, many Red Army men were without Army overcoats. The commanders and the staffs lacked maps of the combat area;

c) all the types of troops, especially the infantry, were unable to act on the battlefield, to maneuver, to combine movement and fire, to adapt to the terrain, which in this situation, as in general under the conditions of the Far East with numerous mountains and hills, is the ABC of combat and tactical training standards of the troops;

The tank units were used unskillfully and, thus, suffered heavy losses in the equipment and supplies."[288]

These are the general conclusions regarding the problems of the FEF, made by the Soviet side. Such an assessment is in contradiction with the above assessment given in the SME, which may be characterized as propagandic, and it can be concluded that the problem concerned not only the training of the army, but also the Far East area as a whole. All those problems in the whole turned out to be one of the reasons of repressing V. K. Blyukher and division of one too large formation, the Far East area, into two smaller and easily to manage: the Khabarovsky and Primorsky areas.

3.4. The Lessons from the Conflict for the Japanese Side

By the end of the conflict at Lake Khasan units of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula, involved in the battles for the disputed heights, came to a critical state. One of the reasons for this situation was that the main military forces of Japan were involved in China, where the Second Sino-Japanese war of 1937–1945 was raging, and Tokyo ordered to avoid direct fighting with the Soviet army, and allowed only to take a defensive position, without making

[288] Russian archive: Great Patriotic War. Vol. 13 (2–1). Orders of the People's Commissar of Defense of the USSR. 1937 - June 21, 1941 / V.A. Zolotarev [and others]. – M.: Terra publ., 1994. – P. 57–58.

attempts capture new territories. As a result, the Japanese army could not use airplanes and tanks, and firearms were in extremely limited quantities.[289]

From the 4th August, Soviet troops began to increase military force in the region. In particular, they were able to place an artillery observation post quite close to the Japanese positions, therefore, starting from the 5th August, the shelling of the Japanese troops became especially fierce. In addition, made sure that the Japanese would not use aviation, the USSR intensified its attacks from the air.

The Japanese army stationed on the Korean Peninsula received information about the possible threat of establishing interaction between all branches of the Soviet forces. This can be judged by the memories of the Japanese military, preserved in the archives: “If you continue to treat the enemy with disdain, he will take advantage of this by combining his military forces.”[290] More is written in detail about this threat: “The consolidation of enemy armies during artillery shelling, bombardment, and advancement of tanks and infantry is felt most strongly. The unification of these four forces will give the Soviet army a lot of strength, and for this sake the Soviet troops will do everything possible.[291] As can be seen from these records that have reached us, the stirring of various Soviet military units greatly disturbed the Japanese military. Especially from the 5th to 8th August, during these four days, when, as the materials show, the unification of the Soviet troops took place, and the Japanese army suffered the most serious losses.

Of course, the Japanese military men closely watched the Soviet army and came to the conclusion that one of the main factors that allowed the Soviet troops to unite was good equipment of the Soviet army, which the Japanese did not have.

The Soviet tanks also did not arouse great fear among the Japanese military men. Thus, on August 5, they could destroy 60 Soviet tanks heading for the Pulemyotnaya Gorka. There is the following entry in the archives: "I can judge that there is no need to fear the Soviet tanks; the tanks do not have great

[289] Inada Masazumi Op. cit. P. 283.
[290] Hohei dai 75 rentai chokohojiken sento shoho 2/2... P. 100.
[291] ibid. P. 101.

advantages and they are not very reliable." [292] There are also more decisive assessments: "The tanks that have entered into our location are not worth the fear. The Soviet infantry does not like to rush into battle with the enemy, and the tanks, being in the enemy's position, begin to act extremely slowly, and at this time they can be broken with one blow."[293]

However, in the opinion of the author of the Thesis, this is not due to the fact that the tank forces were weak, but to the fact that the area of the Khasan district was rather marshy, stretching to the heights, and the tanks were not effective for fighting in such natural conditions. Therefore, tanks were often blasted by tank destroyers. The following year, in the battles on the Khalkhin-Gol, the Japanese army suffered heavy losses from the tank troops.

The Japanese rapid-fire guns (machine guns) were used rather efficiently when firing at tanks; therefore, as follows from the archival records: "it was extremely important to place the guns in advance so that they would not be destroyed by the enemy's concentrated fire." [294]

One should pay attention to the fact that shooting at tanks was conducted under a large firing elevation (fire angle), and this was the cunning that the Japanese military men resorted to against the Soviet tanks, which consistently led them to victory.

On the other hand, the Japanese army stationed on the Korean Peninsula was traditionally strong in the night attacks, assaults and various types of hand-to-hand combat, which was also demonstrated during the battles at Lake Khasan. This is also confirmed when considering the mutual losses of the two armies in hand-to-hand fighting: for 110 dead Soviet soldiers, [295] there was one death on the Japanese side,[296] and this proves that the Japanese succeeded in this type of combat.

---

[292] ibid. P. 105.
[293] ibid. P. 108.
[294] Ibid. P. 109.
[295] G. F. Krivosheev Op. cit. P.154.
[296] Boeicho boeikenkyujo senshishitsu... P. 413.

Hand-to-hand fighting, in Japanese understanding, was an extremely effective type of attack against the Soviet army, and this gave confidence to the Japanese military men, as can be judged from archival records: "The Soviet infantrymen are most afraid of bayonet attacks, and usually in the event of such attacks, they throw the weapons and run away."[297]

Already after the first battles with the Soviet troops, the Japanese military men noted: "The enemy's infantry was equipped with rifles, small-caliber and large-caliber, rifle grenades, automatic rifles, service cartridges, hand grenades, etc., and provision of the Soviet army with weapons was very good." [298] However, recognizing good equipment of the Soviet army, the Japanese military men came to the conclusion that in hand-to-hand fighting they appeared to be psychologically stronger.

Despite the fact that the losses from air attacks were minimal, there were extremely fierce bombardments and firing of the Japanese units, so that the Japanese military men practically had no safe place. For this reason, except for the guns for shooting at a large angle, the numbers of the weapons used was reduced, and the Japanese troops were unable to prepare the weapons in the necessary amounts to repel the attacks.

The Japanese military men were ashamed of the shortage of weapons and confidently stated that the situation should not repeat again: "It is necessary to carry out preliminary work on installing the weapons to repel air attacks, to prepare everything necessary to shoot down the enemy aircraft."[299]

As for the tanks, though the use of explosives was effective, but at the same time, the Japanese military men noted that the use of anti-tank mines against tanks was not effective: "Anti-tank mines in soft soil not only did not explode, but required great precision, so, they were not fit for these battles."[300] For this reason, having studied the mines as well as the explosives, the military men attached great

[297] Hohei dai 75 rentai chokohojiken sento shoho 2/2... P. 109.
[298] ibid. P. 110.
[299] ibid. P. 104.
[300] ibid. P. 107.

importance to training in hand-to-hand combat, during which the use of explosives against tanks was also considered.

One of the reasons of the successful actions of the Japanese army against the Soviet military men was that "during the battles the military men realized that it was impossible to attack the enemy without preparation, having floundered from positions, first, it was necessary, through the organized use of firearms and artillery, to attempt to destroy heavy military equipment in the rear of the enemy, and if this was possible, it damaged the enemy troops." [301] Thus, it can be seen that the Japanese military men tried to apply various tactics: not only skillful use of hand grenades against tanks, but also counteracting heavy artillery of the enemy. The abovesaid shows, on the one hand, that the Japanese military men skillfully used the possibilities of the hand-to-hand combat; on the other hand, that the attacks with heavy weapons were extremely fierce, and heavy equipment was of paramount importance for the Soviet troops.

Regarding the actions of the officers of the Japanese troops, there are two different points of view. On the one hand, their actions are highly estimated, as they fought to the end during the fierce battles, but there is also an opposite point of view that indicates numerous mistakes in the actions of the command.

Though there were quite few officers, they were very troublesome for the other military men. Perhaps, if they were ready to die on the battlefield, they could inspire the troops who were at the battlefield from the very beginning. Thus, the former participants of the battles said that it was necessary to change the way of thinking of the officers and to introduce the training corresponding to these standards. For the command of the first front line, the most important thing was to be above the matters of political diplomacy, to have the determination to stand to death on the battlefield. Also, an urgent task for the army was the cultivation among the officers of the feelings of mutual assistance to their troops.[302]

---

[301] Hohei dai 75 rentai chokohojiken sento shoho 2/2... P. 112.
[302] ibid. P. 114.

A serious lesson for the army was received regarding the supply of the army. During the battles at Lake Khasan floods were a great threat to the armies, but the Japanese army practically did not suffer from them. However, the Japanese army was also unable to improve the supply of its troops, because the battles were often held in areas with lakes and rivers. Due to the fact that the Japanese army could not use the aircraft, the circumstances for it were not favourable: "When there was an interruption in supplies during the battles, it strongly demoralized the troops on the first front line." [303] It is interesting, but such an exposure of psychological suffering is not typical for the Japanese army. Both Japan and the Soviet Union during the Khasan battles could not properly organize new supplies to the front.

Speaking about the merits of their army during these battles, the Japanese noted them, first of all, in two areas. Firstly, this was the work of the combat engineers. Combat engineers have already been mentioned in this paper, but, in fact, the tactics they used were unexpected for the Japanese army, and recognizing the effect of interaction between the combat engineers and the infantry, the troops of the combat engineers are praised: "Combat engineers who helped the infantry performed excellently, and their the teamwork was very well organized." [304] Actions of the combat engineers coming armed with explosives one on one against tanks were considered a feat, and their determination increased morale in the army, in general.

The Japanese army, pressed by the Soviet troops, made a lot of efforts to repel the Soviet attacks, and it considered the intercepton of the initiative in the battle as the most effective military tactics. The following conclusion was drawn by the Japanese military men: "If you seize the initiative in the battle, you can severely undermine the combat mood of the enemy." [305] On the battlefield, the

[303] ibid. P. 116.
[304] ibid. P. 115.
[305] ibid. P. 117.

Japanese realized that if the Soviet army began to win at the expense of superiority in human and material resources.

Further, I would like to dwell in detail on the subject of the Japanese aviation, which, as already mentioned, did not take part in this military conflict, but those circumstances became a lesson for Japan in the future. Despite the non-participation in the battles, the Japanese aviation usually demonstrated its combat readiness. Immediately after the end of the conflict on August 20, 1938, the Minister of the Army, Itagaki Seishiro, was reported about that.

The 9th air force detachment in the early 1938 was equipped to be sent to the front, and all the necessary preparations were made. However, if we consider in more detail the circumstances of the mobilization of aviation, it becomes clear that, despite the fact that there was a general order for the preparation of air forces, there was no separate order on their mobilization. As a result, the military men had to make the necessary preparations for being sent to the front independently without an order from above. Thus, in response to the laziness of the Central Headquarters, the military men expressed the wish that it would be better to give an order of an emergency mobilization in advance.[306]

There was also discontent about the supply of the army. The military men expressed their wish as to how to use and replenish the available resources. The necessary resources had to be prepared in sufficient quantities in advance and maintained near the site of hostilities in order to use them if necessary.[307]

In addition, since the Soviet aircrafts flew in about 15 minutes to Hveryon town [308], where the Staff of the 9th air detachment was stationed, later, the Japanese military men expressed their wish that the intelligence units would be deployed, to

[306] Chokohojiken shorai ni kansuru ken (Future issues of fighting at Lake Khasan). // Japan center for Asian historical records. [Electronic document]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html (Reference Code: C01003380000. P. 1 on cov. – 2) (reference date: 10.21.2017).

[307] Ibid. P. 2 on cov.

[308] Hveryon (会寧市) is now the city of the DPRK in the province of Hamguong-Putko. Located near the Tumannaya River.

monitor the aircrafts of the enemy, and, as soon as possible, anti-air defense constructions would be set up.[309] According to the orders of the command, the air defense facilities were rather scattered, and there was also a shortage of light-masking equipment, sheds for the aircraft and other air defense facilities.[310] It was also necessary to improve the telephone communications. In the garrisons in Hveryon not specialized field telephone communications, but usual city telephone connection was used. And, according to Makino Masamiti, this caused leakage of the information. Thus, the information about the conflict which occurred near the border at Lake Khasan, even before it was published in the newspapers, became known to the ordinary citizens of Manchuria. Therefore, M. Makino pointed to the need of establishing specialized direct telephone communications.[311]

Significant problems were also identified in the interaction of the command. The order on mobilization of air forces had to come from the Commander of the 19th Division. However, when this military conflict began, the Commander due to complexity in formalities could not manage at once individual troops which were directly in the conflict zone. And even if there was a need for aviation, it could not be quickly mobilized because of such bureaucratic delays. Therefore, the military men wrote that from the very beginning there should have been a clear delineation of powers among the military leaders.[312]

Despite the fact that the Japanese aviation did not take part in this military conflict, it was this "non-participation" that made it possible to identify a large number of shortcomings in the military organization of the then Japanese army. The Japanese military men also conclude that although the Red Army during the conflict did not plan to seize more territories by further advancement of its troops, but assuming that the Red Army would continue its further attacks, it could succeed in this by using high-speed aircraft.[313]

---

[309] Chokohojiken shorai ni kansuru ken … P. 2 on cov. – 3.
[310] Ibid. P. 4.
[311] ibid. P. 3–3 on cov.
[312] ibid. P. 3 on cov. – 4.
[313] ibid. P. 1.

And finally, the author of the Thesis would like to mention G. S. Lyushkov (in 1938 the Head of the NKVD DK). His escape coincided with the start of the military conflict at Lake Khasan, therefore, his opinion on the conflict is of great interest.

Thanks to G. S. Lyushkov, the Japanese could obtain the most valuable information about the Soviet troops. However, the Japanese for a while regarded him as a spy and could not fully trust his information. However, the military conflict that took place confirmed that the information given by G. S. Lyushkov was reliable. Thus, I'd like to underline that during the conflict at Lake Khasan the Japanese military leadership didn't use the information provided by Lyushkov anyway.

As follows from the sources, G. S. Lyushkov said, commenting the attempts of the Japanese military leadership to agree on the armistice: "If Commander V. K. Blyukher loses this battle, he will lose his position. He will not stop military operations until the order comes from Stalin".[314]

Indeed, despite the fact that the armistice was reached as a result of diplomatic negotiations, this did not happen at the will of V. K. Blyukher, but after receiving an order from Moscow. In addition, I. V. Stalin identified the shortcomings in the state and preparedness of the Far Eastern Front, and after the end of the conflict V. K. Blyukher was arrested and repressed. Thanks to the battles at Lake Khasan, the Japanese command was convinced that, in general, one can trust the information given by G. S. Lyushkov.

If one analyses the results of the fights for the heights at dispute at Lake Khasan for Japan, then, firstly, the Japanese military men realized that, in spite of the predominantly defensive tactics held by the Japanese troops, (in connection

[314] Mokka no jokyo ni taisuru ryushikofu no kansatsu, Shimada bunsho 111 Manshukoku kokkyojiken kankei dempo sono 2 (Document: Observation of Lyushkov's condition in Shimada documents No. 111: and Document on the conflict on the border of Manchukuo and USSR, Vol. 2. (Tokyo daigaku shakaikagaku kenkyujo toshokan / Library of the Institute of Social Sciences of Tokyo University).

with the Emperor's order), if they seized the initiative during the battles, they could make the enemy to retreat.

As to the enemy's attacks, on the one hand, the Japanese military men admitted that they had suffered heavy losses from artillery shelling, but if the Japanese army had aircraft, then one should not be so afraid of those attacks. Due to the fact that many enemy's tanks were blasted, and somehow or other, put out of action, the Soviet tanks received an extremely low estimate from the Japanese military men. However, it was also noted that good cooperation of the Soviet troops should be one of the important subjects of study. Also, the military men wrote that in the future, it would be necessary to study the internal military cooperation of the Soviet troops even more carefully.[315] This remark contains a warning about the growing cohesion of the Soviet troops.

A positive result of the conflict for the Japanese is a chance to make certain of trueness of the information provided by G. S. Lyushkov with their own eyes. One of the important results of the conflict for the Japanese side was the conviction that the Soviet army was victorious due to the superiority of human resources and good material equipment. Also, the Japanese military men, who had already dealt with aircraft, tanks, and other military equipment at that time, nevertheless, came to a paradoxical conclusion that a person could defeat a tank going out one on one with it on the battlefield (such surprising conclusions were made in the official documents issued hot on the traces by the leadership of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula immediately after the end of the battles at Lake Khasan).

A huge mistake of the Japanese General Staff having decided that Japan would win de facto, is leaving the documents on the results of the battles written by the leadership of the Japanese Army stationed on the Korean Peninsula, without attention and analysis. In the battles for the hills at Lake Khasan, the Japanese military men acted better than their own expectations, and, thus, made hasty and

[315] Hohei dai 75 rentai chokohojiken sento shoho 2/2... P. 111.

superficial, erroneous conclusions about their own success in this campaign (while there was no success).[316]

The Kwantung army also ignored the final documents of the battles at Lake Khasan, there was no analysis of the results of military operations. The reason for this could be the internal competition between the Kwantung and the Japanese army stationed on the Korean Peninsula which were parts of a single whole - the Japanese Emperor army, but did not get along with each other. The Kwantung army perceived the battles at Lake Khasan as an exception, as a local conflict that would never happen again, so the results were not analyzed, and despite the fact that Japan had the first experience of conducting modern battles with the participation of modern (at that time) military equipment, as a result it was shown: "Bayonets decide the outcome of the battle" [317], and that against the tank it is effective to fight with a grenade in hand one on one.[318]

That is, Japan, after the battles at Lake Khasan, ignoring all its mistakes, remained with such conclusions: while fighting against the modernized Soviet army, the Japanese army had many casualties, but in the end, thanks to the psychological superiority, it was able to overcome the difficulties.[319] The historical lessons of the battles at Lake Khasan for Japan were as follows: you should not be self-confident, because self-confidence and underestimation of the enemy's forces served as the starting point for Japan's defeat in the battles on the Khalkhin-Gol, and later in the Second World War.[320]

---

[316] Kasahara Kota. What lessons did Japan learn from the Battle of Lake Khasan // Liberal arts in Russia. – 2016. – Vol. 5. – № 6. P. 561.
[317] Hohei dai 75 rentai chokohojiken sento shoho 2/2... P. 113.
[318] Kasahara Kota. What lessons did Japan learn from the Battle of Lake Khasan // Liberal arts in Russia. – 2016. – Vol. 5. – № 6. P. 561.
[319] Hohei dai 75 rentai chokohojiken sento shoho 2/2... P. 114.
[320] Kasahara Kota. What lessons did Japan learn from the Battle of Lake Khasan // Liberal arts in Russia. – 2016. – Vol. 5. – № 6. P. 562.

CONCLUSION

The present dissertation research is devoted to the consideration of the main events and facts about the border conflict at Lake Khasan in the studying of archival materials of Japan and the USSR. Despite the fact that border conflicts between the USSR and Japan in the 30s of the twentieth century were quiet constant (for example, only in 1935 there are 176 incidents), it was the hostilities at Lake Khasan in 1938, that was the first large-scale military conflict in the Soviet-Japanese history of modern times, the importance of which for the subsequent mutual relations of the two countries can not be overestimated. It is not by chance that this conflict in Japan was named the “Martial baptism of Japan in modern history (初めて近代戦の洗礼の一端を受けた戦い)”.

In the end of the work the main conclusions should be presented. First of all, it should be noted the difficult international situation in the context of which the events in question took place. The strengthening of militaristic sentiments among the powers, the polarization of the world community, the formation of military alliances was a factor aggravating the occurrence of the Soviet-Japanese border conflict.

The complex international political context was complicated by the presence of disagreements between the USSR and Japan over the demarcation of the state borders. It should be noted that both parties relied on the same document (the Hunchun Protocol), but the interpretation of its provisions was different. If Japan recognized the border passage along the western shore of Lake Khasan, the USSR believed that the border goes along the ridges of the hills (watershed), among the peaks of which was the top of the Zaozyornaya Height. Disagreements in the interpretation of the treaty regarding the border line, became the main prerequisite for the beginning of the armed conflict at Lake Khasan.

The difference in conceptual approaches to the understanding of interstate borders has also caused the difference in the dating of the conflict at Lake Khasan itself. If in the Soviet-Russian historiography for the reason to start the hostilities at

Lake Khasan consider the attack of the Japanese military on the Bezymyannaya Height on 29th July 1938, and the same day is named as the first day of the conflict. Then for Japan, the arrival of the USSR border guards to the Zaozyornaya Height on the 9th July 1938, served as a reason for the beginning of the conflict, from which the Japanese themselves counted the date of the conflict. The point is that for the Soviet side the territory to which the Soviet border guards arrived belonged to the Soviet Union. However, in the understanding by the Japanese side, the USSR border guards appeared on the territory of Manchuria. The arrival of the Soviet border guards on one of the spurs on the south side of the Bezymyannaya Height in this interpretation was only the direct reason for the start of hostilities.

In addition to the listed objective prerequisites of the conflict, a subjective factor had a certain role in its escalation. Despite the opinion of the official Japanese authorities, which consisted of the desire to prevent the start of large-scale hostilities with the USSR, for which the country was not ready, the attitude of the Japanese military directly at the scene of events was quite aggressive. This circumstance led to some actions by the Japanese military, not coordinated with the official Tokyo, in response to the advance of the Soviet border guards on the 9th July and their advancement in the area of the Bezymyannaya Height on the 29th July. According to the logic of the Japanese side, they did not cross the border line, they only forced the Soviet army to leave Manchuria territory, remaining on the territory of Manchukuo.

These facts make it possible to put forward the thesis that at that stage in the unfolding of the conflict, Japan did not have a plan to seize the Soviet territory. This is confirmed by the order of the Emperor to protect the Zaozyornaya Height, in no case resorting to an attack on the USSR.

A quantitative and qualitative analysis of the losses of the parties to the conflict makes it possible to refute the proposition that the victory of the USSR in the battles at Lake Khasan was so successful. Thus, in absolute terms, the losses of the Red Army were 3 times higher than the Japanese. At the same time, in relative terms, the percentage ratio of losses was higher for the Japanese army. Therefore,

the Red Army retained significant forces to continue military operations, while Japan no longer had any, and the troops fought to their limits. Based on these data, we can conclude that the decisive prerequisite for the victory of the USSR in this military conflict was a more advantageous position in terms of access to resources — human and material.

Another circumstance that led to the victory of the Soviet side was the greater involvement of the civilian population in this conflict. The Red Army received multilateral assistance from the civilian population of the USSR, while the majority of the civilian population of Manchuria withdrew from the support of the Japanese military. When analyzing this fact, it was concluded that the geographical factor contributed to this. Indeed, for the USSR, the conflict occurred directly on its border, and if the Soviet Union had lost, it would be threatened by further claims from Japan on the territory of the Soviet state itself. Therefore, the Soviet population viewed the conflict not as a territorial dispute, but as a "Patriotic War in the Far East", during which it defended its country against the Japanese invaders. In turn, the multinational state of Manchukuo, created in 1932, not without the help of Japan, which was, in fact, a puppet state, could not convey to all its citizens an understanding and perception of danger at the same level at which the USSR could with regard to its citizens. As a result, the Japanese army had no support from the civilian population. The only force that supported the Japanese army was the Russian White emigrates, who hoped for the reinstating of the Russian Empire.

Some interest in understanding the consequences of the conflict at Lake Khasan for the USSR and Japan causes the study of the lessons and conclusions that were made by the parties on its results. It is necessary to recognize that the Soviet leadership was more serious about the results of military hostilities. Analyzing the results of the conflict, it came to the conclusion that the army was not sufficiently prepared for the military action and that it was necessary to solve problems with the training of army personnel and the supply of weapons to it. In addition, problems were identified in the managing of the Far Eastern region as a

whole. All these problems together were one of the reasons for the repression of V. K. Blucher and the division of too large an administrative entity in the form of the Far Eastern area into smaller and easier to manage, the Khabarovsky and Primorsky areas. Another lesson learned by the USSR was the conviction that Japan's ally, Germany, would not support Japan in the event of incidents like the hostilities at Lake Khasan.

In turn, Japan made two major mistakes when considering the outcome of the hostilities at Lake Khasan and accordingly, made the wrong conclusions and did not learned lessons from the conflict. The first mistake was that the Japanese senior military leadership, having decided that the victory already in grasp for Japan, left the documents on the outcome of the battles written by the leadership of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula without attention and analysis. In the battles for the heights at Lake Khasan, the Japanese military, in their opinion, acted quite successfully, which made hasty and shallow, erroneous conclusions about their own success in this campaign (while, in fact, there was no success). The second mistake is that, just like the Headquarters of the Japanese army ignored the final documents of the hostilities at Lake Khasan, the Kwantung army did not treat them with due attention, no analysis was made on the results of hostilities. The consequence of this was the raising of the high military spirit of the army in Japanese military circles, which allows it to overcome objective difficulties due to psychological superiority.

Thus, the border conflict at Lake Khasan, despite its local character, is a useful historical material that allows us to understand the general course and logic of subsequent relations between states. This circumstance causes an increased interest in these events among representatives of the historical science of both countries. As a positive trend, the gradually increasing attention of researchers to the archival materials of the second side should be noted. It can be assumed that it is this approach that can contribute to an understanding of the main motives and logic of the actions of the opposing party to the conflict, which will make finding a compromise between countries on controversial issues closer.

Reference list

SOURCES

Archival documents

In Russian

1. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRE). F. Treatises. Op. 3. 1886. D. 905. L. 1, 2, 3.
2. ARCHIVE of Primorsky Krai (P. K.). F. 1. O. 1. D. 738. L. 8.
3. ARCHIVE of P. K. F. 1. O. 1. L. 749a. L1, 2, 3, 4, 5, 6, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32.
4. ARCHIVE of P. K. F. 2. O. 1. D. 78. L. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21.
5. ARCHIVE of P. K. F. 3. O. 1. D. 885. L. 6.
6. ARCHIVE of P. K. F. 3. O. 1. D. 886. L. 3, 3ob, 9, 10.
7. ARCHIVE of P. K. F. 25. O. 5. D. 115. L. 93, 94.
8. ARCHIVE of P. K. F. 27. O. 1. D. 46. L. 27, 28, 29, 30.
9. ARCHIVE of P. K. F. 82. O. 1. D. 33. L. 109, 109ob.
10. ARCHIVE of P. K. F. 85. O. 1. D. 210. L. 72, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 99, 118, 119, 120.
11. ARCHIVE of P. K. F. 89. O. 2. D. 64. L. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25.
12. ARCHIVE of P. K. F. 130. O. 1. D. 10. L. 24, 25, 26.
13. ARCHIVE of P. K. F. 658. O. 1. D. 32. L. 34, 35, 36, 37.
14. Russian State Military Archive (RSMA). F. 35083. O. 1. D. 24. L. 190, 191.
15. RSMA. F. 35083. O. 1. D. 35. L. 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29.
16. RSMA. F. 35083. O. 1. D. 69. L. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15.

In Japanese[321]

17. Kantogun sambobu daiikka (First division of the Kwantung army Headquarters). Kansakumei dai 1488 go Bessatsu: Manso kokkyofunso shoriyoko (Order №1488 of the Kwantung army: A stand-alone volume – Methods for resolving border disputes between the Manchukuo and the USSR) // Nomonhanjiken kimitsu sakusen nisshi dai ikka (Journal of the military operations during the hostilities near Khalkhin-Gol Vol. 1). (Boeisho boeikenkyujo senshi kenkyu senta / Arhive of the military history research center of research institute of the Ministry of Defense). 関作命第一四八八号別冊　満「ソ」国境紛争処理要綱 // ノモンハン事件機密作戦日誌 第一巻.
18. Mokka no jokyo ni taisuru ryushikofu no kansatsu (Observation of Lyushkov's condition) / Manshukoku kokkyojiken kankei dempo sono 2. (Telegrams about incidents on the border of Manchukuo, Vol. 2) // Shimada monjo No. 111 (Shimada Documents No. 111). (Tokyo daigaku shakaikagaku kenkyujo toshokan / Library of the Institute of Social Sciences of Tokyo University). 目下ノ状況ニ対スル「リユシコフ」ノ観察 // 満州国国境事件関係電報（其ノ二）島田文書.
19. Rikugun gijutsu hombu. Sogun: Kagakusen shizai, tsushin kizai, bakuhatsu kizai, jirai rui: Gaisetsu (Soviet Army: chemical weapons, communications, explosives, mines: general course) 1940. (Boeisho boeikenkyujo senshi kenkyu senta / Arhive of the military history research center of research institute of the Ministry of Defense). 蘇軍 {化学戦資材、通信器材、爆発器材、地雷類} 概説.
20. Shinajiken-shi tokugo daiikkan chokohojiken-shi fuhyo fuzu (Special Edition

[321] The archiving system of Japan and Russia has many differences. The main difference is the combination of the original military documents of Japan in volumes in which the documents are related to one topic as if they woild have taken one fund in Russia and combined them under one cover. Outwardly, such a fiund resembles a book. In these volumes there is no concept of "sheet from the department", as the numbering of pages becomes bookish.

of the History of the Second Sino-Japanese War. Vol. 1. History of Khasan Hostilities: Attached tables and maps). (Boeisho boeikenkyujo senshi kenkyu senta / Arhive of the military history research center of research institute of the Ministry of Defense). Sambo hombu (General staff). 支那事變史特號第一巻　張鼓峯事件史附表附圖.

21. Shinajiken-shi tokugo chokohojiken-shi soan (Special Edition of the History of the Second Sino-Japanese War). 1939 (Boeisho boeikenkyujo senshi kenkyu senta / Arhive of the military history research center of research institute of the Ministry of Defense). Sambo hombu (General Staff). 325 p.支那事變特號　張皷峯事件史草案.
22. Chodenjo dai 62 go (Korean Army Telegram No. 62) / Manso kokkyo jiken kankeiden tsuzuri sono 2 (Book of telegrams of the events on the border between Manchukuo and the USSR. Vol. 2) // Shimada monjo No. 111 (Shimada Documents No. 111). (Tokyo daigaku shyakaikagaku kenkyujo toshokan / Library of the Institute of Social Sciences of Tokyo University). 満蘇国境事件関係電綴（其ノ二）// 島田文書.
23. Chokohojiken (Battles at Lake Khasan). 1952. (Boeisho boeikenkyujo senshi kenkyu senta / Arhive of the military history research center of research institute of the Ministry of Defense). Dai ichi fukuin kyoku (First Department of Demobilization). 張鼓峯事件.
24. Chokohojiken no keii (Course of the Khasan Battles). 1938. (Boeisho boeikenkyujo senshi kenkyu senta / Arhive of the military history research center of research institute of the Ministry of Defense). Chosengun shireibu (Korean Army Headquarters). 104 p. 張鼓峯事件ノ経緯.
25. Hohei dai 75 rentai chokohojiken sento shoho 1/2 (Detailed combat report of the 75th Regiment 1/2). (Boeisho boeikenkyujo senshi kenkyu senta / Arhive of the military history research center of research institute of the Ministry of Defense). Hohei dai 75 rentai (75th Regiment). 163 p.歩兵第七十五聯隊張鼓峯事件戦闘詳報　１／２.

26. Hohei dai 75 rentai chokohojiken sento shoho 2/2 (Detailed combat report of the 75th Regiment 2/2). (Boeisho boeikenkyujo senshi kenkyu senta / Arhive of the military history research center of research institute of the Ministry of Defense). Hohei dai 75 rentai (75th Regiment). 138 p. 歩兵第七十五聯隊張鼓峯事件戦闘詳報　２／２.

Collections of documents and memoirs

In Russian

27. Soviet population census: General Results. Collection of documents and materials editing by Yu. A. Polyakova [et al.]. – M.: Rosspan publ., 2007. – 319 p.
28. Documents of foreign policy of the USSR (DVP USSR. Vol. 21 / editing by A. A. Gromyko [and others.]. – M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury publ., 1977. –792 p.
29. Border troops of the USSR in 1929-1938. Collection of documents and materials/ P. I. Zyryanov [and others]. – M.: Nauka, 1972. – 775 p.
30. Russian archive: Great Patriotic War. Vol. 13 (2–1). Orders of the People's Commissar of Defense of the USSR. 1937 - June 21, 1941 / V.A. Zolotarev [and others]. – M.: Terra publ., 1994. –366 p.
31. I. N. Shkadov. Lake Khasan. Year 1938 – M.: Voennoe izd-stvo publ., 1988. – 95 p.

In Japanese

32. Akaishizawa Kunihiko. Chokoho (the Zaozyornaya Height). – Tokyo. Koa shobo, 1941. – 353 p.張鼓峰.
33. Gaimusho oakyoku dai ikka (First Department of Europe and Asia at the Ministry of Foreign Affairs of Japan). Nisso kosho-shi (Japanese-Soviet history of the negotiations). – Tokyo. Gannando shoten, 1942. – 567 p.日「ソ」交涉史.

34. Gendai-shi shiryo (10) Nitchu senso (3) (Data of the Newest History Vol. 10: The Second Sino-Japanese War No.3) / editing by Sumita Jun. – Tokyo. Misuzu shobo, 1963. – 705 p. 現代史資料（10）日中戦争（三）.

35. Gendai-shi shiryo (12) Nitchu senso (4) (Data of the Newest History Vol. 12: The Second Sino-Japanese War No.4) / editing by Kobayasi Tatsuo [and others]. – Tokyo. Misuzu shobo, 1965. – 596 p. 現代史資料（12）日中戦争（四）.

36. Nishimura Toshio. Nishimura Toshio chusa kaikoroku: Nibunsatsu no ni (The memoirs of Lieutenant Colonel Nishimura Tosio 2/2). (Boeisho boeikenkyujo senshi kenkyu senta / Arhive of the military history research center of research institute of the Ministry of Defense). 西村敏雄中佐回想録　二分冊の二.

37. Nitta Mitsuo. Kyokuto kokusai gunji saiban sokkiroku dai gokan (Transcript of the international military tribunal for the Far East. Vol. 5). – Tokyo. Yushodo shoten, 1968. – 764 p. 極東國際軍事裁判速記録　第五巻.

38. Nitta Mitsuo. Kyokuto kokusai gunji saiban sokkiroku dai jikkan (Transcript of the international military tribunal for the Far East. Vol. 10). – Tokyo. Yushodo shoten, 1968. – 807 p. 極東國際軍事裁判速記録　第一〇巻.

39. Shigemitsu Mamoru. Shigemitsu Mamoru gaiko kaisoroku (Shigemitsu Mamoru. Diplomatic Memoirs). – Tokyo. Mainichi simbunsha, 1978. – 260 p. 重光葵外交回想録.

40. Tominaga Kametaro. Warera chokoho o shishusu (We defended the Zaozyornaya height at the cost of our lives). – Tokyo. Fuyo shobo, 1981. – 299 p. われら張鼓峯を死守す.

41. Tsuji Masanobu. Nomonhan (Khalkhin-Gol). – Tokyo. Ato shobo, 1950. – 342 p.ノモンハン.

Sources of the 1930s

In Russian

42. IZVESTIA. 03.08.1938 – 10.08.1938
43. PRAVDA. 30.07.1938 – 15.08.1938

In Japanese

44. Tokyo asahi simbun (Newspaper Tokyo Asahi). 東京朝日新聞. 14.07.1938 – 23.09.1938

Literature

In Russian

45. Antonova N. N., Antonov A. N. Medical care of the Soviet troops in the area of Lake Khasan / N. N. Antonova, A. N. Antonov // Military conflict near Lake Khasan : A look through six decades– M.: 2003. – P. 37–43.
46. Balakin V. I. The 1938 military conflict at Lake Khasan: the international aspect / V. I. Balakin // Military conflict near Lake Khasan: a look through six decades – M.: 2003. – P. 44–49.
47. Baranova I. D. Heroes of Khasan (relics of the Central Museum of the Armed Forces) / I. D. Baranova // Military conflict near Lake Khasan: a look through six decades – M.: 2003. – P. 50–54.
48. Great Soviet Encyclopedia. Vol. 41 / editing by B. A. Vvedensky [and others]. – M.: “Great Soviet Encyclopedia”, 1956. – 657 p.
49. Military conflict near Lake Khasan: a look through six decades / editing by. V. N. Kuzelenkov. – M.: 2003. – 207 p.
50. Burikov P. D. Irreversible and sanitary losses of the Soviet troops in the battles at Lake Khasan / P. D. Burikov // Military conflict near Lake Khasan: a look through six decades. – M.: 2003. – P. 55–58.
51. Volkov F. D. Heroic act of Richard Sorge – M.: Znanie publ., 1976. – 96 p.
52. Galenovich Yu. M. Chiang Chung Cheng, or the unknown Chiang Kai-shek

(Chinese politicians of 20th century) – M.: ID “Muravej” publ., 2000. – 368 p.

53. Gorobets V., Nosov P. The Khasan events. Search for: “... those who cannot be slain by years ...” / V. Gorobets, P. Nosov // Military conflict near Lake Khasan: a look through six decades. – M.: 2003. – P. 59–64.
54. Gundyrin M. A. Border guards - heroes of the Khasan fights (to the events on Lake Khasan) / M. A. Gundyrin // Military conflict near Lake Khasan: a look through six decades. – M.: 2003. – P. 65–76.
55. Derevyanko A. P. Border conflict near Lake Khasan in 1938 – Vladivostok: Ussuri publ., 1998. – 82 p.
56. Dushen'kin V. V. From soldier to marshal. – M.: Gospolitizdat publ., 1961. – 224 p.
57. Dyatlov V. V. It was possible to solve everything only with artillery. The use of Soviet artillery in armed conflict at Lake Khasan / V. V. Dyatlov // Voenno-istoricheskij zhurnal. – 2012. – № 7. – 80 p.
58. Zhirokhov M. A. A big sky of long-range aviation. Soviet long-range bombers in the Great Patriotic War of 1941–1945. – M.: Tsentrpoligraf publ., 2014. – 221 p.
59. Zakharova G. F. Politic of Japan in Manchuria in 1932-1945. – M.: Nauka publ., 1990. – 262 p.
60. Zelov N. S. The patronage work of art masters on the fighters and commanders of the Special Far Eastern Army / N. S. Zelov // Military conflict near Lake Khasan: a look through six decades – M.: 2003. – P. 77–81.
61. Zimonin V. P. Military diplomatic background of the Khasan events in the documents of the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation / V. P. Zimonin // Military conflict near Lake Khasan: a look through six decades. – M.: 2003. – P. 82–91.
62. Izedinov A. A. The war in Spain. Chronicle of the hostilities of 1936-1939. – M.: OOO “ArtKom” publ., 2014. – 440 p.
63. History of the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945. –Vol. 1: The preparation and beginning of war by the imperialist powers /

P. N. Pospelov [and others]. – M.: Voennoe izd-vo Ministerstva oborony Soyuza SSR publ., 1960. – 528 p.

64. THE HISTORY OF THE SECOND WORLD WAR 1939-1945. VOL. 2 / A. A. Grechko [and others]. – M.: Voennoe izd-vo Ministerstva oborony Soyuza SSR publ., 1973. – 531 p.
65. History of Japan. 1868–1998. Study guide. - Vol. 2. – M.: IV RAN publ., 1998. – 703 p.
66. Kajmakova S. V. Local History Laboratory: Historical and Cultural Heritage of Wars / S. V. Kajmakova // Military conflict near Lake Khasan: a look through six decades. – M.: 2003. – P. 92–97.
67. Kasahara Kota. A new assessment of the Battle of Lake Khasan based on calculation of casualties of the USSR and Japan // Loberal arts in Russia. – 2017. – Vol. 6. – №4. – P. 298–310.
68. Kasahara Kota. What lessons did Japan learn from the Battle of Lake Khasan // Liberal arts in Russia. – 2016. – Vol. 5. – № 6. P. 554–564.
69. Kasahara Kota. Attitude of the civilian population of the Soviet far east and Manchukuo to the battles near Khasan Lake // Science Journal of Volgograd state university. History. Area Studies. International Relations. – 2017. – Vol. 22. – No. 2. P. 127–136.
70. Katuntsev I. V. Incident of the background of the Khasan events / I. V. Katuntsev // Rodina. – № 6–7. 1991. – P. 12–18.
71. Kol'tyukov A. A. The armed conflict at Lake Khasan: a look of the XXI century / A. A. Kol'tyukov // Military conflict near Lake Khasan: a look through six decades. – M.: 2003. – P. 8–21.
72. Korotaev V. I. Reaction of the West to the military conflict at Lake Khasan (according to documents of foreign origin of RSMA / V. I. Korotaev // Military conflict near Lake Khasan: a look through six decades. – M.: 2003. – P. 98–101.
73. Kotel'nikov V. It happened near the Khasan / V. Kotel'nikov // Aviamaster – 2003. – №2. – P. 12–18.

74. Koshkin A. A. Clouds are gathering near the border… / A. A. Koshkin // Military conflict near Lake Khasan: a look through six decades. – M.: 2003. – P. 102–110.
75. Kuzelenkov V. N. Documents of the Russian State Military Archive on the history of the military conflict in the area of Lake Khasan in 1938 / V. N. Kuzelenkov // Military conflict near Lake Khasan: a look through six decades. – M.: 2003. – P. 22–29.
76. Kutakov L. N. The history of Soviet-Japanese diplomatic relations. – M.: Izdatel'stvo IMO publ., 1962. – 560 p.
77. Krivosheev G. F. Russia and the USSR in the wars of the twentieth century. Book of counting the losses. – M.: Veche publ., 2010. – 619 p.
78. Memorandum on positivity of the Politicies in Manchuria, submitted on July 25, 1927 by Prime Minister Tanaka to the Emperor of Japan / Kommunisticheskij internacional. – 1931. – № 33–34. – P. 47–62.
79. Nagaev I. M. To clarify the loss of Soviet troops during the fighting in the area of Lake Khasan in 1938 / I. M. Nagaev // Military conflict near Lake Khasan: a look through six decades. – M.: 2003. – P. 111–116.
80. Nagaev M. I. Participants in the fighting near Khasan - heroes of the Great Patriotic War / M. I. Nagaev // Military conflict near Lake Khasan: a look through six decades. – M.: 2003. – P. 117–121.
81. Nagaeva E. I. “God of War” at Lake Khasan (combat activities of artillery during the period of hostilities in the area of Lake Khasan in 1938) / E. I. Nagaeva // Military conflict near Lake Khasan: a look through six decades. – M.: 2003. – P. 122–125.
82. Clouds are gathering near the border (To the 65th anniversary of the events at Lake Khasan) / A. A. Kol'tyukov [and others]. – M.: Kuchkovo pole publ., 2005. – 399 p.
83. Osipov Yu. Heroes of the Khasan / Yu. Osipov // Krasnoe Znamya. 1988.5.07.
84. Petrov V. N. They fell for the Motherland (about the events in the area of Lake Khasan in the military history of the Fatherland) / V. N. Petrov // Military

conflict near Lake Khasan: a look through six decades. – M.: 2003. – P.126–129.

85. Pikov A. Aviation fighting during the events at Lake Khasan / A. Pikov // Military conflict near Lake Khasan: a look through six decades. – M.: 2003. – P.130–134.
86. Political division of the Red Army. Documentations of the Soviet patriotism. – M.: Gosudarstvennoe izd-vo narkomata oborony Soyuza SSR publ., 1939. – 387 p.
87. Soviet military encyclopedia Vol. 8 / A. A. Grechko [and others] – M.: Voennoe izd-vo ministerstva oborony SSSR publ., 1980. – 687 p.
88. Tarhova N. S. Military conflict in the area of Lake Khasan: opinion of the archeographer / N. S. Tarhova // Military conflict near Lake Khasan: a look through six decades. – M.: 2003. – P.135–141.
89. Tihvinskij S. L. Russia - Japan. Doomed to good neighborliness. – M.: Nauka publ., 1992. – 159 p.
90. Haritonova E. V. Photo documents about the history of the hostilities in the area of Lake Khasan and the Khalkhin-Gol River from the arhive funds of the Russian State Archive of Cinema and Photo Documents: problems of archival studies / E. V. Kharitonova // Military conflict near Lake Khasan: a look through six decades. – M.: 2003. – P.151–154.
91. Cherevko K. E. Hammer and sickle against samurai sword. – M.: Veche publ. 2003. – 384 p.
92. Cherevko K. E. Soviet-Japanese conflict in the area of Lake Khasan in 1938 / K. E. Cherevko // Military conflict near Lake Khasan: a look through six decades. – M.: 2003. – P.155–165.
93. Shishov A. V. Russia and Japan. History of the military conflicts. – M.: Veche publ. 2000. – 572 p.
94. Yakovets A. P. Heroism on the border. 75 years of military conflict at Lake Khasan 1938–2013. – Vladivostok: Russkij ostrov publ., 2013. – 212 p.
95. Japanese militarism / editing by academic E. M. Zhukov. – M.: Nauka publ.,

1972. – 375 p.

In Japanese

96. Arita Hachiro. Bakahachi to hito wa iu (People call me Bakahachi). – Tokyo. Kowado, 1959. – 302 p. 馬鹿八と人はいう.

97. Aruvin D. Kukkusu. Mohitotsu no Nomonhan Chokohojiken 1938 nen no nisso funso no kosatsu (Another Khalkhin-Gol. Khasan fights: Review of the Japanese-Soviet conflict in 1938). – Tokyo. Hara shobo, 1998. – 409 p.もう一つのノモンハン 張鼓峯事件 1938 年の日ソ紛争の考察.

98. Boeicho boeikenkyujo senshishitsu (Bureau of military history research of the research institute of Ministry of Defense of Japan) Senshisosho 27 kantogun (1) taiso sembi nomonhan jiken (Military history series. Vol. 27. The Kwantung army (1): Preparation for the battle against the USSR – The Fights on the Khalkhin-Gol). – Tokyo. Asagumo shimbunsha, 1969. – 751 p.戦史叢書　関東軍（1）対ソ戦備ノモンハン事件.

99. Gaimusho (Ministry of Foreign Affairs of Japan). Nihon gaiko nempyo narabini shuyo bunsho jo kan (Japanese diplomatic chronological tables and main documents Vol. 1). – Tokyo. Hara shobo, 1935. – 540 p.日本外交年表竝主要文書　上巻.

100. Gaimusho johobu (Intelligence Service of the Ministry of Foreign Affairs of Japan). Chokohojiken no hankyo: Kakkoku wa jiken o ikani miruka (Responses to the Khasan battles: How each country saw this incident) // Shuho（Weekly report）. – 1938. – № 97. – P. 30–34. (Kokuritsu kobunsho kan / State Archive). 張鼓峰事件の反響 各国は事件を如何にみるか // 週報.

101. Ikei Masaru. Nihon kokusairemmei kyokai sono seiritsu to henshitsu (Japan in the League of Nations: Its organization and decline) 日本国際連盟協会 その成立と変質. // Hogaku kenkyu (Legal research). – 1995 – № 62–2. – P. 23–

48. 日本国際連盟協会 その成立と変質. // 法学研究.

102. Inada Masazumi. Soren kyokuto gun tono taiketsu – Chokoho, Nomonhan jiken no zembo hiroku (The confrontation with the USSR's Far Eastern Army: Secret document of the general information about the Khasan battles and battles near Khalkhin-Gol) // Bessatsu Chisei Himerareta showa-shi (Chisei. Separate Volume: The Hidden History of the Showa Period). – 1956. – P. 276–298. ソ連極東軍との対決－張鼓峰・ノモンハン事件の全貌秘録. // 別冊　知性　秘められた昭和史.

103. Ino Tentaro. "Tanaka josobun" o meguru ni san no mondai (Several problems associated with the "Tanaka Memorandum") / Kokusai seizi (International politics). – 1964. – № 26. – P. 72–87. 「田中上奏文」をめぐる二三の問題. // 国際政治.

104. Kasahara Kota. Nisso Chokohojiken-shi (The history of the Japanese-Soviet conflict at Lake Khasan). – Tokyo. Kinsei sha, 2015. – 180 p.日ソ張鼓峯事件史.

105. Kasahara Kota. Sokoku boeisen toshiteno Chokohojiken - Soren jumin no shien o chushin ni (Khasan battles as battles to defend the Motherland: a look at the support by the people of the USSR) // Daigakuin ronshu (Collection of Graduate Studies). – 2014. – № 24. – P. 39–62. 「祖国防衛戦」としての張鼓峯事件－ソ連住民の支援活動を中心に－ // 大学院論集.

106. Kasahara Kota. Soren gaiko bunsho kara mita Chokohojiken (Khasan battles: a look through the Soviet diplomatic documents) // Gunjishi-gaku (Military history science). – 2014. – №49–4. – P. 76–94. ソ連外交文書からみた張鼓峯事件. // 軍事史学.

107. Kasahara Kota. Soren gun (Roshia gawa) shiryo to kara mita Chokohojiken (Khasan battles: rethinking through Soviet and Russian army documents) // Gunjishi-gaku (Military history science). – 2012. – № 48–3. – P. 70–90. ソ連軍（ロシア側）史料等からみた張鼓峯事件. // 軍事史学.

108. Koshikin A. A. Jyukushi senryaku no hatan – Nisso churitsu joyaku o yabuttanowa dareka (The collapse of the wait and see strategy: Who violated the neutrality pact between the USSR and Japan). – Tokyo. Ningen sha, 1985. – 262 p. 熟柿戦略の破綻 日ソ中立条約を破ったのは誰か.

109. Miyasugi Hiroyasu. Showa senzenki nihon gun no taiso joho katsudo (Japanese army intelligence activities against the USSR during the beginning of the Showa period) // Gunjishi-gaku (Military history science). – 2013. – №49–1. – P. 96–114. 昭和戦前期日本軍の対ソ情報活動. // 軍事史学.

110. Miyasugi Hiroyasu. Chokohojiken niokeru nihonrikugun no joho katsudo (Actions of Japanese army intelligence during the Khasan fights) // Intelligence. – 2013. – № 13. – P. 45–55. 張鼓峰事件における日本陸軍の情報活動. // Intelligence.

111. Nakamura Satoshi. Manso kokkyofunso-shi (The history of the conflicts between Manchukuo and the USSR). – Tokyo. Kaizosha, 1939. – 400p. 満ソ国境紛争史.

112. Nakayama Takashi. Kantogun (the Kwantung army). – Tokyo. Kodansha, 2000. – 286 p. 関東軍.

113. Nakayama Takashi. Chokohojiken no saikento – Taiheiyo senso ni mukatte – (Revision of the Khasan fights: Towards a war in the Pacific) // Sin boei ronshu (New compilation of the Defense). – 1983. – №11–2. – P. 79–99. －張鼓峯事件の再検討－太平洋戦争に向かって. // 新防衛論集.

114. Nakayama Takashi. Chokohojiken saiko (Revision of the Khasan fights) // Boeidaigakko kiyo (Bulletin of the National Academy of the Defense of Japan). – 1995. – № 70. – P. 91–105. 張鼓峰事件再考. // 防衛大学校紀要.

115. Nikka Kurabu. Shinajin no mita nihon no man-mo seisaku (Japanese policy towards Manchuria and Mongolia, seen by the eyes of the Chinese). – Tokyo. Nikka Kurabu, 1930. – 70 p.支那人の観た日本の満蒙政策.

116. Nishino Tatsukichi. Nazo no bomeisha ryushikofu (Mysterious emigrant

Lyushkov). – Tokyo. Sanichi shobo, 1979. – 210 p. 謎の亡命者リュシコフ.

117. Nihon kokusai seiji gakkai. Taiheiyo senso geiin kenkyubu (Reasons for war in the Pacific Research Department of the Japan International Society). Taiheiyo senso eno michi dai 4 kan nitchu senso ge (The path to war in the Pacific. Vol. 4: The Second Sino-Japanese War. Vol. 2). – Tokyo. Asahi simbun sha, 1963. – 426 p. 太平洋戦争への道 第四巻 日中戦争〈下〉.
118. Rikugunsho shimbun han (A collection of newspapers of the Ministry of the Army). Chokohojiken no keii (Course of the Khasan battles) // Shuho (Weekly report). – 1938. – № 93. – P. 20–23. 張鼓峰事件の経緯. // 週報.
119. Suravinsuki Borisu. Nisso senso eno michi. Nomonhan kara chishima senryo made (The path to the Japanese-Soviet conflict: From Khalkhin-Gol to the occupation of the Kuril Islands). – Tokyo. Kyodotsushinsha, 1999. – 552 p.日ソ戦争への道　ノモンハンから千島占領まで.
120. Suchuato D. Gorudoman. Goldman. Nomonhan 1939 Dainiji sekaitaisen no shirarezaru shiten (Khalkhin-Gol 1939: Unknown starting point of the World War II). – Tokyo. Misuzu shobo. – 312 p.ノモンハン 1939　第二次世界大戦の知られざる始点.
121. Shigemitsu Mamoru. Showa no doran jo (Shocks during Showa period. Vol. 1). – Tokyo. Chuokoron sha, 1952. – 716 p.昭和の動亂 上.
122. Harada Kumao. Saionjiko to seikyoku dai 7 kan (Prince Saionji and political situation. Vol. 7). – Tokyo. Iwanami shoten, 1952. – 395 p.西園寺公と政局 第 7 巻.
123. Hata Ikuhiko. Mei to an no nomonhan senshi (The light and dark history of the battles at Khalkhin-Gol). – Tokyo. PHP kenkyujo, 2014. – 424 p.明と暗のノモンハン戦史.
124. Hata Ikuhiko. Nitchu sensoshi (History of the Second Sino-Japanese War). – Tokyo, Kawade shobo shinsho, 2011. – 387 p.日中戦争史.
125. Hayashi Saburo. Kantogun to kyokutosorengun (The Kwantung army and the

Far Eastern Army of the USSR). – Tokyo. Fuyo shobo, 1974. – 320 p.関東軍と極東ソ連軍.

126. Hirai Tomoyosi. Sta-rin no sekigun shukusei – Tosuibu zemmetsu no nazo o ou (Purges of the Red Army by Stalin: A study of the mystery of the complete eradication of the High Command). – Tokyo. touyo shoten, 2012. –63 p.スターリンの赤軍粛清 統帥部全滅の謎を追う.

127. Eto Shinkichi. Eto Shinkichi chosakushu dai san kan: Nijyuuseiki nitchu kankeishi (Collection of literary works by Eto Shinkiti, Vol. 3. The history of relations between Japan and China in the twentieth century). – Tokyo. Tohoshoten, 2004. – 265 p. 衛藤瀋吉著作集　第三巻　二十世紀日中関係史.

In English

128. Chang Iris. The Rape of Nanking: The Forgotten Holocaust of the World War II. – London, Penguin Book Ltd., 1998. – 290 p.

129. Coox Alvin D. The Anatomy of a Small War: the Soviet-Japanese Struggle for Changkufeng / Khasan, 1938. – London, Praeger Pub, 1977. – 409 p.

130. Goldman Stuart D. Nomonhan, 1939: The Red Army's Victory That Shaped World War II. – Maryland, Naval Institute Press, 2013. – 226 p.

131. Kawakami K. K. Japan speaks: On the Sino-Japanese crisis. – New York. The Macmillan company, 1932. – 184 p.

132. Mackintosh, J. Malcolm. Juggernaut: A History of the Soviet Armed Forces. – London: Secker and Warburg, 1967.

133. Morton William F. Tanaka Giichi and Japan’s China Policy. – Folkestone, Dawson, 1980. – 329 p.

134. Sun Youli. China and the Origins of the Pacific War, 1931–1941. – New York, St. Martin’s Press, 1993. – 244 P.

135. The Encyclopedia Americana, vol. 26. – Danbury, Americana corporation, 1979. – 926 p.

136. The New Encyclopedia Britannica, vol. 11. – Chicago, the University of Chicago, 1989. – 950 p.

Materials from the Internet

In Russian

137. Molodyakov Vasilij. "Memorandum Tanaka": the end of a fake // Novoe Vostochnoe Obozrenie. [Electronic document]. URL: http://ru.journal-neo.com/node/3367 (reference date: 15.01.2018).

138. The defeat of the Japanese troops at Lake Khasan in July-August 1938 // Ministry of Defense of the Russian Federation: [Electronic document]. URL: http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=11800884@cms Article (reference date: 18.12.2015).

In Japanese

139. Bakushi sengyu ni taishi hoshokin fuyo no ken (Compensation for cows killed in the explosion) // Japan Center for Asian Historical Records, [Electronic document]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html (Reference Code: C01002277200) (reference date: 11 december 2016).

140. Dai 19 shidan chokohojiken senseki setsumeizu. Showa 13 nen 7 gatsu jojun - showa 13 nen 8 gatsu 11 nichi. (Scheme of the battle of Lake Khasan of the 19th Division. From the beginning of July until August 11) // Japan center for Asian historical records. [Electronic document]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html (Reference code: C13071198200. P. 1) (reference date: 27.02.2018).

141. Konshun kaiyaku (the Hunchun Protocol) / Manso kokkyo kankei joyakushu (Collection of treaties of relations between Manchukuo and the USSR from 1689 to 1924) // Japan center for Asian historical records. [Electronic document]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html (Reference code: C13010035100) (reference date: 06.10.2018). 琿春界約 // 満ソ国境

関係条約集 1689–1924.

142. Shitsumu hokoku ji showa ju nen juni gatsu itari showa juichi nen juichi gatsu (1) (Reports of services from December 1935 to November 1936, No.. 1) / Teikoku kaigi zakken setsumeishiryo kankei dai 5 kan. (Documents of the imperial councils of Japan. Vol. 5) // Japan Center for Asian Historical Records. [Electronic document]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html (Reference Code: B02031355700) (reference date: 18.12.2015). 執務報告 自昭和十年十二月至昭和十一年十一月 // 帝国議会関係雑件 説明資料関係 第五巻.

143. Shitsumu hokoku. Showa jusannendo oakyoku dai ikka / 1938 nen (Oa ichi-hachi). (Report of the 1st Division of the Ministry of Foreign Affairs: Showa, 13th year) // Japan Center for Asian Historical Records. [Electronic document]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html (Reference Code: B10070094600) (reference date: 11.12.2016). 執務報告 昭和十三年度欧亜局第一課 1938 年.

144. Chokohojiken no manshukoku minshin ni oyoboshitaru eikyo ni kansuru ken (The file of Manchukuo people's feelings influenced by the conflicts at Lake Khasan) // Japan Center for Asian Historical Records. [Electronic document]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html (Reference Code: C01003421300) (reference date: 11.12.2016). 張鼓峯事件の満洲国民心に及ぼしたる影響に関する件.

145. Chokohojiken shorai ni kansuru ken (Future issues of fighting at Lake Khasan). // Japan center for Asian historical records. [Electronic document]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html (Reference Code: C01003380000) (reference date: 10.21.2017). 張鼓峰事件将来に関する件.

146. Chokohojiken to manshukoku (Khasan battles and Manchukuo) / Manshukoku kokkyo chiho ni okeru funso zakken Soman kankei Chokohojiken (Border conflicts on the Manchukuo border: Soviet-Manchu relations and Khasan battles) // Japan Center for Asian Historical Records.

[Electronic document]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html (Reference Code: B02031259500) (reference date: 11.12.2016). 張鼓峯事件ト満州国 / 満州国国境地方ニ於ケル紛争雑件 蘇満関係 張鼓峰事件.

147. Chokoho fukin kokkyo joyaku ko “Konshun kaiyaku o chushin to shite” (Border treaties at the Zaozyornaya height: A look through the Hunchun Protocol) // Japan center for Asian historical records [Electronic document]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html (Reference code: B02031259700) (reference date: 21.10.2017). 張鼓峯附近国境条約考（琿春界約ヲ中心トシテ）// 満州国国境地方ニ於ケル紛争雑件 蘇満関係 張鼓峰事件.

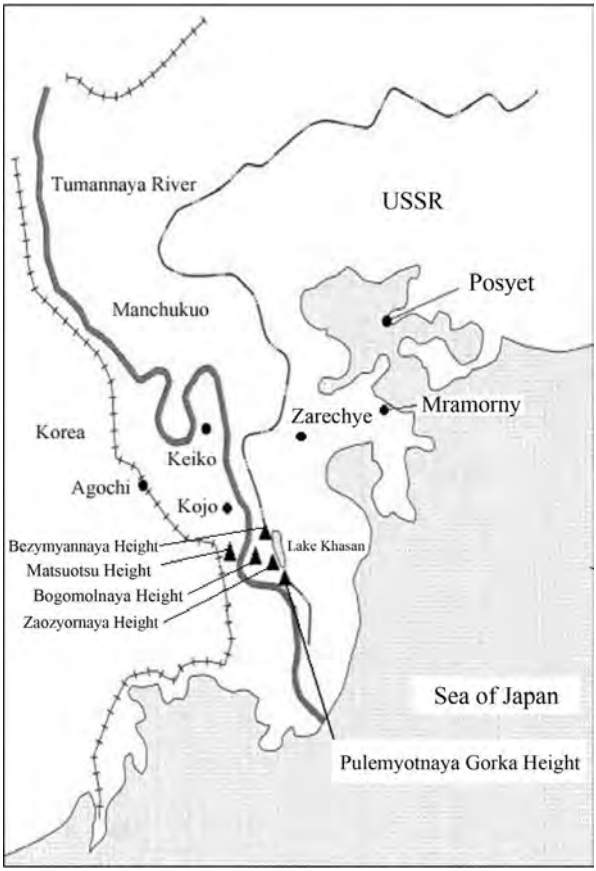
ANNEX

Fig. 1. The Zaozyornaya Height. View from the Soviet's territory

The name of the height comes from the landscape itself - "On the opposite bank"

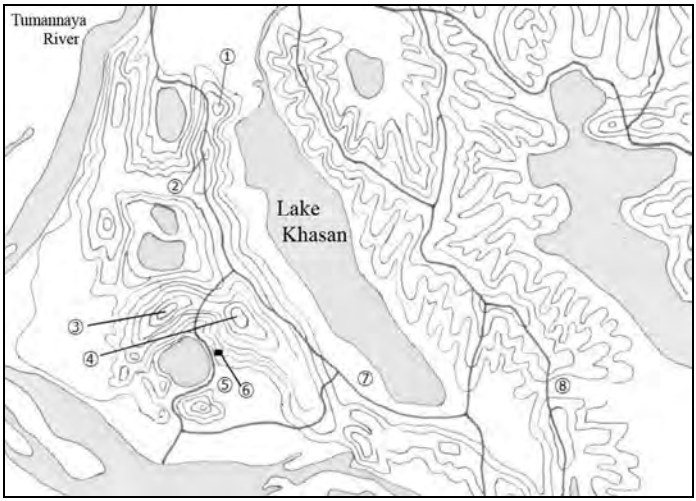
Source: From the personal archive of A. P. Yakovets

Fig. 2. The map of the surroundings around the Zaozyornaya Height



Source: Compiled by the author of the dissertation research based on the Map 1 of Alvin D. Coox. The Anatomy of a Small War: the Soviet-Japanese Struggle for Changkufeng / Khasan, 1938. – London, Praeger Pub, 1977. – P. 4.

Fig. 3. Physical map of the surroundings of the Zaozyornaya Height



①Bezymyannaya Height.

②Height to the south of Bezymyannaya.

③Bogomolnaya Height.

④Zaozyornaya Height.

⑤Digasheli village.

⑥building with white walls (junior school).

⑦Pulemyotnaya Gorka Height.

⑧29th Height

Source: Compiled by the author of the dissertation research based on Shinajiken-shi tokugo daiikkan chokohojiken-shi fuhyo fuzu (Special Edition of the History of the Second Sino-Japanese War. Vol. 1. History of Khasan Hostilities: Attached tables and maps). (Boeisho boeikenkyujo senshi kenkyu senta / Arhive of the military history research center of research institute of the Ministry of Defense). Sambo hombu (General staff). List 24, 25.

Fig. 4. The map of border lines between the USSR and Manchuria, which the Japanese side insisted on (edition of 1952)

Source: Chokohojiken (Battles at Lake Khasan). 1952. (Boeisho boeikenkyujo senshi kenkyu senta / Arhive of the military history research center of research institute of the Ministry of Defense). Dai ichi fukuin kyoku (First Department of Demobilization). – 1952. – P. 2.

Fig. 5. Contour map of Fig. 4

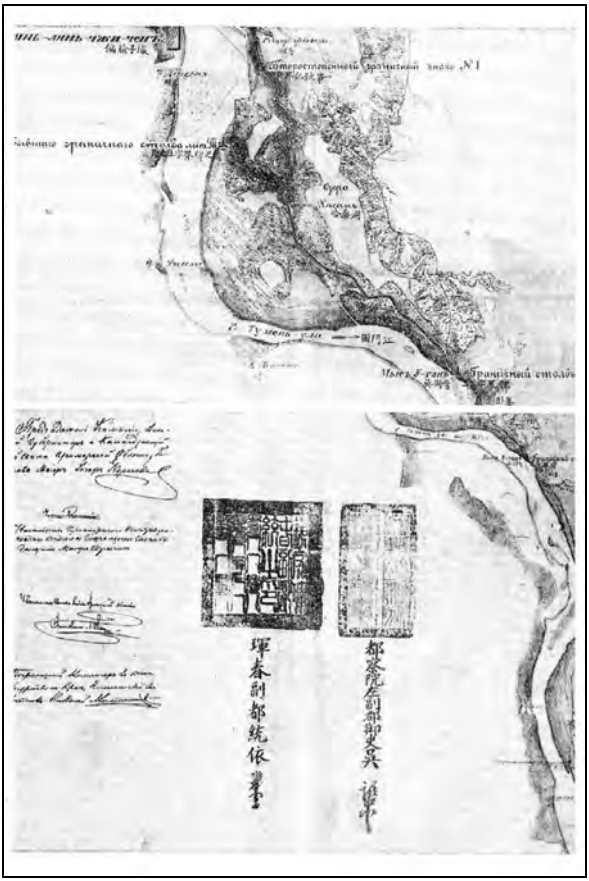
①Border due to the Hunchun Protocol of 1886

②Border on the map of the three northeastern provinces (Liaoning, Jilin, Heilongjiang) of the Army Geodesic Bureau, compiled between 1915–1920

③Border on the map of the General Staff of the Russian Empire in 1911

Source: Boeicho boeikenkyujo senshishitsu (Bureau of military history research of the research institute of Ministry of Defense of Japan). Senshisosho 27 kantogun (1) taiso sembi nomonhan jiken (Military history series. Vol. 27. The Kwantung army (1): Preparation for the battle against the USSR – The Fights on the Khalkhin-Gol). Tokyo. Asagumo shimbunsha, 1969. – P. 340.

Fig. 6. Map of the border, drawn up according to the Hunchun Protocol, presented by the USSR during the negotiations on July 15, 1938.

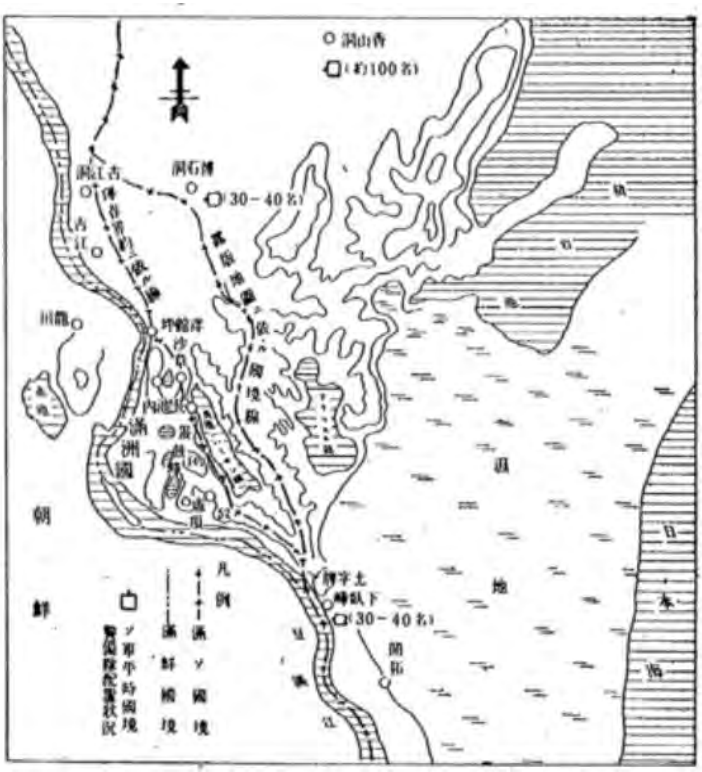


Source: IZVESTIA (August 3, 1938). (Border lines, Lake Khasan and the Zaozyornaya Height marked by the author of the study).

* The original Hunchun Protocol document is preserved in the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. F. Treatises. Op. 3.1886. D. 905. L. 2–5.

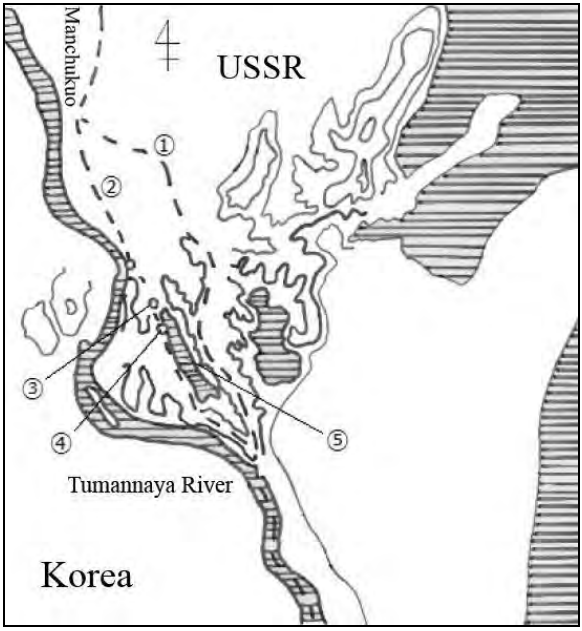
Fig. 7. Border lines indicated by the newspaper bureau of the Army of Japan

(July 7, 1938)



Source: Rikugunsho shimbun han (A collection of newspapers of the Ministry of the Army). Chokohojiken no keii (Course of the Khasan battles) // Shuho (Weekly report). – 1938. – No. 93. – P. 22.

Fig. 8. Countur map of Fig. 7



①Border on the map of the Russian Empire (1861).

②Hunchun Protocol Border (1886).

③ Bezymyannaya Height.

④Zaozyornaya Height.

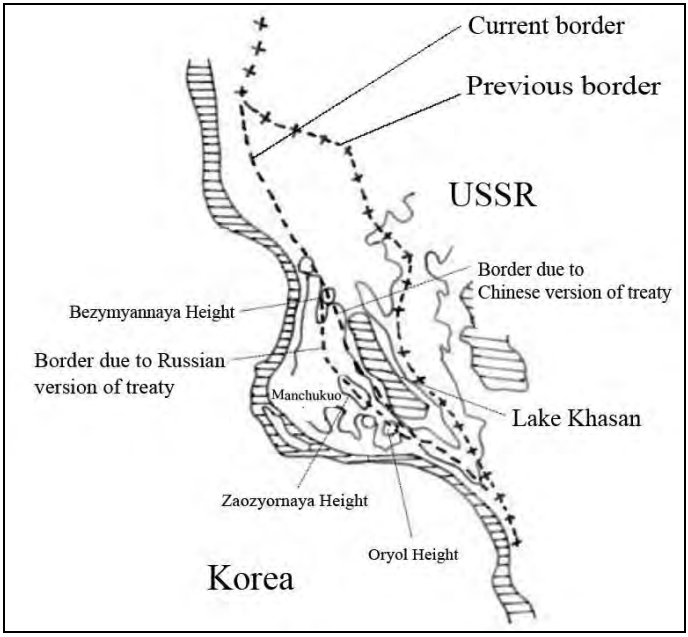
⑤ Lake Khasan.

Source: Compiled by the author of the dissertation research.

Fig. 9. The border line according to the Japanese International Association (August 1938)

Source: Chokoho fukin kokkyo joyaku ko “Konshun kaiyaku o chushin to shite” (Border treaties at the Zaozyornaya height: A look through the Hunchun Protocol) // Japan center for Asian historical records [Electronic document]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html (Reference code: B02031259700) (reference date: 21.10.2017).

Fig. 10. Countur map of Fig. 9



Source: Compiled by the author of the dissertation research.

Fig.11. Soviet soldiers who took part in the first battles at Lake Khasan (photo of July 29)

Source: A.P. Yakovets.

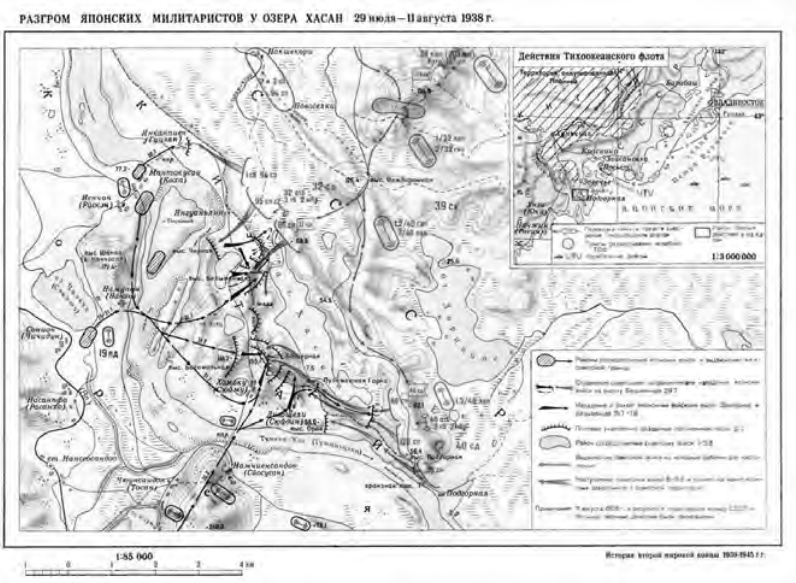
Fig. 12. Downed Soviet aircraft. August 1, 1938

Source: Shinajiken-shi tokugo chokohojiken-shi soan (History of Khasan Battles). 1939 (Boeisho boeikenkyujo senshi kenkyu senta / Arhive of the military history research center of research institute of the Ministry of Defense). Sambo hombu (General Staff). – P. 78.

Fig. 13. Soviet tank, shot down by troops under the command of Takenouti

Source: Shinajiken-shi tokugo chokohojiken-shi soan... P. 60.

Fig. 14. Battle map of conflict at Lake Khasan



Source: The history of the second world war 1939-1945. Vol. 2 / A. A. Grechko [and others]. – M.: Voennoe izd-vo Ministerstva oborony Soyuza SSR publ.– 1974. – Maps. – P. 9.

Fig. 15. Representatives of two delegations of negotiators in the white-walled building of the junior school

In the center is a figure with his back to the camera - Colonel Cho, next to him facing the camera is Komkor Stern.

Source: Shinajiken-shi tokugo chokohojiken-shi soan... – P. 297.

Fig.16. Japanese soldiers heading to the re-meeting of the delegation (date of photo is unknown)

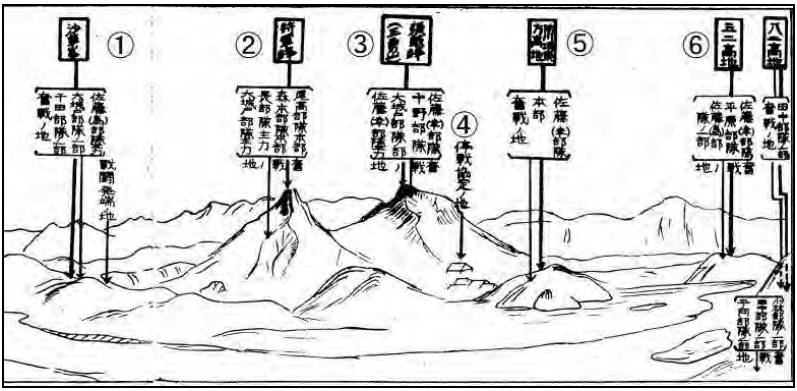
Person in glasses to the left - Colonel Cho.

Source: A.P. Yakovets.

Fig.17. Photo of Soviet soldiers at the Zaozyornaya Height

Source: A.P. Yakovets.

Fig. 18. Positions of the Japanese military at the time of signing the cease-fire agreement on August 11, 1938



①Bezymyannaya Height.

② Bogomolnaya Height.

③Zaozyornaya Height.

④Place of negotiations between Stern and Cho (junior school).

⑤Digasheli village.

⑥Oryol Height.

Source: Dai 19 shidan chokohojiken senseki setsumeizu. Showa 13 nen 7 gatsu jojun - showa 13 nen 8 gatsu 11 nichi. (Scheme of the battle of Lake Khasan of the 19th Division. From the beginning of July until August 11) // Japan center for Asian historical records. [Electronic document]. URL: https://www.jacar.go.jp/english/index.html (Reference code: C13071198200. P. 1) (reference date: 27.02.2018).

Table 1. The losses of Soviet troops in the battles at Lake Khasan

Types of losses	Commanders	Jun. commanders	Soldiers	Total
Irreversible losses				
Killed and died from wounds during evacuation	136	153	470	759
Died from wounds and diseases in hospitals	11	11	78	100
Missing in action	2	12	81	95
Killed in accidents	3	2	1	6
Total	152	178	630	960
% of the losses	15.8	18.5	65.6	100
% of the losses	9.3	5.2	3.5	4.2
Sanitary losses				
Wounded, contused, burned	290	406	2056	2753
Fall ill	37	79	411	527
Total	327	485	2467	3279
% of the losses	10	14.8	75.2	100
% of the numbers	20	14.1	13.8	14.3

* Krivosheev G. F. Russia and the USSR in the wars of the twentieth century. Book of counting the losses. – M.: Veche publ., 2010. P.153.
(since in Krivosheev's book there are small errors in the calculations in the tables, the author once again counted the data).

** The total number of Soviet troops is reduced to the number of 22,950 people.

Table 2. Average monthly number of Soviet troops participating in hostilities

Total personnel in active troops	Including		
	Commanders	Jun. commanders	Soldiers
22950	1636	3442	17872

* Krivosheev G. F. Russia and the USSR in the wars of the twentieth century. Book of counting the losses. – M.: Veche publ., 2010. P. 154

* From table 3 it also becomes clear that the total number of Soviet troops is reduced to the number of 22,950 people.

Table 3. Loss of personnel by branch of the armed forces.

Branch of the armed forces	Ranks of military personnel	Type of losses		
		Killed	Wounded	Missing in action
Rifle corps	Commanders	55	268	5
	Jun. commanders	68	391	1
	Soldiers	243	2056	7
	Total	366	2715	13
	In percents	91.1	98.7	72.2
Tank corps	Commanders	10	22	-
	Jun. commanders	23	15	5
	Total	33	37	5
	In percents	8.2	1.3	27.8
Artillery (Corps)	Jun. commanders	1	-	-
	Soldiers	1	-	-
	Total	2	-	-
	In percents	0.5	-	-
Signal corps	Commanders	1	-	-
	Total	1	-	-
	In percents	0.2	-	-
Total	**Numbers**	**402**	**2752**	**18**

* Krivosheev G. F. Russia and the USSR in the wars of the twentieth century. Book of counting the losses. – M.: Veche publ., 2010. P. 155.
(960 were killed in total, but only 402 of them are listed in this table).

Table 4. Movement of the wounded and sick

Sanitary losses	**Numbers**	**Total transported to medical institutions**	**Of them**		
			Returned to service	**Granted leave permit**	**Died**
Wounded, contused, burned	Numbers	2752	1973	470	93
	%	100	71.7	17	3.4
Sick	Numbers	527	271	115	1
	%	100	51.4	21.8	0.2
Total	Numbers	**3279**	**2444**	**585**	**94**
	%	100	68.4	17.9	2.9

* Krivosheev G. F. Russia and the USSR in the wars of the twentieth century. Book of counting the losses. – M.: Veche publ., 2010. P. 154.
(Since in Krivosheev's book there are small errors in the calculations in the tables, the author once again counted the data).

Table 5. Types of injuries

Types of injuries	**Number of injuries**	**% to the total number of injuries**
Bullet wounds	869	31.6
Shrapnel wounds	1498	54.4
Injured in melee	110	4
Mixed	275	10
Total	2757	100

* Krivosheev G. F. Russia and the USSR in the wars of the twentieth century. Book of counting the losses. – M.: Veche publ., 2010. P. 154.

Table 6. The list of losses of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula

Types of losses		Branch of armed forces of 19th division									Losses in total
		73 rgt.	74 rgt.	75 rgt.	76 rgt.	25 art. rgt.	5 anti-aircr. rgt.	19 eng. rgt.	Other	Total	
Bullet wounds	Killed	32	-	91	58	2	2	5	2	192	**1438** (*2)
	Wounded	36	13	139	93	5	17	12	8	323	
	Total	68	13	230	151	7	19	17	10	**515**	
from Art. shelling	Killed	65	2	96	35	16	-	5	10	229	
	Wounded	43	14	131	48	24	11	11	21	303	
	Total	108	16	227	83	40	11	16	31	**532**	
from Grenades	Killed	2	-	45	40	-	-	-	1	88	
	Wounded	10	-	179	47	1	-	-	2	239	
	Total	12	-	224	87	1	-	-	3	**327**	
from Aerial bombing	Killed	1	2	2	1	-	2	-	-	8	
	Wounded	2	3	3	6	-	14	-	2	30	
	Total	3	5	5	7	-	16	-	2	**38**	
In melee	Killed	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	Wounded	-	-	2	1	-	-	-	1	4	
	Total	-	-	2	1	-	-	-	1	**4**	
Other(*1)	Killed	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	Wounded	1	2	13	3	2	-	-	1	22	
	Total	1	2	13	3	2	-	-	1	**22**	

* Shinajiken-shi tokugo daiikkan chokohojiken-shi fuhyo fuzu (Special Edition of the History of the Second Sino-Japanese War. Vol. 1. History of Khasan Hostilities: Attached tables and maps). (Boeisho boeikenkyujo senshi kenkyu senta / Arhive of the military history research center of research institute of the Ministry of Defense). Sambo hombu (General staff). List 4 (2).

(*1) 15 field heavy art. regiment, 2 squadron 27th cav. regiment, border troops of the 19th division, emergency sanitary troops, signal corps, headquarters of the 19th division.

(*2) 2 people missing in action of the total losses of Japan (1440 people).

Table 7. The main units of the Red Army, who took part in the battles at Lake Khasan

Far Eastern front			
39th rifle corps			
32th rifle division, 40th rifle division, 2nd mechanized brigade			
Regiments	94th rifle regiment 32 sd 95th rifle regiment 32 sd 96th rifle regiment 32 sd 32nd light artillery regiment 32 sd 118th rifle regiment 40 sd 119th rifle regiment 40 sd 120th rifle regiment 40 sd	Artillery corps:	Independent anti-tank division 32 sd Independent anti-aircraft division 32 sd Stationary artillery division 32 sd Independent anti-tank division 40 sd Independent anti-aircraft division 40 sd Stationary artillery division 40 sd
Batallions:	Independent tank battalion 32 sd Independent reconnaissance battalion 32 sd Independent signal corps 32 sd Medsanbat 32 (medical battalion) sd Independent tank battalion 40 sd Independent reconnaissance battalion 40 sd Independent engineer battalion 40 sd Independent signal corps 40 sd Medsanbat 40 (medical battalion) sd Mechanized battalion 2 mbr 1st tank battalion mbr 2nd tank battalion mbr 3rd tank battalion mbr 4th tank battalion mbr Independent reconnaissance battalion 2 mbr	Companies (military units)	Independent anti-gas company 32 sd Independent repair company 32 sd
		Aviation fireteams:	Fire team 32 sd Fire team 40 sd
		Artillery batteries:	Staff battery 32 sd Staff battery 40 sd
		Platoons:	Fuel supply platoon 32 sd
		Hospitals: Veterinary infirmaries:	Mobile hospital 32 sd Mobile hospital 40 sd Veterinary infirmary 32 sd Veterinary infirmary 40 sd
		Special department of NKVD:	Special department of NKVD 32 sd Special department of NKVD 40 sd
		Other divisions and institutions:	Junior lieutenants courses 32 sd Field bakery 32 sd Food transport 32 sd Field bakery 40 sd Food transport 40 sd

Source: Compiled by the author of the Thesis research based on Appendix 2 of A. P. Yakovets's "Heroism on the border. 75 years of military conflict at Lake Khasan 1938–2013". Vladivostok, Russky Ostrov publ., 2013. P. 211-212.

Table 8. The main units of the 19th division of the Japanese army stationed on the Korean Peninsula, which took part in the battles at Lake Khasan

Headquarters and army		Commanders		Army composition
		Rang	Name	
19th Division Headquarters	Divisional commander	Lieutenant general	Suetaka Kamezo	div. com.: 1 per., chief of staff: 1 per., staff officers: 4 per., adjutants: 3 per., officers: 29 per., jun. off-rs and privates: 121 per. Total: 159 per.
	chief of staff	Colonel	Nakamura Yoshiaki	
37th brigade headquarters		Major general	Morimoto Nobuki	brig. com.: 1 per., adjutants: 2 per., officers: 27 per. Total: 30 per.
73rd infantry regiment		Colonel	Sato Tamenori	staff, 3 battalions, art.-rif. corps, a-aircraft corps. Total: 1234 per.
74th infantry regiment		Colonel	Cho Isamu	same as 73rd infantry regiment. Total: 1471 per.
38th brigade headquarters		Major general	Ono Nobuaki	same as 37th brigade headquarter.
75th infantry regiment		Colonel	Sato Kotoku	same as 73rd infantry regiment. Total: 1507 per.
76th infantry regiment		Colonel	Okido Sanji	same as 75th infantry regiment. Total:
Border guards of 76th infantry regiment		Lieutenant colonel	Senda Sadasue	staff, 2 corps, 1 temporary platoon. Total: 292 per.
2nd Company of 27th cavalry regiment		Captain	Uesugi Kiyoshi	3 platoons. Total: 84 per.
25th art. corps		Colonel	Tanaka Ryukichi	staff, 3 battalions. Total: 609 per.
19th engineer corps		Lieutenant colonel	Kobayashi Shigeyoshi	staff, 2 corps, 1 platoon. Total: 233 per.
15th heavy art. corps		Lieutenant colonel	Suzuki Tadashi	staff, 2 corps, 1 reconnaissance fire team. Total: 213 per.
5th anti-aircraft corps		Lieutenant colonel	Hiramuki Tsukumo	staff, 2 corps, 1 platoon. Total: 199 per.
Signal corps		Lieutenant colonel	Takamatsu Hisanori	staff, 1 wire connection platoon, 1 wireless connection platoon. Total: 108 per.
2nd armored train squad		Lieutenant colonel	Morita Sutezo	commaning officers, 20 guns, 7 anti-aircraft guns, few platoons. Total: 202 per.
Special med. unit		Major	Morikawa Umetaro	staff, 1 stretcher platoon, 1 transportation platoon. Total: 115 per.
1st independent mixed art. corps		Lieutenant colonel	Nakajima Kenzo	staff, 2 corps, 1 supply platoon. Total: 449 per.
Independent heavy weapon corps		Captain	Sasaki Yoshio	commanding officers, 1 reconnaissance platoon, 1 art. platoon, 1 supply. platoon. Total: 145 per.
Anti-aircraft reserve corps of 20th division		Lieutenant	Tanabe Jiro	1 reconnaissance platoon, 1 art. platoon. Total: 45 per.
Special automobile corps		Captain	Iwano Yachio	commanding officers, 1 repair team, 2 platoons. Total: 99 per.
Special armored car light corps		Captain	Torisu Noritoshi	commanding officers, 1 platoon, 1 supply platoon. Total: 36 per.

Source: Compiled by the author of the Thesis research based on lists 1 and 2 of Shinajiken-shi tokugo chokohojiken-shi soan (History of Khasan Battles). 1939 (Boeisho boeikenkyujo senshi kenkyu senta / Arhive of the military history research center of research institute of the Ministry of Defense). Sambo hombu (General Staff). List 1-2.

*1 歩兵砲中隊 *2 臨時小隊 *3 山砲兵第 25 連隊 *4 器材小隊 *5 野戦重砲兵第 15 連隊 *6 観測班 *7 師団通信隊 *8 有線小隊 *9 無線小隊 *10 第 2 装甲列車隊 *11 指揮班 *12 臨時衛生隊 *13 担架小隊 *14 輸送班 *15 独立混成第一旅団砲兵隊 *16 独立重砲兵中隊 *17 指揮班 *18 観測小隊 *19 留守第 20 師団高射砲連隊 *20 観測小隊 *21 臨時自動車中隊 *22 修理班 *23 臨時軽装甲車隊